

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

16.01.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

Адиз КУСАЕВ. <i>Встречи</i> . Стихи.....	2
Роза МЕЖИЕВА. <i>Творец счастливого пространства</i>	5
Шарип ЦУРУЕВ. <i>Нохчалах дош</i> . Стихаш.....	9

ПОЭЗИЯ

Марьям НОХЧИЕВА. <i>Волчица</i> . Стихи.....	14
Супьян ХАЛИДОВ. <i>ГлургеIезаиш</i> . Стихаш.....	34
Хава ГАГАЕВА. <i>Вода моих песен</i> . Стихи.....	64
Элора ЭЛЬЖАЕВА. <i>Маржа-яI, хаза ду дуне...</i> Стихаш.....	70
Асламбек ЯКУБОВ. <i>Поздняя осень...</i> Стихи.....	73

ПРОЗА

Шамсуддин МАКАЛОВ. Рассказы.....	16
Исраил ГОРСКИЙ. <i>Анатомия развода</i> . Повесть.....	38
Яхья УСУМОВ. <i>Делан кхелана резахилар</i> . Ширадийцар.....	67

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Хусей БОСТАНОВ. <i>Шантал</i> . Рассказ.....	72
--	----

ИСТОРИЯ

Малика ГОРТИКОВА. <i>Историческая литература о предпринимательстве в Чечне во второй половине XIX – начале XX вв.</i>	75
Асет АБУБАКАРОВА, Мадина АХМАДОВА. <i>День Победы приближали, как могли</i>	81

ПОРТРЕТ

Иса ОКАРОВ. <i>Светлые дороги Эдильхана</i> . Очерк.....	88
--	----

БИБЛИОГРАФИЯ

Лиза АДМИСИЕВА. <i>«О Кавказской линии...» И. Дебу</i> ..	92
---	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза БЕРСАНОВА. <i>Земля отцов</i>	95
--	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАЙЛОВА. <i>Искусство вне времени</i>	95
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....

Адиз Кусаев

Заслуженному журналисту Чеченской Республики, поэту, писателю и публицисту Адизу Джабраиловичу Кусаеву в этом месяце исполняется 75 лет. Редакция журнала от всей души поздравляет юбиляра со знаменательной датой в его жизни и предлагает вниманию читателей подборку из стихотворений поэта и статью о его жизни и творчестве.

Встречи

Дорогой дальнею идя
С пожизненной тяжелой ношей,
Людей встречал немало я
И никудышных, и хороших.

Одни, как говорил поэт,
В базарный день могли цениться
В копейки две, другими свет
Мог, как героями, гордиться.

Я, меря дали и окрест,
Встречался с добрым и скаредным,
И с тем, кто хлеб напрасно ест,
И с тем, кто делится последним.

И с тем, с кем мог я в бой пойти
И на разведку, как с мужчиной,
Любые пропасти пройти,
Любые покорить вершины.

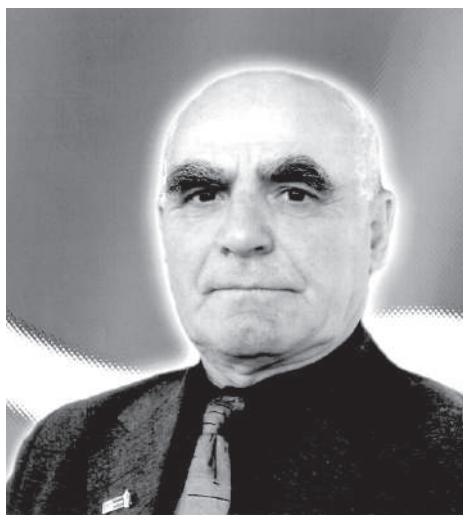
Они б не предали меня,
Не зная зависти, коварства,
И надо б – отдали коня,
Взамен не требуя полцарства.

Встречались разные в пути
Мне люди, как шагал по миру:
И тех, что, Господи, прости,
И тех, что, Господи, помилуй.

Одни шли в даль, другие – в бой.
Просили Бога все в молитве
Не на щите вернуть домой,
А со щитом их всех из битвы.

Расстрелянные книги

Когда из Грозного ушли
Бои в равнины, села, горы,
Библиотекари вошли
Не первыми едва ли в город.

Они увидели дома,
Войной разрушенные, всюду.
И слышались еще грома,
И множились развалин груды.

Руины разгребая, в них
Библиотекари отважно
Спасением занялись книг,
Как делом жизни самым важным.

Их на подставку, как на стол
Для операций, нежно клали,
В сердцах солдат за произвол,
За бездуховность в голос кляли;

За те безумные дела,
Что, раздувая гневно пламя
Всепоглощающего зла,
Свою уничтожали память;

За то, что беззащитных книг
Не пожалели федералы:
То раны рваные на них,
То след осколка, крови алой.

Лежали кучками и врозь
В грязи, на пепелище книги
Или пробитые насквозь,
Или расстрелянные лихо.

Они на улицах, в домах
Такие жалкие лежали,
Как трупы тех, кто пал в боях,
И раны их с людьми сближали.

И с ними имена, что всей
России славою служили,
В боях, гремевших много дней,
Тут головы свои сложили.

Их чистили. На ранах их
Бинтами ленты скотча были...
Хотя не все, но много книг
Спасли из грязи, пепла, пыли.

И жизнь им новая дана
Была, хотя и разгромила
Библиотеки все война,
Чечня их снова возродила!

У табаководов

Я шагал дорогой горной
До далекого села,
Где меня с горянкой гордой
Как-то раз судьба свела.

Познакомились мы с нею
На прополке табака:
Облепил он, зеленея,
Гор пологие бока.

И еще в конторе чистой,
Не жалея слов и сил,
Предколхоза журналистам
Эту девушку хвалил.

Он о ней и о бригаде
Говорил так, словно гимн
Девушкам слагал наградой,
Славным, миленьким таким;

Восхищался их делами,
Не скрывал горенья глаз,
Говорил, что орденами
Награждали их не раз;

Что девчата все в работе
Любят-де гореть-не тлеть...
«Словом, – он сказал, – на фото
Надо их запечатлеть»;

И в газету яркий очерк
Написать, чтоб знал бы всяк,
Что девчата в крае отчем
Лучшие живут в горах...»

А потом я сам увидел
На плантациях девчат,
Плетни, что листвою увиты,
Словно жемчугами, в ряд.

И, поняв, что в крае отчем
Лучше их, попробуй, встреть,
Написать решил я очерк,
На фото запечатлеть.

И с тех дней с горянкой гордой
Больше встречи я не жду:
На поля дорогой горной
С нею каждый день иду...

На стройке

*Памяти Героя
Социалистического
труда Ш. Хаджиева*

Мне главред задание задал,
Глянув в план сведенный наш,
Чтоб о лучшей стройбригаде
Написал я репортаж.

«Есть, – сказал, – одна, что, славясь
Делом, День строителей,
С планом года раньше справясь,
Празднует бригадой всей»;

Что успех ее, не дале
Как вчера, был оценен:
Коллектив уже медалью
По указу награжден».

Знал ее я: не впервые
Слышал я и в ней бывал...
Бригадир ее, Хаджиев,
Соцтруда Героем стал.

Там рабочим друг мой Вати
Из Чечен-Аула был,
Крепко сбитый, угловатый,
Умный, полный юных сил.

Да и сам Хаджиев этот
Другом журналистов был:
Радио, ТВ, газеты
Посещать всегда любил...

...Был на стройке шумной, словом,
Я уж через полчаса,
Где по методам по новым
Возводили корпуса.

И по стройке, и по дому
Походил, поговорил
Я с рабочими, приемы
Скрупулезно изучил.

Все показывал мне Вати,
 Стал своим для всех за дни,
 Что провел я там, в бригаде, –
 Много дали мне они.

Даже клал кирпич со всеми,
 Забирался на леса
 С теми, кто в любое время
 Поднимает корпуса.

Я узнал про их заботы
 И проблемы изнутри –
 Пробуждалась от работы
 Гордость тихая в груди.

И в редакции, могучий
 Впечатлений вскрыв багаж,
 Написал я самый лучший,
 Может быть, свой репортаж.

Следы войны

Я сгорбился от тяжести беды,
 Мой город истерзавшей:
 Вижу всюду
 В глазах – тоску,
 Домов разбитых груды –
 Войны жестокой страшные следы;

И в каждой исковерканной душе
 И на стене, что в гари,
 Каждой грани
 Зазубрины кровоточат,
 Как раны,
 Которых нам не залечить уже.

Строители стирают все следы,
 Старательно дома врачюя днями,
 Но всюду проступают,
 Словно шрамы,
 На штукатурке пятна – Знак беды.

Гнетет вопрос:
 Кого теперь винить
 За павших, за пропавших
 И забитых,
 За города и сотни сел разбитых,
 За поколений прерванную нить?..

И, проходя по Грозному, шаги
 Сбавляю я и с болью вижу всюду
 И зло, и слезы,
 И развалин груды –
 Все то, что нам оставили враги.

Но не сумели в горах сокрушить
 Надежду, веру,
 Счастье здесь родиться...
 И знаю я, что город возродится,
 Что будем в нем
 еще счастливо жить.

Недаром же строители видны,
 Дома уже врачующие днями,
 И реже проступают,
 Словно шрамы,
 Следы на стенах –
 Следствие войны.

Гордость

С минутой каждой усыхает век
 Волшебною шагреновою кожей.
 Но не ропщу –
 Я тоже человек,
 Тобой когда-то созданный, о Боже.

Я тоже смертен, как другие все –
 Не избежать нам смерти
 горькой чаши.
 Но снова утро заблестит в росе –
 В заботах я
 И сердца пульс учащен.

Перебирая мысленно дела,
 Которыми засеял поле жизни,
 Горжусь, что людям я не делал зла,
 Не предавал друзей,
 Коллег, Отчизны;

Что был всегда настроен на добро,
 Что радость приносило мне участие,
 В чеченце каждом
 чувствовал родство
 И в состраданье находил я счастье.

(Из архива поэта)

Роза Межиева**Творец счастливого пространства**

Жизнь этого человека в наши дни кажется почти невероятной. Ведь та действительность, в которой мы все, здесь живущие, обитаем, как никакая другая, резонирует с полным горечи гамлетовским замечанием: «Распалась связь времен»...

А если целые временные пласты, проявленные достижениями человеческого энтузиазма в духовной и материальной культуре, оказываются перепаханными катаклизмами последующих времен?..

Когда-то очень-очень давно один старейший египетский жрец сказал греческому мудрецу: «О Солон, Солон! Вы, греки, всегда как дети; у вас нет издревле установившихся мнений, нет дисциплин, выдержавших испытание временем!» И этот упрек прозвучал в эпоху, когда великая гомеровская «Илиада» уже на протяжении многих веков являлась для греков «настоющей» библией»...

Впрочем, довольно о патриархах, за чьими плечами дыбятся дремучие тысячелетия. Сегодня речь о человеке, для которого история более чем за полувековой отрезок двадцатого столетия, не говоря о веке нынешнем, – не хрестоматийный учебник с «окаменелостями» дат и фамилий, а часть живых воспоминаний и пережитого опыта. К счастью, в нашей обессточенной и отчасти обескровленной прошедшими войнами действительности еще осталось место для «обыкновенного чуда», одним из ярких явленных примеров которого можно назвать жизненный путь хорошо известного и популярного в народе журналиста, поэта, литературоведа и педагога Адиза Джабраиловича Кусаева, чей 75-летний юбилей отмечается в январе нынешнего года.

Адиз Кусаев родился 3 января 1938 года в старинном селении Шуани Саясановского (ныне Ножай-Юртовского) района в семье директора местной школы Джабраила Кусаева. Кого не перестает удивлять многогранность и основательность его профессиональной и литературной деятельности, неутомимая энергия – тому, наверное, небезынтересно узнать, на каких плодородных почвах и источниках был взращен талант будущего писателя и журналиста. А узнав, удивиться дважды – ведь здесь, как раз чуда и не было – а было огромное стремление учиться, познавать, были труд и терпение.

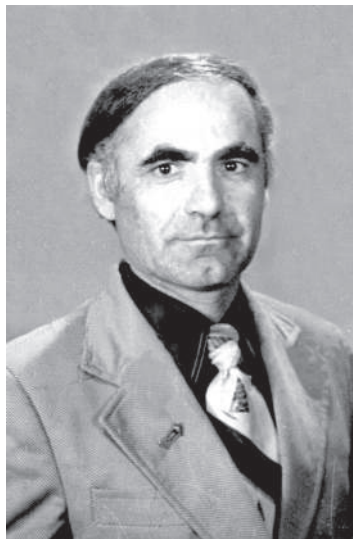
Окончив в 1957 году с отличием Грозненский статистический техникум, А. Кусаев неожиданно поступает в военное авиационно-техническое училище в г. Кирсанове Тамбовской области, и по завершении учебы направляется на работу в Грозненский аэропорт техником по ремонту и эксплуатации самолетов. Новая специальность была неразрывно связана с частыми командировками едва ли не во все районы огромной территории Советского Союза. Тем не менее тяга к литературному творчеству (свои первые стихи он написал еще в школе, обучаясь в старших классах) заставила Кусаева в очередной раз сменить профессию – он поступает на отделение журналистики филологического факультета Ростовского государственного университета.

В 1958 году в молодежной газете «Комсомольское племя» впервые было опубликовано его стихотворение «В большую жизнь» на русском языке, а в

альманахе «ДоттагIалла» («Дружба») – стихотворение «Улица 11 августа» на чеченском языке. С тех пор стихи Кусаева стали регулярно появляться на страницах газет, журналов, в коллективных и авторских сборниках.

Знания и умения, приобретенные на прежних работах, не пропали втуне – любовь к сбору и систематизации информации, багаж впечатлений от увиденного в многочисленных поездках по стране, близкое знакомство с выдающимися представителями советской авиации (достаточно вспомнить первую летчицу-чеченку Лялю Насуханову, ставшую героиней одного из кусаевских очерков; ей же поэт посвятил стихотворение «Верность»), нашли применение в его новой деятельности и наиболее полно отразились в литературном творчестве. Все это, с другой стороны, позволило более старшим коллегам Кусаева по журналистскому цеху разглядеть и оценить по достоинству его незаурядные способности, ответственный и профессиональный подход к делу. К слову, редкий случай на практике, когда советского студента, да еще чеченца по национальности, принимают на работу старшим редактором Государственного Комитета по телевидению и радиовещанию Чечено-Ингушской АССР (это произошло в 1966 году, за три года до окончания вуза). Сегодня Адиз Кусаев является заслуженным журналистом Чеченской Республики, членом Союза журналистов СССР, России и Союза писателей СССР и России. Его

заслуги перед обществом и страной отмечены наградами: медалями Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», «За личный вклад в развитие мира и стабильности на Кавказе», «70 лет Союза писателей России», медалью «За профессиональную честь» (РОО «Интеллектуальный центр ЧР»). Также он является лауреатом литературной премии журнала «Вайнах». И вот на этой литературной, вернее поэтической, грани таланта Адиза Джабраиловича хотелось бы остановиться подробнее.

Как показало время, должностные «подарки судьбы» не «съели» в Кусаеве творческую личность. Все последующие годы его стихи, проза (в том числе художественная), эссе публиковались в печатных изданиях как республиканского, так и всесоюзного значения: в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Дружба народов», «Юность», «Дон». Печатались в

коллективных сборниках «Звезды в ладонях» (1965), «Зовут нас горизонты» (1966), «Встреча в пути» (1978), «Антология чечено-ингушской поэзии» (1981), «Антология чеченской поэзии» (2003). Собственно авторские стихи и поэмы составили двенадцать поэтических книг, в числе которых: «Амал» – «Характер» (1968), «Некъаш» – «Дороги» (1972), «Необходимость» (1975) (на русском языке), «Кхоллам» – «Зарождение» (2011) и др.

Возможно, особо взыскательный ценитель поэзии найдет творчество Кусаева «недостаточно изящным» или упрекнет в отсутствии полутонов и подтекстов, тонкой иронии или даже виртуозной техники стихосложения – что, несомненно, придает особый шарм и доставляет эстетическое наслаждение от прочтения поэтических шедевров, где все это присутствует.

Да, лирика А. Кусаева отчасти прямолинейна, отчасти пафосна и где-то даже публицистична. Но в то же время она предельно искренна, пронизана оптимизмом и человеколюбием. А еще в поэте не перестают изумлять неисчерпаемая жажда познания и свойственная ему манера эстетического освоения окружающего пространства. Словно бы опрокидывая схватившийся

бетон мировоззренческих построений в «отдельно взятой социалистической реальности», он задается вопросами, более естественными и органичными, скорее, для грека эпохи несравненной Сафо. Ибо мир, окружающий Кусаева, оказывается полон тайн и волшебства, и человек в этом мире отнюдь не центричен:

А почему река вперед бежит
 Неудержимо, неустанно, быстро?
 Ее, как человека, может быть,
 Всегда переполняет любопытство...

Что обещает новый поворот?
 Какую тайну, новизну откроет?
 Так и бежит река – вперед, вперед,
 Теряет русло, снова русло роет...

И когда поэт (и этот жадный до новых впечатлений неугомонный ребенок, живущий в каждом из нас!) находит ответы, удовлетворяющие в настоящую минуту любопытство, его переполняет ощущение полного счастья:

А почему так весело встает
 Над миром солнце, лучиками брызнув?
 Оно тепло природе всей дает,
 Чтоб радоваться вечно чуду – жизни.
«Счастье»

Иные кусаевские лирические этюды словно бы готовы оспорить выше прозвучавший (предположительный) упрек сноба в «недостатке тонких аллегорий, изящных форм и глубины образов»:

Окно раскрыто,
 Ночь ясна.
 Деревья спят по склонам синим.
 Как спелый абрикос,
 Луна
 Повисла в звездной паутине.
«Этюд»

Этим удивительно красивым и мелодичным строкам как будто напевно вторит голос поэтессы из бесконечно далекой эпохи:

Тихо в ветках яблонь шумит прохлада,
 И с дрожащих листьев кругом глубокий
 Сон нистекает...

Как и великую Сафо, природа, ее прекрасные картины, очаровывают Кусаева, ее тайны пронизывают всю его пейзажную лирику, находя в душе благодарный отклик и неподдельное восхищение. Ощущение покоя, разлитого в лунной ночи, усиливается и передается читателю, подобно зрителю в кинозале на просмотре фильма с 3-D эффектом:

Село затихло...
 Только плеск
 Реки
 Да ветер сонно в кронах
 Зашевелится,
 Словно лес

Во сне вздыхает,
Как ребенок.

«Этюд»

Кстати, о мелодичности кусаевской поэзии – известно, что более ста его стихотворений были переложены на музыку. Популярная чеченская певица Тамара Дадашева начинала свой путь на эстраде с песни на стихи А. Кусаева «Эрна ду сунна хьо везар» – «Напрасно я тебя люблю». Многие песни на его слова пели Б. Дидигов, М. Буркаев и другие известные исполнители.

Возвращаясь же к теме обсуждения, хочется отметить (при близком знакомстве с лирикой Кусаева) неизменно возникающее ощущение некоего гипнотического плена, в котором мир держит поэта с самого первого дня его рождения. А стало быть, Кусаев-поэт-и-просто-человек еще не знаком с «темной стороной Луны»? В некотором смысле поэт не отрицает вещей, с первого взгляда очевидных:

На жизнь мне жаловаться грех
И быть своей судьбою недовольным.
Я много видел и морей, и рек,
Ходил горами, по равнинам вольным.

Гулял я по красивым городам,
На хуторах, забытых богом, жил я
И обростал друзьями всюду там,
Которые опорой мне служили...

«Мой путь»

И все же... нет, поэт не жалуется – лишь редким бисером однажды обронит горькие, почти дневниковые по своей откровенности заметки:

Ни дня без строчки. Лозунг очень
Мне странен. Жизнь поэта вся
Совсем не Болдинская осень,
Где беззаботный стих лился.

Какие строки, если тропы
На ум голодный не идут,
Когда поэзия, как хобби
Меж поисками хлеба тут.

Из цикла «Времена года»

Никто не рождается с «серебряной ложечкой во рту», и звезды особым образом не расположились в момент появления Адиза Кусаева в этом мире (ну, разве что совсем чуть-чуть – впрочем, как и у всех). Секрет исключительности каждой отдельно взятой человеческой жизни – в осознании и принятии на себя роли, главной или даже совсем крошечной, эпизодической (ибо «спешат колеса. В том их правота»), сыграть которую у кого-то получится хорошо, у кого-то – гениально или посредственно. И Кусаев это хорошо понимает:

Бежит дорога, как строка
Открытой книги. Знаем:
Не успокоимся, пока
Ее не дочитаем...

«Бежит дорога»

«Столбы с дорогой рядом семят, как линии судьбы», а стук колес посекундно отсчитывает время, которому поэт Адиз Кусаев, творец «счастливого пространства» своей судьбы, знает цену.

Шарип Цуруев**Нохчаллах дош**

Кху шеран 20 январехь (паспорт тIехь 12 январехь) вевзаши волчу нохчийн поэтан, публицистан, литературни критикан, гочдархочун Цуруев Шарипан 50 шо кхаьчна.

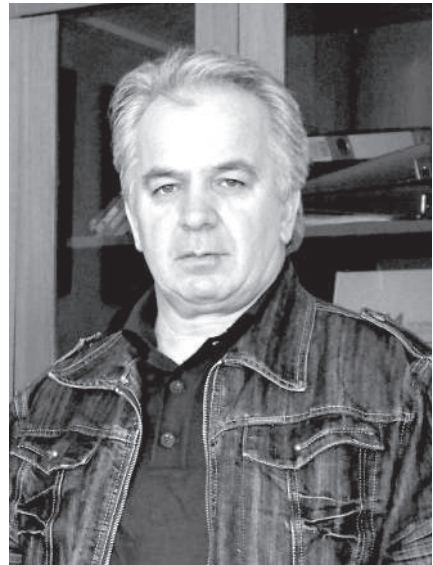
Цуруев Мовладин кIант Шарип вина Гуьмсан районерчу Лаха Гезлой-эвлахь. 1988-чу чекхъяккхина НППУ-н филологин факультет. Белхаши бина школахь, хьехархойн институтехь, Гилманан-талламан институтехь, хьехархойн училищан директоран, «Васт», «Даймохк» газетийн коьртачу редакторан даржашкахь а, ткъа иштта «Орга» журналехь а, НР-н хаамийн, зорбанан министерствехьа. Карарчу хенахь

«Хьехархо» газетан коьрта редактор ву иза (цуьнца цхьаьна НР-н Гилманийн Академиш «Таллам» журналан жоьпаллин редактор а).

Росси яздархойн Союзан а, Росси журналистийн Союзан а декъашихо. Духьхъара зорбане ваьлла 1977-чу шарахь. XIетахь дуййна Ш. Цуруевн произведенеш зорбане ийлила республикин массо а бохург санна журналашкахь а, газеташкахь а. 1978-чу шарахь «Пхьармат» литературни цхьаьнакхетаралле дIаэцна, 1985-чу шарахь цуьнан староста хьаржина.

Цуруев Шарип автор ву итт гергга коллективни гуларийн, 1992-чу шарахь «Иисалахь, Нохчийчоь», 2002-чу шарахь «Тешалахь, Даймохк», 2011-чу шарахь «Цхьа мерза-ГIайгIане мужьам» цIераши йолу поэтически книжкаши арайийлина цуьнан. Кху шарахь арахеца кечийна ю Цуруев Шарипан произведенийн иш киншика. 30 гергга Гилманан, бIеннаш публицистикан статьяш, очеркаш, интервьюш язийна цо нохчийн а, оьрсийн а меттанашкахь. 1987-чу шарахь иза кьоначу поэтийн ерригсоюзни фестивалехь Нохч-ГIалгIайчоьнан векал хилла. 2009-чу шарахь Росси яздархойн съездан делегат хьаржина. 2003-чу шарахь «Единая Россия» партис кхайкхийначу республикин конкурсехь поэзин номинацехь I-ра меттиг якккхина Шарипа. 2005-чу шарахь «Вайнах» журналан совгIатан лауреат хилла иза.

Редақцин белхалоша даггара декъалво Шарип винчу денца.

Маьлх-Аьзни

ПетIамат зезаг а, даьлলেখь и хеназа,
КIур байна цIе санна,
 довр ду-кха дарцехь.
Хеназчу безамо вити со декъаза,
Стиглане кхевдина сан ойла харцош.

Дуьне ца хеттера суна сел инзаре,
Йиш хилча вайн дуьне
 туьйранах тардан:

Мацах цкъа кьийсина
 элан йоI ГIизларехь

Хьо хилча, хьан йоккху
 тIаккха гур дара-кх.

Лаамаш мерцина,
 деган суйх ша бина,
Вехар ву, хьан новкъахь
 ца хуьлуш очакх
Хуур ду, хуур ду
 кхул тIаьхьа Шарипна
Дикано вуьгуш а хиллий стаг вочохь.

Сатийсарш, сатийсарш –
 кьоркхокхийн тобанаш.
Со цхьалха витина, дIаяхна хIинца.

Сайн синан лазамах яздина могонаш
Экамчу хьан дагах кхетаза дисна.

ХIара илли кхайкхам бу
дагчуьр чу сан аьзнийн,
Аьрхалла цо суна ца юьту хийра,
ХIун де ас, хIун де ас,
ломара Маьлх-Аьзни,
Аьрзунан сайн амал ас муха хийца?!

1983шо

Гадаев Мохьмад-Салахьна

Ирсе ву муьлхха стаг,
нагахь шен лаьттахь и
Дика де хIоьттича – да иза хиллехь,
Довхна де хIоьттича –
кIант иза хиллехь,
Ирсе ву, ирсе ву, и мацца ваьхнехь а.

Дуьхьала хьекхарх мох,
дуьхьала бетгарх кIур,
Хьо ваьхна,
и дерриг зовкках тардина.
Хьох малх ца хиллехь а
сирлачу дийнахь,
Иаьржачу буьйсанна-м
хилла хьох беттан нур.

1983 шо

Барзин Iожалла

*Гезлойн-эвлара Эзерханов
Барза – Советан Iедал тIедале
Кьилбаседа Кавказехь
цIеяьххана вевзаш хилла волу
пондарча, дуккха а мукьамийн
автор. Барзин жимахволу ваша
нохчех радио чухула дуьхьара
пондар лекхнарг ву, олу наха.
Барзин эшарш Димаев Iумара
а локхура. Цхьаерш наха хIинца
а локхуш ю.*

Хьо сийсара мичахь вара, Барза?
Хьо тховса а мичахь хир ву, Барза?
Алахь, Барза, мичахь хир ву кхана? –
Хьобга кхойкхуш
йоьлхуш ю хьан нана.

БIаьргаш лечкьош,
лаьттан бIаьра хьаьжна,
Шен гIайгIанах шад а
бина хьаьж тIехь,

Бехке хеташ адам меттахьадан,
ВогIавелла лаьтга кьена дада.

Хьо сийсара мичахь вара, Барза?
Хьо тховса а мичахь хир ву, Барза?–
Дуьне дуззал бала кийра эцна,
Хьуна елха йиси дагна езнарг.

Хьо ца гуш а, ца хезаш хьан йиш а,
Са бIарзделла хьийза хьан цхьа йиша.
И схьадогIу Яьсси санна, гIийла,
Нана - Нохчийчоь а хьуна тийжа.

Еха оьмар йоьгIна-кха хьан сина –
Хьан са мукьамашка дIадирзина,
Амма вац хьо, вац хьо тховса, Барза!
Хьо сийсара мичахь вара, Барза?

1983 шо

БIешерийн кийрара аз

Илли

Заманан баланаш сайн
синна баларна баз,
Цу лаьмнийн баххьашкахь,
тем лобхуш, ладоьгIу ас.
Цу хьаннийн хотешкахь
сапаргIат доккхучохь ас,
БIешерийн кийрара
сан лерехь схьахеза аз...

Сан лерехь схьахеза аз –
БIешерийн кийрара аз.

И бIаьвнаш вайн дайша
доьналлех йоьттина ю.
И лаьмнаш кьонахийн
хьуьнарх цецдийлина ду.
Уггаре дезаниг лаьмнашкахь
лерица сий,
Ямартчу мостагIийн бекхамца
Iенийна цийн.

Лаьмнашкахь лардина сий,
Лаьмнашкахь лардина сий,

Турпалчу дайн синош
тIехула хьийзачохь – аз,
Кху лам чохь наьрт-аьрстхойн
ИндагIаш кхерстачохь – аз,
Лаьмнийн кIант волчунна,
дайшкара кост санна, – аз,
БIешерийн кийрара сан лерехь
декаш ду аз...

Бешерийн кийрара аз:
– Ларделаш Маршонан аз!

2002 шо

Нана

Илли

Да ма гЮ,
Нана, доьху хьобга аса, да ма гЮ...
Хьо ма сиха
Къежйо, тишйо дахаро.
ХЮра денна генаюьйлу,
Сан дог Иийжош, нана, хьо.
Со хЮара дуьне оьшуш вац,
Йоцуш хьо.

Нана, нана,
Кху дуьненахь хьол а мерза хЮума дац,
Хьуна хьалха
Со сайн декхар текхна
цкъа а вер ма вац,
Нана, нана,
Доьху хьобга: суна дукха яхалахь...
Вижа лахьта дац, ма боху,
хьо кьинтЮера ца ялахь.

Гелъелла.
Лела халла синош дохуш тахна хьо,
Да ма ели
Жимчохьлера хаза хан.
Хьо кьанлур яц моьтгуш цкъа а
Со ма лелла дахарехь,
Ма гЮхьа да,
Сох къаьстина, нана, хьо.

Хьох хервина,
лела со дЯвигна кьизчу замано.
Нана, нана,
Гена махкахь со ларво хьан безамо.
Хьоме нана,
ХЮун де аса хьан дог хьаста,
алахьа,
Вижа лахьта дац, ма боху,
хьо кьинтера ца ялахь.

2002 шо

Сий долчу Нохчийчоьне

Экамчу хьан дегЯх тЯмо цДе латийна,
Хьан сина язълча Язапан хало,
Хьо йоьжча гЯаттийнарг,
Хьо меттахь латтийнарг
Яхь йолчу хьан кЯентийн ю
кьонахалла.

Харцонийн хЮиллано
дегнийн ницкъ лахийна,
Хьан кЯентий бЯарзбелла
хЮобттича хьал а,
Тешаман лакхенехь
Хьан седа латийнарг
Оьздачу мехкарийн ю кьонахалла.

Доккхачу дуьненахь кхин
ирзу ца кьуйсуш,
Хьан некхехь туш тоьхна
массо а ханна,
Хьо кура ларийнарг,
Сий соьмах ца хуйцуш,
Хьан кЯентийн,
мехкарийн ю кьонахалла.

Рицкъанан токхенехь
дебарх а яхь яйнарш,
Са цЯена тхан латтош
бЯармецигаллах,
Ларйойла Кхюьллинчо
вайн кьоман тЯаьхьенехь
ХЮинццалц хьо ларийна
дайн кьонахалла.

Эчигна макх санна, кхераме сина
Лайн амалш кхиа ца юьтуш,
даЯхЮотта,
Цу эзар шерашкахь
дебначу хьан сийна
Цхьа кьонахалла бен
кхин ма яц гЮортор.

2010 шо

Ца хууш даций вай-м*Накьосташка*

Малх а даХьуллур бу,
бага мел лиьнехь а,
Серлонца, йовхонца
хЮара дуьне кхаьбна.
Вай догЮуш ваьш мича догЮу
ца хиьнехь а,
Ца хууш даций вай-м
ваьш мича кхаьчна.

Мел яккхий марзонаш
йоьрзуш ю къаьхьоне,
Синкьерам чекхболу,
юьтуш син гЯайгЯа.
Сурт сьхагуш дацахь а
дахарал тЯаьхьадерг,
Ца хууш даций вай-м
и кьиза кьайле.

Ягориг кхачийча,
кьюьданан милтанех
Гелдели вай ечу
ойланийн лепар...

Дуьненахь массо стаг
и Iехо гIиртинехь,
Ца хууш даций вай-м
цо массо левар.

Байтамал – хьакъ ма-дду
да-нана ца хьастар,
Го ца дар цханна,
дог Iабаза безам...

Ца лууш делахь а дуьненах дIакъастар,
Ца хууш даций вай-м
цкъа къаста дезий.

Ойланаш хьаьгначохь дицдала лаахь а,
Ма дац-кха карзахчу синошна молха...
Билггала вай мича доьлху ца хаахь а,
Ца хууш даций вай-м
ваьш цига доьлхий.

XIette а деха вай –дерриге хуьушехь,
XIара дуьне даима ларца даа.
Хуьушехь, и вайха
дуьсур дуй дуьушехь,
Деха вай, деха вай, ца лууш хаа.

2010 шо

Нохчаллах дош

Топашлахь кхобссина
Йоккха топ ва санна,
Нохчашна нохчалла
Дешнашлахь– доккха дош,
ТIелаьцнарг – халачу
Дехарийн гуоне хьош,
Цалаьцнарг – вай а веш,
Мехашлахь мас санна.

Бес-бесар зерашкахь
Ца кьарлуш заманна,
Ткъес санна, сиха а,
Собаре, лам санна,
Кьонахий бийлинчу
Сийлахьчу лаьтта тIехь
Нохчалла нохчийн син
Кеп хилла лаьттина.

Буьрса дарц хьекхарх Iай,
И – сирла яьгна цIе,
Соне дIатоьттуша ю –
Хийланна яьлла сов.
Нохчалла – эрна харж

Са заьIап долчарна,
Нохчалла – ирсан кхаж
Яхь йолуш болчарна.

Шайт Iанийн цIуьхIаршна
Луур ца хуьлуьйтуш,
Нохчалла – лекха дарж,
Кьонахий кхуьуьйтуш.
Нохчалла – беза мохь
Сий деза долчарна,
Нохчалла – беккъа мох
Хабарчийн охIланна.

Шен кьомах ца вешарг –
Хайраза вожа ду.
Шен кьоман воI воцург –
И текхан божа ду.
Хьо милла велахь а,
Хьо миччахь велахь а,
Нохчалла – нохчашна
Стогаллин доза ду.

2009 шо

Ша-ша ду-кха хIинца хIора шо,
Цъха гIелъелла церан хилла уьйраш.
ТIедеанчо дахнарг аьшнашдо,
Ткъа дIадахнарш хьерчаш,
хилла уьйриг.

Ас ца боху цкъа а кхочур дац
Шен чаккхене маццаяь
новкъадаьлларг,
Амма вайн хан шерийн кочар дац,
Къепе йоцуш, кегаре и яьлла.

Шеран лорах додац хIинца шо,
Керла – акха дохку цара некъаш.
Вайн ойланехь гул уьш ца дало,
Мелхуо цара вайн ойланаш екьна...

Хан яц хенах кхета, Iама нах...
Йоьхна шераш вовшах доьзна зIе а.
Кескаш хилла дахарх, заманах
Адмийн синоьх кескаш хилла дела.

2011 шо

Х1ай, зама, йоьду хьо сихачу боларехь,
 Къинхетам ца бевзаш, нуьцкъалчу боларехь,
 Дистинчу хиэ санна, текхаеш чалхаш,
 Цкъа наггахь нисоеш, цкъа нийсо талхош.

Хъан болар сацо са цхьаммо ца тийсина,
 И лаг1дан ва г1ерташ эрна ца кыйсина,
 Делахь а лаьар-кха, х1ай буьрса зама,
 Цхьажимма ахь хийца боларан амал.

Иманца кхиьначу ц1еначу нигатца
 Хьо хийца тарлора адамо диканца.
 «Адамаш нисделча – нислуш ю зама», –
 Вайн дайша дийцинарг дезар-кха 1ама.

Харц-бакь ца къабсташ хъан г1уллакхийн дукхаллехь,
 Ахь гойтурш т1елаца сан дагна ду хала.
 Хьо х1инца ма-ярра суна ца еза,
 Хьо нислур яцахь кхин, со теш ма леца...

Дуьненан олалле х1обьтина шалхалла,
 Динах са йоккхачу мозг1арийн «шайхалла»,
 Сан дагна 1еткъа уьш, дагна ца деза ...
 Зама, хьо, нис ца лахь, со теш ма леца.

Ва хъанна хаьара, ва хъанна моьттура,
 Цу лаьмнийн баххьашкахь кура т1ам биттинарг
 Цу 1аннийн баххашкахь декъаза текхар дуй...
 Хъан сийх а, хъан ц1ийх а ас хьоьга хобту-кха,
 Жоп доцуш дисича ас хьоь мел хиттинарш
 Со а вист ца хуьлуш, 1ад1ийча мегар дуй?

Дешан дай боццушехь, дош деза кхайкхадеш,
 Де деьча, ца туьгуш эхь хетта къарбала,
 Хъан ц1арах эзарза биьна берш къера дуй,–
 Сайн дагчохь сайца еш хьоьх мел ен г1айг1анаш,
 Кхардамах ларвала, царах ца тарвала
 Со вист а ца хуьлуш, 1ад1ийча мегар дуй?

Х1усамехь я арахь, лелачохь некъаца,
 Хъан х1ора во1 хилла лаьтташ хъан дозанехь,
 Хъан х1ора йо1 хилла ларбеш хъан кхерчан суй...
 Цхьайолу тобанаш эхь-бехкан декхарех
 Шабш мукъаюьйлучохь, зарздеш хъан дозалла,
 Со а вист ца хуьлуш, 1ад1ийча мегар дуй?

2011 шо

Марьям Нохчиева**Волчица**

В сомнениях непросто разобраться...
О, как, закон ты жизненный, суров!
Душа моя устала продираяться
Сквозь тернии заброшенных дворов.

Устала, закоулками блуждая,
Кого-то или что-то там искать,
Удар из подворотни упреждая,
Любить врагов и недругов ласкать.

И ждать, когда под маревом белесым
Тревоги, точно листья, опадут...
Я – как волчица в логове за лесом...
То не за мной охотники идут?!

... На небо потемневшее взгляну.
Осенний дождь за окнами стучится...
Ничто уже со мною не случится.
Покинувшая логово волчица
Ночами завывает на луну.

Поезд не туда

Мне уже не обидно...
Говорят обо мне:
«Ищешь принца ты, видно,
Да на белом коне!

Все другие, похоже,
Для тебя – не чины,
И себе подороже
Ты не сложишь цены...

Но отыграны таймы,
И от жизни устав,
Чемоданы хватай, мол,
Твой отходит состав!

Ну-ка, ножками дрыгни,
Ну-ка, крикни вдогон!
Да скорее запрыгни
В предпоследний вагон!

Мелочиться не будем,
Семафоры горят!» –
Так ведь, кажется, люди
Обо мне говорят?

Я не буду метаться,
И у всех на виду
В этот поезд пытаться
Заскочить на ходу.

Провожу его взглядом,
Пролистаю года...
Мне в тот поезд не надо,
Он идет не туда.

Пусть огни его где-то
Промелькнут в темноте.
Пассажиры не те там,
И маршруты не те.

Провожу его взглядом,
Никого не виня.
Не толкайте, не надо,
В этот поезд меня.

**Сколько можно толочь
воду в ступе**

Сколько можно толочь воду в ступе,
О удача, меня посети,
Но опять абонент недоступен
И опять перегрузка в сети!

До предела натянуты нервы,
Что уж там про другие дела,
Даже взгляда хватило б, наверно,
Телефон раскалить добела.

В кнопки пальцы втыкаю я тупо,
Попадая порою не в те,
Но опять абонент недоступен,
Точно он на Луну улетел.

И запас мой словарный недобран,
Но крутая бессмысленна вязь.
Поминаю я словом недобрым
Телефонно-мобильную связь!

Разрезает холодную темень
 На полуночном небе звезда.
 И кричат мне сегодня не в тему
 Уходящие в ночь поезда.

Снова сердце сжимает тупая
 Злая боль, все внутри теребя,
 Потому, что боюсь за тебя я.
 Потому, что боюсь за тебя.

Все, кто не ты...

Я знаю то, что Вечности ведомо,
 И потому стенаю и молю –
 Все, кто не ты, – изыдите из дома!
 Останься тот, которого люблю.

Все, кто не ты. – глаза ваши и уши,
 Бездумных слов безумная орда,
 И ваши неприкаемые души –
 Нужны мне... как советы и вода...

Свивает время проволокой медной
 Секунды и мгновения – в года...
 Все, кто не ты, изыдите, не медля!
 Останься тот, который – навсегда.

И лишь тогда – так велено судьбою –
 Когда в моем останешься дому,
 Уже за то, что буду я с тобою,
 Всех, кто не ты, – обратно я приму.

Маяк

Через бурю, через море
 Многих бед,
 Через радость, через горе
 Будет свет.

Через брошенное слово
 Будет свет...
 ...Вперед ступени снова –
 Или нет?

Море бесится, и ропот –
 «Не моряк...»
 У меня ж одна дорога –
 На маяк.

Волны крутятся и пенят –
 Просто жуть...
 Я по выбитым ступеням
 Восхожу.

Каждый день и каждый вечер
 Так – пока
 Ждет пылающая вечность
 Маяка...

Через радость, через горе
 Многих бед,
 Через бурю, через море –
 Будет свет.

Я не люблю тебя

Луна за окнами качалась,
 Свет излучая голубой...
 Я не люблю тебя... Встречалась
 Я не с тобою... не с тобой...

Река отчаянье глотала,
 Каменья серые дробя...
 Кустом поникшим чернотала
 Я обнимала не тебя.

Я не люблю тебя... не скрою,
 Не победить огню воды...
 И не люблю я! лишь собою
 Тебя закрою от беды.

...Какою мерою измеришь
 Дорогу боли и потерь?
 Я не люблю тебя... Не веришь?
 Ну, вот и правильно. Не верь.

В подражание Хайяму

Война на пороге... горнило утрат...
 Лишь Иблис проклятый безумию рад.
 Кто славы не ищет,
 в сраженье вступая,
 Не жажда денег, чинов и наград.

А кто-то, за спинами спрятавшись,
 ждет.
 Его ни сомненье, ни совесть не жжет.
 Пока за Отчизну воюют другие,
 Глядишь – он динары
 в карманы кладет.

Мы все сомневаемся в чем-то порой.
 Не знают сомнений лишь трус и герой.
 Один без сомненья в сраженье
 вступает,
 Подальше бежит без сомненья
 другой.

Шамсуддин Макалов**Сила цветов**

Рассказ

В далеком прошлом у подножья горы, украшенной густым лесом, располагалось старинное село под названием Дукин-Борзе. В этом селе со своей маленькой дочкой жил один умелый кузнец, жена которого умерла. Даже спустя много лет после смерти жены он тосковал по ней, ничто его не радовало. Не посещал праздники, не знакомился с девушками, а жениться и не думал.

Каждый день рано утром уходил на работу, а возвращался только поздней ночью. Всей его радостью была работа – он изготавливал сабли и кинжалы. Дочь, хотя была и маленькой, росла умной, хорошей и трудолюбивой, дом держала в чистоте, этому ее не нужно было учить. Девочка переживала за своего отца, знала, что ему не хватает людской теплоты, поэтому ухаживала за ним, готовила, пыталась хоть как-нибудь облегчить его боль. Стала она для отца верным другом. Однажды девочка пошла на работу к отцу помочь нагнетать меха. Она видела, как отец усердно готовит оружие, и спросила:

– Отец, для кого ты готовишь эти сабли и кинжалы?

– Конечно же, для наших воинов, – ответил отец.

– Для того, чтобы они людей убивали?

– Девочка моя, ты еще маленькая, не понимаешь, – сказал кузнец. – С тех пор, как Аллах создал эту землю, люди не перестают воевать. Вся земля наполнена ненавистью, враждебностью, несправедливостью, лживостью. Люди разделились на группы. Они воюют. А для войны им нужны сабли и кинжалы.

Задумавшись, девочка долго смотрела на это оружие, сабли и кинжалы ей казались безобразными, уродливыми, опасными. Сама себе задавала вопросы: «Если каждый человек сотворен Аллахом и все равны, то почему же нет справедливости? Почему люди совершают грехи? Почему не могут отличить дозволенное от запрещенного? Увидят ли они Рай?...»

Прошло время, девочка все больше становилась похожей на мать. Среди девушек, которые были одна красивей другой, она отличалась особенной красотой, вежливостью, любезностью, обходительностью. Отец радовался, что выросла у него такая замечательная дочь.

Он все чаще напоминал ей о матери:

– Твоя мать гордилась бы тобой. Она же любила тебя больше всего на свете, ухаживала, ночами напролет присматривала за тобой. Она приносила в этот дом свет и теплоту. Еще она очень любила наш сад. Каждый раз, когда я вижу эти деревья, я вспоминаю о ней. Ты у меня была совсем еще маленькой, когда ушла твоя мать, поэтому не помнишь ее. Завтра мы с тобой обязательно сходим на могилу... Слава Аллаху! Он оказал мне милость, подарив такую дочь! Сейчас дороже тебя у меня никого нет. Пусть Аллах хранит тебя! Пусть Он будет доволен тобою, родная!

– Отец, ну что поделаешь?! Не суждено ей было жить долго. Она ушла в загробный мир. Люди жалеют тебя, к тому же называют ненормальным. Скажи мне, сколько еще будет длиться это твое мучение?

Отец не находил ответа, мысли его уходили куда-то далеко. Дочь видела, как страдает отец, хотелось облегчить его душу, она пыталась отвлечь его от мрачных мыслей.

В одно весеннее утро она отправилась собирать цветы. На поле девушка увидела много разноцветных цветов, над которыми летали бабочки и пчелы. Каждый цветочек был красив по-своему. Они, улыбаясь ей, медленно покачивались. А девушка, садясь на поляну, воспевала бескрайнюю равнину. Подходя к каждому цветку, говорила:

– Дорогой цветочек, ты такой красивый, славный, приятный. Своей красотой отвлеки моего отца от грусти, облегчи его печаль, стань для него утешением, улыбнись ему по-детски.

– Хорошо, раз ты такая вежливая, хорошая девушка, я выполню твое пожелание, – отвечал каждый цветочек.

Собрала она самые красивые цветы, озаренные светом, сделала из них огромный букет и поставила на стол. Потом нежно улыбнулась им и вышла. Через некоторое время отец увидел этот букет и очень удивился. Цветы действительно были восхитительные и яркие. Была слышна их тихая однообразная мелодия. Этот букет озарил весь дом. Кузнецу казалось, что такое чудо он видит впервые. Он приобрел счастье, было весело, радостно.

– Как же прекрасен этот мир! – промолвил он наконец. Понял, что, сидя у себя в мастерской, не видит красоты жизни. Не понимая, во сне все то, что видит, или же наяву, долго смотрел на красоту цветов. Потом, порадовавшись всему увиденному, ушел на работу, но работа не шла, перед глазами стоял волшебный утренний букет. Он подарил кузнецу новую жизнь, ему хотелось жить, радоваться. Ему казалось, что счастье, которое ушло когда то, снова вернулось. Не дождавись конца дня, с радостью побежал он домой, чтоб еще раз взглянуть на них. Он впервые после смерти жены улыбнулся, ведь каждый цветочек дарил ему радость, и каждый стал дорогим гостем.

Все это не осталось без внимания дочери. Она была в восторге оттого, что отцу понравился букет. Она подошла к отцу, тот обнял и поблагодарил ее за все. После этого дочь каждый день ходила на поляну, собирала самые красивые цветы, делала из них букет и оставляла на столе. А отец чувствовал себя самым счастливым человеком. «Как же прекрасен этот мир!» – повторял он часто. С каждым разом он становился все счастливее. Девочка с удивлением смотрела на отца: она же его таким веселым и радостным никогда не видела. А работу в мастерской, где он изготавливал сабли и кинжалы, оставил. Вместо них он готовил серьги и кольца, а рядом с мастерской поставил огромный цветок, изготовленный из металла, покрытый золотом, чтобы люди могли видеть и любоваться. И сам изменился, стал жизнерадостным, даже помолодел. Все с удивлением смотрели на него, всем, особенно женщинам, было интересно, что же повлияло на него?! Но, не найдя ответа, они решили, что будут по очереди караулить их дом. Наконец-то все выяснилось: они видели, как дочь на рассвете собирает цветы, как она относится к каждому цветку, ласкает, разговаривает с ними. И решили они, что в этих цветках какое-то колдовство. Ведь они искали в своих домах успокоение и красоту, хотели жить дружно, мирно, не видя войны и оружия. Им тоже захотелось последовать этому примеру, после их жизнь изменилась в лучшую сторону: ненависть, лживость, враждебность – все это ушло. Люди начали относиться друг к другу хорошо. Все больше становилось людей, которые присматривали за сиротами. А оружие брали в руки только для того, чтобы защитить свое село от зла. Вот так, благодаря умной девушке, люди увидели, как прекрасен этот мир. А те цветы назвали в ее честь. Наверное, вы поняли, о каких цветах идет речь? Да, их называют Петлапат. А девушку тоже звали Петлапат.

Цветы! Вы даете огромное спокойствие нашим сердцам. Говорят, что первым рисунком художника тоже был цветок. Эй, люди, собирайте на рассвете цветы! Каждый, кто видит, обрадуется, плохие мысли уйдут. Тогда и вы тоже поймете, какова сила этих цветов.

Перевод Хеды АРХИЕВОЙ

Как Тасу стал абреком

Рассказ

(Из цикла «Записки врача»)

*Истинные трагедии жизни
не поддаются описанию,
они безмолвны и невообразимо
грандиозны!*

После ухода Тасу меня долго не покидало радостное возбуждение. Я ходил по пещере из угла в угол. Я не мог поверить своему счастью. Судьба наконец-то преподнесла мне дорогой подарок, свершилось давно желанное. «Вот, – подумал я, – слава Богу, наконец-то можно свободно вздохнуть. Я чеченец из тайпа гатти. Бог на моей стороне. Я выполнил свое обязательство, свой обет».

Время от времени я следил за очагом. Брал дрова с поленицы и, стоя на коленях, раскладывал их в камине, наблюдал за языками пламени. Наконец, когда в пещере стало достаточно тепло, лег на медвежью шкуру и, подперев щеку ладонью, начал в одиночестве размышлять о Тасу. Он суров, но гостеприимен. Смел, но осторожен. Привык доверять своим чувствам. Инстинкты и интуиция помогли ему выжить, стать «последним из могижан». Собран, подтянут, бодр, но вместе с тем болезненно обидчив, мнителен, прячет свои истинные чувства под маской бессердечия. Только самые близкие были способны понять его тайные муки. Только им он открывал свою истинную натуру, свои лучшие черты. И все же, если законная власть видела в нем только преступника, не заслуживающего лучшей участи, простые люди смотрели на этого мужественного человека как на своего несчастного брата, достойного сочувствия и уважения. Одним словом, Тасу была натура сложная и противоречивая. И этот человек оказался моим близким родственником.

Между тем, время бежало, и я прислушивался, ждал его возвращения. Ведь толком о нем и о своих родителях ничего еще не знал, правда, наслушался о нем всяких басен. Поэтому я весь внутренне подобрался и чувствовал себя в полной готовности слушать его до утра. Я встал и, чтобы убить время, не спеша начал рассматривать таинственную обитель – логово Тасу. Чего только здесь не было: и порох в пачках, и дробь, и патроны, и патронташ, и седло с серебряными насечками, и старый китель, и медали, и безделушки из тусклого серебра, тут же в углу, прикрытая шкурой волка, возвышалась небольшая куча пепла и потухших углей. А в дальнем углу, в нише, я обнаружил целую аптеку лекарственных трав. Особенно много было обыкновенной душицы и зверобоя. В его коллекции можно было найти десятка два разных трав. Чувствовалось, что мой дядя больше дружит с травами, чем с химическими препаратами.

Во мне, наконец, заиграло любопытство. Мне захотелось найти выход из пещеры. Я взял фонарь и, соблюдая осторожность, в полутьме двинулся вперед. Я шел вдоль подземной речушки. Берег ее был всего лишь узким каменным карнизом. Приходилось с трудом пробираться по тесному коридору. Идти становилось совсем неудобно. Метнулись в темноте летучие мыши, испуганные моим появлением. И все же я узнал, что наша пещера соединяется узкой расщелиной с другой пещерой. Пробираться через эту расщелину к другой пещере я не стал – просто не посмел: во-первых, было опасно – мог провалиться, упасть, а во-вторых – вот-вот заявится Тасу. И что он мог подумать, не найдя меня на месте?! Я не хотел злоупотреблять доверием. И все же для себя я сделал предположение, что через эти пещеры можно попасть на кратчайшую дорогу к ближайшему селу. Другими словами, Тасу мог воспользоваться этими пещерами, как отмычками, которые открывали ему доступ к людям!

Вернувшись назад, подбросив в огонь дрова, я сел у очага, склонив голову на колени. Вокруг была полутьма. Тускло горел фонарь. Сухие сучья в огне

шипели и трещали, пламя глухо рычало. Я начинал чувствовать себя так, будто меня вернули в каменный век и вокруг меня вместо теней от языков племени в полумраке бродят хищные звери. Я с каким-то чувством тревоги посмотрел вокруг. Неужели страх? Я злился на себя. Испугался? Эх ты, доктор! Испугался пещеры? А может, КГБ? А вдруг узнают, что связался с абреком? А вдруг узнают, что он мой родственник? Что тогда? Не поступил ли я крайне опрометчиво? Может, поспешно ретироваться, от греха подальше? погоди, погоди! Он же насилу тебя сюда не тащил. К чему терзаться? Ведь ты сам напросился в гости. И было бы малодушно теперь отступать, когда ты с его помощью нашел свою кровь. Как с ним поведешь сам, так и он будет с тобой. Не надо себя страшить-пужать, а просто надо быть крепче. И я начал, гипнотизируя себя, повторять это слово: «Крепче, крепче!» Все казалось фантазмагорией: абрек Тасу, эта неожиданная встреча с ним, пещера. Я в эти минуты готов был поверить в волшебство.

Вдруг я услышал какой-то шорох. Я прислушался. Шорох приближался. И наконец показался Тасу с сумкой в руках. При его появлении я, по чеченскому обычаю, успевшему уже вьестся в меня, встал навстречу. Тасу остался доволен:

– Баркалла, – сказал он и, положив сумку на сундук, спросил: – Не боялся?

Я замялся, а потом ответил честно:

– Было немного... А где ваш карабин?

– Оставил там, – неопределенно ответил он, сверкнув на меня сердитым взглядом из-под косматых бровей. Я понял, что вопрос некстати. Тасу был мрачен и озабочен.

– Что-то случилось? – спросил я.

Тасу, скинув с себя плащ и отложив автомат, сказал:

– Будь проклят весь их род до седьмого колена!

Он яростно топнул ногой и начал раздражаться бранью, в которой чеченские слова причудливо сплетались с русскими. В эту минуту он был похож на дьявола в образе человека.

– А в чем дело? Что-то серьезное, дядя? – спросил я, подкидывая хворост в почти потухающий огонь.

– Прежде чем я отвечу, ты должен дать обещание никому ничего не рассказывать, даже Петимат. Это должно остаться между нами.

– Неужели я похож на стукача? Или вы считаете...

– Не обижайся, мой мальчик. Доверчивые долго не живут. Не могу верить даже родному брату. Такой уж я человек... Объездчик Абуязид, Аллах его возьми, нехорошо поступил со мной. Он подложил мне еще одну свинью. Решил подшутить надо мной. Злая шутка...

– Мой завхоз?

– Паршивый шакал твой завхоз. Он холуй КГБ, чтоб ты знал. Держись от него подальше.

– Постараюсь, дядя... Он и мне портит кровь. И все же, что случилось?

Он погрозил в сторону севера пальцем, а затем сказал:

– Он стал поперек моей дороги, и это не впервые. Да простит мне Аллах его кровь.

– Облава?

– На этот раз кража.

– Кража?

– Да. Он угнал моих овец с помощью одного дураковатого лесника. Батал его зовут. Племянник Хас-Булата.

– Знаю я его. Наркоман, которого вы догола раздели и голым отправили из Басоя... Он шпионил за мной по заданию...

– А ты откуда знаешь?

– Был, дядя, слушок, – сказал я с напускным равнодушием. Сказать правду не рискнул.

– Он тогда покаялся. И видишь... Язык отрежу...

– А овец откуда угнали?

– Из загона. Это недалеко здесь, в урочище. Мой знакомый пастух содержал со своей отарой десятка два моих овец. Время от времени я ему помогал их пасти, косить сено, кошару чинить. Я же тоже должен думать о завтрашнем дне. Не могу же я каждый день, как сегодня, ходить на охоту на свой риск и страх. Запас всегда нужен, – он посмотрел на висевшее вяленое мясо. – Короче, они пронюхали как-то, что можно пожить, напугали органами старого пастуха до смерти и увели самых отборных баранов, мол, в пользу колхоза. К тому же, издевались над стариком: поди, мол, сообщи Тасу, пусть идет жаловаться на нас в милицию. Угрожали, в надежде выпытать у него что-нибудь обо мне.

Он молча прошелся в угол убежища, а затем резко обернулся ко мне:

– Чувствуя себя виновным передо мной, старик готов мне их вернуть из своего стада, но разве это дело?! А кто угнал-то? Этот воришка, стукач несчастный.

– Нашел на что позариться, – сказал я, сочувствуя Тасу, – когда у самого всего вдоволь.

– Каким бы подлым, низким он ни был, но все же оставался для меня до сих пор односельчанином. Думал, совесть зашевелится. Оказывается, я своему врагу давал пощаду. А другого, дурачка, я и в счет не беру. Они плохо подумали о последствиях своего поступка. Я человек, не терпящий подобных шуток. Я не позволю этим выродкам позорить себя. Даже если они пригонят мне целую отару, я не прощу им.. Это злое дело. Они думают: Тасу постарел. Ошибаются, мой мальчик, твой дядя еще может обогнать коня, скачущего во весь опор.

Лицо его искривилось от злобы, ярости и боли. Он смотрел исподлобья. КГБ и их приспешники издегали его, обозлили.

– Дядя, а что вы намерены сделать сейчас? Абуязид способен на любую пакость. Могу ли я чем-нибудь помочь?

Я боялся за Тасу: гнев – плохой советчик.

– Не вмешивайся. Тебе нельзя. Ясно, как божий день, он будет наказан. Наказан жестоко. Я его заставлю вернуть овец в течение нескольких дней и сниму с него штаны.

– Это же большой позор, – перебил я.

– Вот именно. Я его штаны повешу на крышу твоей больницы. Это развлечет больных. От этого будет больше проку, чем оттого, что я его убью. А то люди опять скажут: «Вот Тасу опять убил человека. Он только и умеет убивать». А убить его я всегда успею. Я знаю о нем все. Я знаю даже, что он ходит по ночам к твоей медсестре, к осетинке. Мне поймать его проще пареной репы...

– Он соблазнил ее деньгами...

– Он способен на все... Пусть все село станет свидетелем его позора. Может, тогда он и тебя оставит в покое. А скорее всего, сбежит из села. Он еще плохо знает Тасу. Не все такие трусы, как он, – он еще что-то буркнул себе под нос по-чеченски.

Тасу еще некоторое время не мог уgomониться. Ворошил в себе гнев, словно угли в камине. Бродил по этой полутемной конурке взад и вперед, и лицо постепенно обрело обычное выражение.

Я молча глядел на него. Ненапоминал ему о рассказе. Не хотел подворачиваться под горячую руку. Но Тасу сам обратился ко мне:

– Не будем больше тратить время на этих подлецов. Давай лучше продолжим наш рассказ. Я знаю, ты уже заждался.

– Жду с нетерпением, – стесняясь напомнить, ответил я.

Он подложил под себя подушку и сел рядом со мной. Был он в синем галифе, заправленном в хромовые сапоги, и в серой рубашке навыпуск.

Я смотрел на него и старался запомнить все, что он мне рассказывал. И если я его тут же переспрашивал, он охотно повторял сказанное. Но я старался не прерывать его.

– Все, что произошло со мной и нашей семьей, – говорил Тасу, – врезано в меня, как надпись в каменную могильную плиту. Ты, конечно, видел эти надписи на наших плитах. Их чаще пишут на арабском. Точно так же врезано в меня. Вот уже более тридцати лет каждый день иду я на смертный бой во имя

жизни и свободы. Я выбрал путь, который мало кому по силам. Ночевал где придется: в пещере, как сейчас, в лесу, в степи. И всегда был на страже: спал исключительно на спине, поставив ногу на ногу. От непогоды, дождя и мороза согревала бурка, с которой я не расставался.

У нас был свой небольшой дом почти в центре села. Две коровы, две телки, десятков пять овец, которых отец держал в родовом хуторе, лошадь, как у всех, и несколько ульев. Мы каждую осень продавали немного кукурузы или обменивали на пшеницу. Мать была безграмотная, но умела шить черкески, на вырученные деньги покупали соль, мыло, одежду. Отец умел немного читать и писать по-арабски. Учился в свое время в арабской школе, учителем их был отец Мархи, большой мулла.

Несладко пришлось мне. Рубашка и штаны мои были залатанные, где белыми, где черными заплатами. Зимой надевал ватники и пас овец, на хуторе ходил почти босиком, отчего ноги были в ушибах и в крови. Трудно жилось людям в горах, хотя и сейчас не особенно легко. Отец учил жить по шариату: не зарься на чужое добро, живи своим трудом.

– А революцию помните? – спросил я.

Он натянуто улыбнулся, посмотрел на меня и сказал:

– Революцию помню, но с большевиками не дружил, как любят сейчас хвалиться многие. Они обманывали народ, пока не захватили власть.

– Видать, она вас очень обидела. Видимо...

– Хе! За что мне ее любить... слушай дальше, – прервал он меня. – Я помню годы революции, – продолжал Тасу. – Народ в селах бурлил. День ото дня все чаще я стал слышать слова «большевик», «партизан». Будь они прокляты! Я не знал тогда, за что борются эти люди и чего они хотят. Не знаю, где доставали, но появилось много оружия. Я был маленький, но все хорошо помню. Помню, как наш сосед, подросток лет четырнадцати, украл ружье у одного красноармейца. Их тогда много было а Шатое и окрестных селах. И он учил меня стрелять. Был тогда хаос, было все запутано. Одни уходили, другие приходили. Одни становились у власти, другие отнимали ее у них. Видел даже солдат Узун-хаджи, у которых папахи были обвязаны белыми лентами. Когда начали разбивать людей по сортам: бедняки, середняки, кулаки, когда начали запрещать религию и когда не дали обещанную людям землю и свободу и начали облагать грабительскими налогами, люди поняли, что они одурочены Советской властью. Слишком мягко стелили, да жестоко стало спать. А сколькими жизнями люди заплатили за эту власть! Пропала после захвата власти совесть у большевиков. Тебе, может, не нравится этот разговор. Тебя, конечно, по-другому учили в школе. Но я привык говорить то, что думаю! Мне, как социально опасному элементу, все дозволено, – грустно усмехнулся он. – Ну как, Гилани, удивил я тебя? Может, уже не рад, что нашел дядю? Странно это слышать от неграмотного абрека, да?

– Говорите, дядя, я вас понимаю. Если уж зашел разговор об этом, я тоже стал сомневаться. Все больше людей...

– Но ты не думай, – перебил он, – что я хочу поколебать устои этой власти. Хотя вызываю по сей день сочувствие недовольных. Нет, Гилани, это мне не под силу. Что я против такой державы?! Но я верю в Аллаха. Верю в Его мудрость. Если она Ему неужгодна, он ее сам изменит на другую, несмотря на силу и мощь этой власти. Он дал, он взял. А я борюсь только за справедливость. Я не умею подстраиваться и притворяться. Я протестую против произвола и насилия, и поэтому буду истреблять представителей органов до тех пор, пока меня не оставят в покое. И мышшь кусается, когда грозит смерть. Если меня не трогают, я тоже никого не трогаю. Меня терроризируют – я терроризирую. Просто и понятно. Сколько я просил майора оставить меня в покое, дать мне возможность бывать в родном селе, среди родных и близких, вернуться, наконец, к мирному труду! Я же не зверь, а человек. А меня считают хуже зверя. Разве это дело? «Тасу, сдавайся. С изменником Советской власти не станем вступать в переговоры. Время разговоров прошло. Ты должен понести суровое наказание,

и ты его понесешь», – слышу я в ответ. Какой я изменник? Что я, предал Родину? Видишь, Гилани, нет у этой власти ни пощады, ни милости. Я ей не верю. Никогда эта власть не держала слово. Сколько ею было погублено легковых! Призывая одуматься, обещая прощать и не взыскивать за содеянные поступки, она их без зазрения совести уничтожала или отправляла в далекую Сибирь. И как же злобной воле тут, скажи, не вырасти... Но мы с тобой отвлеклись... – он мотнул головой, будто стряхивал эти тяжелые мысли и, посмотрев на меня, продолжал: – Так вот, часть людей, поняв, что они одурочены, и потеряв надежду на лучшую долю, боясь репрессий и мучений, уходили, покинув свои семьи, в горы и становились от нужды на преступный путь. Ими двигали не какие-то взгляды, а пустые желудки. Их называли то абреками, то бандитами, то разбойниками. Хрен редьки не слаще, как говорят русские. Все волей-неволей стали заложниками лжи и беспредельной жестокости.

Он замолчал. И потянулся к трубке.

– Видимо, у них переполнилась чаша терпения, и вылилось это все в борьбу против власти. Я правильно понял? – спросил я

– Вот так и было.

– Дядя, вы неплохо говорите на русском языке. Вы, наверное, учились в ликбезе?

– Я? – удивился Тасу. – Ты что, Гилани! – махнул он рукой. – Это все Сибирь, лагерь. Там все... Слушай дальше, – сказал он, глубоко затянувшись дымом. – Пусть будет трижды проклят тот день, когда председатель сельского Совета Амчи и уполномоченный ГПУ ворвались в наш дом! Пусть похоронят их вместе со свиньей! Как только они переступили наш порог, в один миг все перемешалось в нашей жизни. Я посмотрел тогда на отца. И увидел, как окаменело его лицо. Видно, начали мучить его нехорошие предчувствия. Сам того не замечая, он сжимал в руке рукоять кинжала. Он едва сдерживал себя, готовый каждую минуту вспыхнуть, как огонь.

Как я узнал потом, оказывается, у отца с председателем сельского Совета с давних пор были натянутые отношения. И все началось когда-то из-за моей матери. Была она дочь благородных родителей и одной из самых красивых девушек в селе. Сваты почти каждый день, как паломники, шли в их дом. Больше всех за ней ухаживали мой отец и Амчи. Но девушка не скрывала, что внимание моего отца ей более приятно. Отец мой был красив, статен, и люди о нем неплохо отзывались. Итак, мой отец и Амчи стали соперниками, стали ненавидеть друг друга. Несколько раз, оказывается, их разнимали. На вечеринках никто не хотел уступать. Надоело это родным. Все вместе и решили ее судьбу в пользу Амчи, так как Амчи больше отца засылал сватов с подарками и давал большой калым. Не последнюю роль в этом деле сыграл и почтенный мулла из соседнего села, которого Амчи за вознаграждение втянул в это дело. Мать моя, надо отдать ей должное, твердо заявила, что никого не желает, кроме моего отца. Родители стояли на своем: как мы решили, так и будет. Но сердце девушки не примирилось. Она оставалась непреклонной и в одну из осенних ночей сбежала с отцом. Так получилось, что отец мой женился на просватанной девушке. По селу пошли разговоры, что отец запугал ее, похитил. Злые языки, как могли, раздували пламя. «Нет! – решительно ответила мать. – Не похищал. Я сама вышла». Эти слова положили всему этому спору конец. Для Амчи худшего позора не могло быть. Он стал, говорят, чернее тучи. Желтел от зависти и злости. Он почти целый месяц закрывался дома и никому не показывался. А затем надолго уехал куда-то. Но злая месть засела в голове. Он ждал своего часа. И дождался. Перед началом коллективизации своими ложными доносами на мирных людей вошел в доверие новой власти и стал председателем сельского Совета. Отец по его навету совершенно несправедливо оказался в числе подлежащих раскулачиванию и переселению в Сибирь, хотя аккуратно выполнял положения о налогах вместе со всеми жителями села и даже, помню, отдал всю кукурузу, не оставив ничего себе на питание и семена. И все же отца отнесли к числу скрытых врагов Советской власти, ему приписывалась связь с

бандой Моцу Солтамурадова, участие в тайных сборищах. Отец и понятия не имел об этом, тем более, что банда орудовала в Ножай-Юртовском округе. Да и не банда это была, а группа людей, ставшая на защиту своих элементарных прав. Об этом мы с тобой уже говорили. Сам Моцу был объявлен имамом. Он был святой. Говорили, что одним взглядом мог поражать недруга.

Одним словом, из-за Амчи отец мой стал «классово чуждым элементом», как говорили тогда. Это была клевета и чистейшей воды вымысел. Это была рана, большая рана на сердце. «Клянусь, если еще раз вы переступите мой порог, я снесу вам головы!» – сказал им тогда отец. Он в гневе бывал суров и жесток. «Отец, гони всех вон! Я с тобой. Я сам размозжу им черепа. Я уже большой», – я на них озлился так, что дыхание перехватило. «Эй ты, паренек, осторожней! Знай, с кем имеешь дело! Прикуси свой поганый язык», – сказал уполномоченный. «Ты посмотри на него! Видишь, как разговаривает змееныш?» – добавил Амчи и изучающе окинул меня взглядом с головы до ног. Мне тогда шел семнадцатый год. «Будь проклят твой отец! Убирайся!» – прикрикнул на него отец. «Ради Аллаха, уймись!» – просила мать. «Ты очень пожалеешь об этом, Джабраил», – сказал Амчи и ушел со своим им дружком.

На следующий день отец получил повестку в милицию. Но отец сначала решил пойти в сельский Совет. Зная крутой нрав отца, мать послала меня за ним. Отец ругался с председателем так громко, что люди, столпившись у дверей кабинета, все слышали. Я был наготове. Готовый, как тигр, бросится на Амчи, я заглядывал в слегка приоткрытую дверь: отец показывал свою истерную папаху, свои грубые, в мозолях, руки, свою одежду и спрашивал, разве он похож на кулака. «Все село знает, – говорил он, – что ты меня оклеветал». Аллах свидетель, Гилани, отец мой не нажил богатства. Он с трудом содержал нас. Бедность была неразлучна с нашим очагом. Как сейчас, вижу я почти голые стены дома, покрытые копотью. Иногда от сильного ветра обветшалые стены даже покачивались.

– А люди, которые все это видели, разве не возмущались? Почему они не заступились за вашу семью? – спросил я, посмотрев на него.

Смуглое, красное от огня лицо его было сейчас даже красиво. На нем лежала печать спокойствия. Он сидел, прищурив глаза, углубившись в воспоминания.

– Заступиться? Что ты, Гилани?! Все были напуганы властями, как сейчас в Урд-Юрте. Обстановка была напряженная. Всех пугали кулацко-мулльскими элементами. Развелось немало негодяев и сволочей. Достаточно вспомнить отпетого гяура, отступника Аллаха Мазлака Ушаева, который считал каждого второго кулацким выродком. Будучи работником ОГПУ-НКВД, расстреливал на месте без суда и следствия ни в чем не повинных людей, совершил в Чечне и в Средней Азии чудовищные преступления. Он в свое время предал Узун-Хаджи и бежал к красным. Жестоко мучил он людей, пока не получил Божью кару... Я посмотрел на людей, стоящих у дверей. Они молча переглядывались. Амчи вызывал у них гадливое чувство. Я слышал обрывки ругани. Амчи говорил:

– Ты отвечай за себя... Советской власти виднее... Не тебе нас учить... Сейчас вызову наряд милиции... Будешь знать, что такое пролетарьят!

Я видел лицо отца. Оно горело ненавистью. Жадной мщеница из-за несправедливого решения. Наконец, перебранка переросла в драку. Помню, отец, в ярости подбежав к нему, схватил его за горло и начал душить. «Задушу, гадина!» – кричал отец. А Амчи хриплым голосом звал на помощь.

И вбежавшие из коридора люди оттащили от него отца, уговаривали не осложнять дело. Советовали поехать в район и разобраться.

– И он поехал? – спросил я.

– Но толку от этого не было, – махнул он рукой и отложил в сторону трубку, ощерился и сквозь еще крепкие зубы чиркнул слюной в угол.

– К тому же Амчи успел пожаловаться начальству, и нас выслали из села раньше намеченного срока. Оказывается, этой власти не нужно было ни особых усилий, ни фактов, ни доказательств, чтобы расправиться с невинными людьми. В этом я убедился еще тогда. Много воды с тех пор утекло. По ее милости я

почти отвык от человеческой жизни. Отвык разговаривать просто и весело. Рот раскрываю только для молитвы и брани. Устал уже бороться.

– По-разному складывается судьба людей, – посочувствовал я. И, поднявшись, бросил в камин хвороста. Тасу некоторое время молчал, прислушивался, а затем сказал:

– Да, мой мальчик, ты прав. У одних так, у других, как у нас, по-собачьи. О Аллах, велика Твоя мудрость, велики Твои тайны... До города нас везли на полуторке. Нас провожали все близкие и родные. «На все воля Аллаха! Не падай там духом, Джабраил. Все изменится, приедете домой. Если ты растеряешься, и семья будет трудно. Крепись, Джабраил! Одним гневом не поправишь дела», – сочувственно говорили они.

Когда машина тронулась, я прочитал молитву. Быстро убежала назад горная дорога. Я смотрел вокруг и прощался с горами, лесами – одним словом, с Родиной. Вот машина у селения Чишки с ревом взобралась на подъем и вырвалась на прямую дорогу в сторону города. На дворе был сентябрь 1935 года. Я был в старой отцовской овчинке. Поздно ночью мы попали в телячий вагон. В вагоне было нас две семьи одной судьбы. А всего отправляли в эту ночь более двадцати семей. Помню толпу, крики, солдат. Вагоны были набиты растерянными и растерзанными людьми. Плач, причитания, вопли. А как плакала мать, считая себя виновницей нашего несчастья? Как она проклинала Амчи! Он виделся ей жестоким, беспощадным, смеющимся над нашим горем. Он чудился ей злым духом, нарушившим наше счастье...

Итак, нас, раскулаченных, везли в холодную Сибирь. Я смотрел в решетчатое окно телячьего вагона, и разум отказывался понимать, что все это значит. Я чувствовал себя зверем, попавшим в ловушку. И выход видел в одном – бежать назад, в горы. К тому же охрана была не очень строга. Несколько прыжков – лес и камыши. Но страх удерживал меня. Нет, часовых я не боялся. Мой страх был за отца, которого могли замучить и расстрелять. Все это мешало мне тогда сразу бежать. При появлении конвоиров мои маленькие братья и сестры жались к матери. Бедные дети! Даже птенца, выпавшего из гнезда, жалко. Никто, даже отец, не имел представления, через какие места нас везут. Однажды мы увидели горы. Да, самые настоящие горы, поросшие лесом. Они чем-то напоминали наши. Мать была уверена, что нас везут назад, что наша ссылка – ошибка. «Есть Бог на небе!» – говорила она. Но, к сожалению, это оказались далекие Уральские горы. И я впервые там услышал слово «тайга». Когда мать узнала об этом, она проплакала целый день, а вместе с ней плакали дети. Часами стояли на полустанках. Отец тревожился, ему казалось, что нас попросту забыли. В его голосе были отчаяние и вместе с тем покорность судьбе. Он аккуратно молился и читал Коран. Пока мы ехали до Урала, к нам подсаживали таких же обездоленных, как и мы, судьбой. Но несчастье ждало впереди. Не доезжая до Омска, заболели scarлатиной брат Хусейн и сестра Хава. Их хотели снять с поезда, но отец не разрешил, и они умерли на одном из полустанков. Мы с отцом там же их похоронили. Мать хотела выброситься из вагона, пришлось конвоиру на ключи закрыть двери. Ее била лихорадка. Я там впервые увидел обнесенные проволокой площадки и странные вышки. И ... много, много людей. Эти вышки были похожи на наши буровые. Потом мне отец рассказал, что это за вышки.

– В эти годы творилось что-то бессмысленно жестокое, – вырвалось у меня.

– Э, тебе это знакомое дело. Ты же вырос в Сибири, что тебе об этом рассказывать... Ходить за баландой приходилось мне. И мне часто приходилось вступать в спор с конвоирами. К тому же я тогда плохо говорил по-русски и надо мной смеялись. У них были ядовитые насмешки, и меня это очень злило. Отец советовал мне хранить хладнокровие, запастись терпением. Но это не получалось. Они всю дорогу портили мне кровь. А одежды, когда мне отказали даже в кипятке, я сцепился с конвоиром. Они этого только и ждали. Избивая прикладом, меня отвели в изолятор, и я впервые познакомился с наручниками. «Как нельзя лучше! – сказал с издевкой дежурный, – Здесь и подохнешь». Холодно, Гилани, темно и грязно. Сквозняк – укрыться нечем. Я уже корил

себя за несдержанный характер. Отец, несчастный и напуганный, явился за мной в полночь. Правда, когда он пришел и избил меня дополнительно, меня все же освободили из-под стражи под его ответственность. И я вернулся в свой вагон. Увидев меня, убитая горем мать опять разрыдалась, она думала, что конвоиры расстреляли меня. Короче, Гилани, если опускать подробности, нас после долгих мытарств завезли в тайгу к лесорубам. И так мы очутились в Томском области.

Отец скрежетал зубами и ругался. Он требовал, чтобы нас поселили в поселке, а не бросали в лесу. Когда мы подошли к баракам лесозаготовителей, лесорубы с любопытством и настороженностью смотрели на нас. Нас было пять семей, но с Кавказа мы были одни. Нас специально раскидали по большой Сибири.

«Кулаков привезли», – прошел шепот среди лесорубов. Когда нас подвезли к баракам, они пили чай, сгрудившись во дворе вокруг огромного костра.

Отец решительно направился к ним. Он остановился метрах в пяти-шести от них и, глядя им прямо в глаза, спокойно сказал: «Мы не кулаки. Мы жертвы оговора. Вот посмотрите», – и показал на наши жалкие пожитки.

«Не принимай всерьез все, что тут мелят, и не сердись на нас, – счел нужным извиниться за всех мужчина с костистым рябым лицом. – И таких, как вы, здесь немало. Перегибает наша власть палку. Под видом кулаков уничтожается наиболее активная часть потенциально грозной крестьянской массы».

Он подошел к отцу, представился бригадиром лесорубов, крепко, по-мужски, пожал ему руку и пригласил на чай.

Жилище нам здесь, конечно, никто не готовил, но лесорубы, когда страсть улеглась, как-то легко уступили нам небольшой барак. Потом мы поняли, почему: оказывается, они бежали от клопов. Сколько их было, Гилани! Даже запах был от них. Ты не знаешь, как мы мучились, страдали. Не дай Аллах кому-нибудь пережить подобное на этом свете или на том. Приехали мы ведь осенью. Было начало холодов. Ни хлеба, ни скотины, ни птиц. От клопов и комаров тело горело. Барак наш, крытый тесом, на бревенчатом фундаменте, был старый и холодный. Низкий потолок весь был покрыт гарью. В щели дуло, в окне не было стекол. Единственное, чего было много, – это дрова – кругом была тайга.

Мы с отцом закрыли все щели, мать быстро устроила очаг и развела огонь. Стало тепло и уютно. У лесорубов купили валенки и телогрейки. За продуктами я ходил в Белый Яр, который находился верстах в пяти от нас. Вот теперь тебе ясно, почему Петимат расспрашивала тебя про Белый Яр?

– Да, конечно, – ответил я, понимая кивнув головой.

– Вот такое дело... Я тогда плохо говорил по-русски, и все в поселке смеялись над каждым моим словом. Чувство юмора не было чуждо мне, и я смеялся вместе с ними. «Удивительно, – говорил я им, – как вы здесь живете, кругом непроходимая тайга, болото и холодина». – «Э, парень, – отвечали они, – пятьдесят лет не возраст, пятьдесят градусов – не мороз, пятьдесят километров – не расстояние».

Через неделю после приезда нас с отцом определили на работу: строить узкоколейку для вывоза леса. Мы взялись за работу. Деревья застонали под ударами наших топоров. Быстро темнело. Поэтому приходилось работать при свете костров, питаясь печеной картошкой. Начальник участка Панасюк (я хорошо запомнил его фамилию) был грубый, плохой человек. Он ненавидел и побаивался моего отца. Для него мы были дешевая сила – ссыльные, лишённые прав. Нормы были высокие, оплата смехотворная. К тому же нас перегоняли с одной работы на другую. Я был рад, что, несмотря на все эти трудности, отец не падал духом. Он советовался с опытными лесорубами и усиленно искал лазейки, чтобы облегчить нашу жизнь. Цель была – выжить. Правда, физического труда мы не боялись, к нему мы еще дома были привычны. Отец часто писал письма на арабском языке домой. Начал получать ответы, и это связывало нас с Родиной. Отец переводил буквально, читая справа налево.

В эти дни жизнь огорчила нас еще раз. Заблудились в тайге мои сестренки – Липа и Седа. Они, собирая ягоды, видимо, далеко зашли в лес. Мы их искали три дня с самыми дурными предчувствиями. На четвертый день их нашли мертвыми. Их просто изгрызли звери. Мать этого не вынесла и заболела чахоткой. Много кашляла и харкала кровью. Фельдшер говорил, что дырки в легких. Я знал, что это случится. Ей казалось, будто вся горесть мира выпала только на ее долю. Как только все это вспомню, Гилани, дрожь пробегает. Местные знахарки и даже мой отец ей предлагали пить топленое свиное сало с молоком, говорили, что это хорошо помогает, но она наотрез отказалась, а больницы рядом не было.

Мать умерла весной. Мысленно мы с отцом готовились к этому, и все-таки ее смерть была для нас неожиданностью и потрясла нас.

Не описать, что творилось в моей душе. Когда мы с отцом хоронили ее, помогали нам и местные. «Глянь, ребята, креста не ставят», – удивлялись одни. «Так они же басурманы», – ответил кто-то из них. Многие не знали, кто мы и откуда.

После ее смерти мы были убиты горем и не знали, что делать. Нас осталось у отца двое: я и Хасан. После смерти матери отец не мог оставаться в бараке. Он снял небольшой домик у лесопильного цеха и перевез нас туда. Разрешение на переезд не требовалось, так как цех находился также в районе лесозаготовки под начальством того же Панасюка. Пуп земли, как его там называли. Мне было отвратительно глядеть на его рожу, лоснящуюся от жира. Основное его занятие было выслеживать и наказывать рабочих. И почему-то все его терпели. Наконец, когда он ушел в отпуск, отец устроился лесным объездчиком и ездил на лошади. Лошадь была сибирская, крепкая. Мы с Хасаном часто ездили на ней в поселок, покупали хлеб и продукты, меняли шкуры на обувь и теплую одежду. Я тоже бросил лесозаготовку и подружился с охотниками, с которыми уходил на два-три дня в тайгу. Отец вначале беспокоился, а потом привык к моим отлучкам. Там я научился отлично стрелять: ни одна пуля не проходила мимо цели.

В начале лета 1936 года к нам привезли девушек – ФЗУшниц из Томска. Они жили в большом старом бараке. Я иногда ходил к ним в гости. Одна из них проявляла ко мне интерес, и меня лесорубы стали подразнивать, что я к ней неравнодушен. Девушка – кажется, ее звали Катя – была со мной ласкова, учила языку, рассказывала про себя, про Томск. По субботам и воскресным дням многие собирались у костра. Это было единственное спасение от комаров. И там я впервые услышал, как ругают Сталина. Я еще не осознал все, но старался защитить его, как кавказца. Потом, вспоминая об этом, я, конечно, краснел. А Катя старалась меня убедить, что если бы он был русский, то не был бы таким жестоким. Когда она после работы, спасаясь от комаров, прыгнула в речку и утонула, я плакал. А речки там, ты знаешь, быстрые и глубокие, как наш Аргун.

Тасу замолчал. Он посмотрел на меня и сказал:

– Сделаю намаз, потом продолжим. Впереди целая история. А ты пока приготовь нам чай.

– Хорошо, дядя. Чай будет отменный, – согласился я.

Тасу быстро совершил омовение и принялся за намаз. Он молился долго. В этот момент я видел его отрешенность от всего и, казалось, что он создан для того, чтобы служить Аллаху.

Закончив намаз, Тасу сказал мне:

– Дожил до этого возраста, потому что не забывал Аллаха, к которому я неизменно обращаюсь пять раз в сутки. Никакая мирская суета не сможет сбить меня с дороги, которая связывает меня с Аллахом. Посмотри на все то, что окружает тебя на земле, и ты увидишь, что жизнь подчиняется неким регулирующим факторам, которые направляют ее. Взгляни на все, что находится над тобой: на солнце, луну, планеты, звезды, облака... Кто мог бы создать эти чудеса, кроме Аллаха? Кто осуществляет контроль над всей этой огромной и сложной Вселенной? Опять-таки никто, кроме Аллаха. А разум? Наделил нас

разумом, чтобы мы могли мыслить. Поистине, есть лишь один создатель всего сотворенного, и этим является Истинный Аллах. Ты знаешь, мой мальчик, я трижды перечитывал все сто четырнадцать сур Корана. Отдельные мог даже говорить на память.

– Похвально, дядя, – сказал я. – А толковать?

– Не хорошо, но могу приблизительно, – ответил он, – но учти, даже мутле нелегко выразить мысль Аллаха!

Когда чай был готов, отпивая его маленькими глотками из деревянной чашки, Тасу продолжал свой рассказ-воспоминание:

– Летом 1937 года к нам чудом доехал единственный родной племянник моего отца – Абу, твой отец. Оставив работу колхозного счетовода, он, оказывается, бежал от массовых репрессий того времени. Как он рассказывал, похватали всех мужчин из района. Многих обвинили по статье 58 (10). Короче, Сталин и его приспешники внедряли свою утопию с помощью террора и насилия...

Тогда твой отец был черноволосый, крепкого строения молодой человек. У вас схожие черты лица. Вот посмотри сам, – Тасу из кармана гимнастерки вытащил фото и передал мне. – На фотографии твои родители. Я это фото хранил столько лет, будто для тебя.

Снимок был небольшой, пожелтевший от времени. У отца были темные, с затаенной улыбкой, глаза. Темные волосы, черная бородка и крючковатый нос. А мать – само очарование и нежность. На фотографии они были молодые и счастливые. Отец казался мне буквально очарованным ею.

– А мать откуда была родом? – спросил я.

– Твою мать звали Гульмия, она была татаркой, – ответил Тасу. – Твой отец нашел ее в Колпашеве. Она была дочерью местного ювелира, с кем твой отец дружил, заключал сделки. Этот снимок мне подарили твои родители вскоре после свадьбы. Они любили и доверяли друг другу. Хотя мой отец говорил ему, что женщинам доверять особо нельзя. «Она никогда не сплетничает», – сказал тогда твой отец. Но это заявление моему отцу показалось неубедительным. «Может, и не сплетничает, но есть чисто женская манера, – улыбнулся отец, – по секрету всему свету». Жили дружно. Он ее учил чеченскому языку, а она его – татарскому. Но, к сожалению, прожили вместе они недолго. Не судьба...

– А что случилось, дядя? – спросил я, положив рядом фотографию.

– Их ночью убили злоумышленники, забрали драгоценности, а затем подожгли дом.

– Убили?! Так, значит, это был тот пожар, который врезался в мою память...

– Да, это случилось в холодную осеннюю ночь. Преступники поплатились за это. Я отомстил за них. И виной всему были побрякушки, к которым твой отец питал слабость.

– Какие побрякушки, дядя? Я хочу знать подробности.

Тасу допил чай, разгладил усы и только после этого подал голос:

– Хорошо. Слушай. Твоего отца воспитывал дед по материнской линии. Он был рослый, широкий в кости, достойный, уважаемый всеми человек. Люди его еще любили за веселый нрав. А твой отец в нем души не чаял, любил его шутки и прибаутки. Звали его Дауд. Он забрал твоего отца к себе после гибели его родителей. Когда они зимой возвращались домой, их телега сорвалась с крутого обрыва в Аргун. Наши дороги ты сам видишь. А раньше были еще хуже.

Больше детей у Дауда не было, и он весь жар своего сердца отдавал ему. Живя у деда в Алхазурово, Абу часто приезжал к нам, в Урд-Юрт, зная, что мы ветви одного рода. Мы с ним очень дружили, хотя он был на несколько лет старше меня. Он был стройный, с прекрасным смуглым лицом. Когда он на своем коне приезжал к нам, а конь был горяч и быстр, он статностью и гордостью взгляда покорял девушек нашего села. А девушки были бойкие, привязанные к горячим взглядам таких же бойких и красивых парней. Он был добрый, вежливый человек, хорошо знающий, как себя вести. Все ему, как сироте, желали счастья. Но почему-то тогда он не влюбился ни в одну сельскую красавицу. Они досадовали на него,

а джигиты аула радовались, в душе завидуя ему. И еще от бабушки он знал уйму волшебных сказок и печальных легенд, которые охотно рассказывал моим братьям и сестрам. Дед главной целью видел дать образование своему внуку. После школы твой отец окончил в Грозном бухгалтерские курсы. Дед очень хотел, чтобы Абу стал лекарем, а он сам – ювелиром. Он знал всех ювелиров в городе, знал толк в драгоценных металлах и камнях. Быстро мог находить разницу между бриллиантом и блестящим стеклышком. Его, как магнитом, тянуло к этим побрякушкам. Но реализовать себя так, как ему этого хотелось, дома он не мог. Славное его житие в доме деда кончилось к тому моменту, когда нас выслали в Сибирь, а деда арестовали по обвинению в антисоветской агитации. Когда Абу остался с бабушкой, ему пришлось поискать работу. И нашел скромную должность колхозного счетовода. Твой отец был добрым, хорошим человеком. В самое тяжелое время не забывал нас, помогал, чем мог. Хотя мы и не просили, ежемесячно присылал нам посылки, часто писал. Писал, что за каждым его шагом следят, пытаюсь спровоцировать на какой-нибудь конфликт. И, наконец, сбежал к нам, когда угроза ареста стала очевидной. Когда он подходил к нашей калитке, первым заметил его мой отец. Он, ударив себя по коленям, резко сорвался с места и крикнул: «Абу!» И вот они обнялись. У обоих слезы. Мы тоже с Хасаном припали к его груди. Увидев его, теплая волна прихлынула к моему сердцу, будто он с собой принес тепло родного края.

– Как хорошо, что ты приехал! – сказал отец. – Слава Богу! До Него дошли мои молитвы.

Отец бестолково суетился некоторое время, а затем приказал мне зарезать барана.

Я не знал, что это – сон или явь? Правда ли, что Абу приехал к нам?

А сам Абу, взволнованный не меньше нас, рассказывал нам про домашние новости, зная, как мы истосковались по родным местам. Но когда он узнал, что нет в живых моей матери, на его глаза навернулись слезы. Моя мать очень любила его. Когда он приезжал к нам, мать говорила: «Ты погляди на себя – худой, как скелет комара. Больше ешь – скорее поправишься».

Я зарезал в честь приезда Абу лучшего барана. Не успел еще запах баранины распространиться до ближних барачков, как весть о приезде Абу дошла до властей, тут же появились представители лагерного начальства, которые начали проверять документы Абу и расспрашивать о цели приезда. И Абу сразу понял, что живем мы неровной, беспокойной жизнью. Но он был оптимист: не впадал в уныние, в себе не замыкался.

Жизнь наша, взбудораженная на какое-то время приездом Абу, через несколько дней вновь вошла в свой привычный круг: работа, тайга, охота... Забот было по горло.

Первую неделю я знакомил Абу с лесорубами, охотниками, побывали в Белом Яре, Тогуре и даже Колпашево.

– Дядя, извините, что перебиваю. Вы знаете, что в прошлом году в Колпашево, где Обь делает крутой поворот, обские волны явили страшную тайну, вымывая из берега трупы жертв сталинских репрессий? Об этом вслух бояться говорить. А Колпашево стал уже городом.

– Можно всего ожидать, – сказал Тасу, – это же Нарымский край, там были лагеря... И самое интересное то, что в каждом захоронении подобно рода можно найти жертв и палачей.

– Еще раз извините, дядя. Продолжайте рассказ, – попросил я, взглянув на часы.

– Твой отец все время ходил со мной на охоту, собирал пушнину, но его интересовали места, где мыли золото. Однажды он поехал с пушнинной в Томск и привез нам много патронов и пороха. Нам приходилось жить особой жизнью, требовавшей жизнестойкости и сметливости и, главное, уметь постоять за себя, иначе нас могли за ночь всех перерезать. Помню, как мы с Абу гуськом ходили по глубокому снегу. А сколько раз оставались среди ночи в тайге! Страшная метель. Бьет в лицо, сбивает с ног, а мы идем и идем. Готовые упасть

от усталости и голода, прятались иногда под елью от порыва ветра. Однажды в таком метельном лесу заблудились, чуть не погибли...

– В такую метель самое страшное – лесной страх. Гибнешь от растерянности, – сказал я.

– Да. Ты прав, – сказал Тасу, потянувшись к своей трубке. – Чувствуешь себя беспомощным. Я не хотел бы пережить все это заново... Но вернемся к нашему рассказу. Там мы, Гилани, были отрезаны от всего мира, но только не от НКВД. После приезда Абу сделали обыск, перевернули все. Хорошо, что Абу успел спрятать у старушки свою пушнину и несколько камней. Абу тоже, как и нас, взяли на особый учет. Его несколько раз вызывали с отцом в Белый Яр. Последний раз избили, но отпустили. «Тут что-то не чисто: кому-то я здесь мешаю», – говорил он. Потом выяснилось, что десятник, наш сосед, написал донос, зная, что машина террора еще несется вскачь, наращивая обороты. Когда Абу узнал об этом, он не стал с ним враждовать, выяснять отношения, а наоборот, стал умягчать, дружить, давать взаймы деньги, зная, что он на мели. Это было самое правильное решение, и сделал он это так своевременно, что его больше не стали вызывать и, наконец, оставили в покое. А намек, чтобы Абу умягчил соседа, дал отец. Если кто с понятием, как Абу, ему не нужно повторять дважды, достаточно лишь намекнуть. Где хотелось ругаться последними словами, Абу заставлял себя улыбаться. Такой он был человек. Он не любил нищету, любил приятно одеваться, умел следить за собой. Его сапоги со сбитыми каблуками бывали всегда начищены, костюм, рубашка-поношенные, но чистые. Сам стирал, сам гладил. Для него вопросы гигиены, внешнего вида имели особое значение. Сердце у него было отзывчивое и рука щедрая. Но имелся один недостаток: был чересчур самонадеянный. Любил хвастаться своими успехами. Любил во всем первенствовать среди товарищей. Мечтал о большом доме, о богатстве. Считал, что мы все заслуживаем лучшей доли. Он хотел видеть жизнь такой, какой рисовало его воображение. В минуты откровений он посвящал меня в свои тайны, где ему рисовались картины светлого будущего. «Ты увидишь, как мы заживем», – говорил он.

Когда его на время оставили в покое, ему показалось, что жизнь открыла перед ним простор для проявления всех своих способностей. А Сибирь, ты сам знаешь, – там и лес, там и пушнина, там и золото, а теперь и нефть и газ.

Он думал, что мечта его, наконец, сбывается. Живя с нами в Сибири, он успел уже осмотреться. И я чувствовал, как в нем изо дня в день просыпается охотничий азарт. Одним словом, у твоего отца были недурные мозги. И однажды, это было уже весной, он исчез у нас на целые три недели. Отец очень беспокоился, стал хмурым и сердитым. Однажды отец, это было после утреннего намаза, взглянул мне в лицо. И я без слов понял его. Взял лошадь отца и пустился в поиски. Я его целый день искал в поселке, на охотничьих тропах – но его нигде не было.

Наконец, когда он, усталый, с небольшой сумкой с золотистым песком, вернулся домой, отец, хмуро сдвинув брови, очень ругал его. «Оставь свои проделки, – говорил он. – Это к хорошему не приведет, знай, что ты в чужом краю. Чуть промахнешься – беда. Не будешь повиноваться мне – отправлю домой».

Отцовское наставление мало заботило его, он слушал вполуха и покусывал губы. А я знал: когда он начинал покусывать губы, то что-то задумал. Ехать домой, конечно, Абу не хотел. Он сказал отцу, что целиком согласен с ним, и вперед обещал вести себя хорошо.

После этого Абу целых два месяца охотился, собрал пушнину и снова исчез. На сей раз отец запретил мне его искать, но я все равно тайком от отца расспрашивал о нем в поселке, а также у охотников и местных лесорубов. И не успокоился, пока не узнал, что он находится в Колпашево. Через месяц Абу явился, теперь уже не сам, а с невестой.

– С моей матерью?

– Да, с ней. Это было в конце лета. Твоя мать была крупная и сдобная, ростом почти с Абу, выглядела очень привлекательно. Ее свисавшие из-под шали

толстые косы доходили до пояса. Шею украшало красивое ожерелье. Я ее сразу узнал. И она меня тоже. Это была дочь ювелира из Колпашево. Я ее однажды видел, когда с Абу был у них в гостях.

Оставив ее на моем попечении, Абу, стесняясь отца, скрылся. Отец боялся, что родственники невесты могут кинуться на поиски. Он не хотел лишней ссоры и вражды. Амчи до сих пор стоял у него поперек горла. Но, на наше счастье, брак уже оказался освещенным муллой, и свадьба сыграна дома у невесты.

Мой отец принял ее приветливо, несмотря на то, что был зол на Абу. Глядя на красивую невестку, он успокоился и учтиво произнес: «Заходи, дочка, не стесняйся. Будь как дома. Дай Аллах, чтобы ты была счастлива».

Правда, отец рассеян был еще, как будто думал о двух вещах сразу. Я взял ее за руку. Она, потупив глаза, последовала за мной в дом. Она быстро освободилась от первой скованности, разобрала свертки и начала хлопотать по дому. А мой отец за столом, расточая любезные речи и улыбки, играл роль гостеприимного хозяина.

Отец снова приказал мне зарезать лучшего барана, брата Хасана послал в поселок за продуктами. Торжественный ужин твоя мать готовила сама, а мы с Хасаном помогали ей. И в этот вечер мы с достоинством оценили ее кулинарные способности. Все мужчины встали из-за стола сытые и довольные. Узнав, что Абу женился, пришли соседи-лесорубы. Наш знакомый десятник сидел на почетном месте и приносил тосты. Ели, пили, веселились до утра. Мы все радовались за Абу, а больше всех радовался Хасан, который давно хотел сложить с себя обязанности нашего повара. Твоя мать была женщина набожная. Всякий раз, беря в руки хлеб, масло или что-нибудь другое, она с благодарностью поминала Аллаха. Она была просто находка для нас. Готовила, стирала, следила за домом. В доме было уютно, прибрано. Осень и зиму мы провели рядом, а зима была холодная и снежная. Разместились они с Абу в деревянном флигельке, примыкавшем к нашей стене. Это было довольно прочное строение с покатой крышей из толя, укрепленное к тому же брусьями. Весной Абу купил только что отстроенный новый дом в Белом Яре и переехал жить туда.

Отец боялся за них и не хотел, чтобы мы жили порознь, как будто что-то предчувствовал; и улыбка, появлявшаяся прежде изредка на его губах, а вместе с ней и живой, горячий блеск его глаз начали исчезать. Да и сердце у него к этому времени стало побаливать. Отец не смог тогда уговорить Абу. «Предоставим все воле судьбы! – пожал Абу плечами. – Я не могу дальше жить в таких условиях». Ты, их первенец, родился весной. Помню, сирень была в цвету.

– Верно, дядя, – сказал я. – 22 апреля, как и Ленин.

– У тебя, я вижу, как и у отца, стремление к славе.

– Не особенно, – ответил я.

– Так вот, мой отец очень обрадовался и дал тебе имя Гилани. А еще больше он обрадовался, когда на это торжество приехали родители твоей матери. Помню, привезли они с собой много подарков. Отцу галифе, мне костюм, а тебе несколько разных костюмчиков. Твоя бабушка раскачивала тебя в подвесной низкой люльке, а дед любил задавать нам загадки: «Без крыл летит» (ветер), «Без ног бежит» (туча), «Без огня горит» (солнце). Помню, долгое время отгадывали загадку про воду: «Еду, еду – следу нету; режу, режу – крови нету; рублю, рублю – щепок нету».

Когда они уезжали, мы с Абу попросили разрешения у начальства и проводили их почти до самого Колпашево. Абу был доволен тобой. «А какой бойкий – настоящий джигит, – говорил он, глядя на тебя. – А как держит голову!» Он часто брал тебя на руки, от чего теплели глаза матери. Ты на самом деле был бойкий, никак не сиделось – то к одному тянулся, то к другому, шептал и гукал о чем-то своем. Но вот как ты тогда остался жив и как ты попал в детский приемник, этого я до сих пор не знаю. Я считал, что вы тогда все вместе погибли.

О горестных событиях в поселке мы узнали под утро.

Оставив Хасана дома, мы с отцом поспешили в поселок. Отец тогда был

сильно простуженный, от его кашля и каменное сердце могло дрогнуть. У него была одышка, и он не мог идти так быстро, как я. А коня не было. Успевший к тому времени оправиться от какой-то операции и вернуться на работу, Панасюк снял с работы отца и отобрал у него лошадь. Отец всю дорогу проклинал его и тех злодеев, которые из-за каких-то побрякушек погубили молодую семью. Правда, Абу чувствовал, что под него подкапываются. Он сам говорил об этом. Ночью он двери никому не открывал. А когда его сердце наполнилось смутной тревогой, он часть своих драгоценностей передал мне на хранение, и я тотчас запрятал их в надежное место.

Я знал, что люди – алчные и грешные существа. Что совершить этот гнусный поступок могли только его «закадычные друзья», с которыми он ходил на охоту и на прииски. В ту ночь он мог открыть дверь только тому или тем, кому беспредельно верил. «А не у десятника ли разгадка этой тайны?» – думал я, идя в поселок рядом с отцом. И моя догадка, как потом выяснилось, оказалась верной.

К нашему приходу все было кончено. Тлели последние угли. Деревянный дом быстро сгорел. А вместе с ним и близлежащие строения – сараи, заборы, к которым огонь перебросился от сильного ветра. Кто-то сказал, что пожар тушили солдаты, которые недавно ушли. Видя все это, мне казалось, что наступает конец света. Казалось, будто антихрист витает над грешной землей, будто слышу его сатанинский смех. «Я за вас отомщу!» – было первым, что пришло мне в голову.

– Я же говорил, что нам нельзя жить порознь. Чужой есть чужой! Как такое пережить? – убивался отец.

Быстро похоронив останки – а если сказать правду, то там и хоронить-то было нечего, – я бросился на поиски злодеев. Я действовал, как всегда, в одиночку, имея при себе обрез, наган и краюху хлеба. В первую очередь взялся за десятника. Под благовидным предлогом отвел его подальше, избил как следует и, хотя он орал благим матом, под дулом нагана заставил расколоться. Оставив его на первых порах живым, я бросился в погоню за преступниками.

Кругом были болота. Сердце мне подсказывало, что надо идти в сторону Батурино, именно там кричали в дальних зарослях утки. Я шел, яростно вырывая сапоги из трясины, отмахиваясь от клубка гнуса над головой. Делал расспросы в каждой деревне. И если опускать подробности своих походов, я их, наконец, нашел и загнал в болото. Их оказалось двое. Я каждому всадил по две пули и с наслаждением смотрел, как они уходили вглубь природного отстойника. Вот так, Гилани, я отомстил за твоих родителей.

– Спасибо, дядя, я в долгу перед вами, – сказал я, обнимая его за плечи.

– Но знай, Гилани, – сказал Тасу растроганным голосом, – даже муравей бы не погиб у меня под ногами, если бы не такие дела.

– Понимаю...

В это время моя собака вдруг стала поскуливать.

– Иди быстро, накорми и успокой ее, – сказал мне Тасу. – Не терплю собак, которые попусту скулят.

Я взял с собой объедки и пошел к собаке, а Тасу тем временем, приподняв шкуру, ушел с фонариком к роднику.

Когда я вернулся назад, Тасу сидел на своем месте, а рядом с ним лежал мешочек из серого сукна.

Видя, что я с любопытством разглядываю мешочек. Тасу сказал:

– Когда придет время, я вытряхну перед тобой его содержимое, а пока слушай рассказ дальше. Время не ждет... Так вот, утопив злодеев в болоте, я вернулся домой к вечеру. Отец в это время сидел на дощатом помосте, прилаженном возле ограды.

Он меня задался.

Я ничего не скрыл от него, кроме, может быть, тех незначительных подробностей, о которых не стоило говорить.

Отец боялся за меня. Он со свойственным ему предчувствием посоветовал

мне на время скрыться. Но я не успел этого сделать. Чуть свет сделали обыск, и меня забрали в поселок. Оказывается, Василий, так звали десятника, успел уже донести. На очной ставке он для убедительности бил себя кулаком в грудь, да так сильно, что из старого пиджака летела пыль. «Это бандюга, кулацкое отродье!» – кричал он. Я старался доказать, что он организовал убийство моего брата, но меня никто не слышал. Я уже сожалел, что не убил его тогда. Единственное, что я сделал, это плюнул ему в глаза. Хорошо плюнул, со вкусом. Пока я сидел в поселке, отец один раз приходил с моим младшим братом на свидание, и потом я его больше не видел. Его забрали спустя две недели после меня, обвинив, как кулака, в подстрекательстве и саботаже. Он умер в тюремной больнице в Читинской области. Злой рок, мой мальчик, тяготел над нашей семьей. Тяжким камнем на нас свалилась беда. После нашего ареста Хасан остался один. И он решил за нас с отцом отомстить этому негодю.

– Василию?

– Да. Я до сих пор не могу в это поверить. Ему было всего четырнадцать лет. Оказывается, он вечером с маленьким топором забрался в его дом. И не успел десятник понять, в чем дело, он пустил острый, как лезвие бритвы, топор в дело. И раскроил негодю череп. Будь проклят его отец!

Мальчика тут же схватили. Но он вырвался из рук, бросился в эту жуткую и глубокую речку Кеть и утонул. Так погиб мой последний брат. А меня обвинили, осудили на двадцать лет каторжных работ и отправили в Колымские лагеря. И я очутился в поселке Усть-Омчуг на руднике Светлый, хотя он и близко не был светлым.

Я остался один, и меня уже не страшило будущее. Я еще по дороге поставил перед собой цель: бежать и отомстить Амчи. Бежать. Это было единственное спасение из этого ада. Будучи в тюрьме, я познакомился и сильно подружился с одним крымским татаринцем. Это был крепкий мужчина с черными как уголь глазами, усами и типично татарской бородой. Осман его звали. «А профессия моя конокрад», – говорил он. И в лошадях он действительно знал толк. Когда нас под конвоем завели в рудник, зэки с любопытством рассматривали нас.

– Что, с Кавказа? – спросил меня один.

Я был голодный и злой.

– На лбу, что ли, написано? – недружелюбно ответил я, почесывая свою стриженую голову.

Нам еще по дороге рассказывали, что здесь много блатных со своими выходками.

– По морде вижу. Полегче, паря, – сказал зэк, надвинув на лоб затасканную кепку.

– Вырву у тебя змеиный язык, – зловещим голосом ответил я. К ним, к их разговорам я привык еще в тюрьме. Я уже знал, что клин вышибают клином.

– Брысь отсюда, – выругался татарин. – Я дома объезжал таких коней, а здесь буду объезжать вас.

– Загнешься, – ответил молодой зэк и посмотрел на товарищей.

– Успеешь погугорить, – сказал один из них, коротыш с тестообразным лицом.

– Разговорчики! – крикнул конвой и увел нас в конторку для регистрации.

Это была небольшая зона, где работало около пятисот зэков в три смены. Вся рабочая сила по степени своего здоровья делилась на группы и в зависимости от этого использовалась на тяжелых или более легких работах. Надзиратели ходили с палками или дубинами. Били за все: за плохую работу, за громко сказанное слово, за медленный шаг, за жалобу... Били жестоко, ломали кости, бросали в каменный погреб, а иногда просто расстреливали.

Надо было видеть их глаза, когда они избивали зэков, никто не имел права вступить. А если кто вступится, то и ему доставалось. Для меня это все вначале было поразительно и непривычно. Днем высыпались на голых щитах, матрацев в руднике не хватало, а ночью работали там, где прикажут. А перевестись на легкую работу даже больным и инвалидом было тяжело. Считалось, что наносится колоссальный ущерб государству.

Тасу устало опустил голову и замолчал. Я знал, что он прислушивается. Все было тихо и спокойно. Затем, через некоторое время, он встрепенулся и продолжил свой нелегкий рассказ:

– Работа была тяжелая, но привычная уже для меня. Несколько дней блатные к нам присматривались. Говорили и общались мало. Всех связывала одна темная мысль: кто кого одолеет. Но так тянулось недолго. Однажды, когда блатные начали играть в карты и откалывать свои номера, Осман не выдержал:

– Молчать, шпана! Спать давай! Мы только вернулись со смены.

Они с хохотом послали его на три буквы. Я, недолго думая, бросил в вожака свой старый грязный ботинок и приготовился к драке. Ко мне подошел вожак с жирным татуированным животом и прошипел, как гусь.

– Ребра твой считать будем. Потом кости ломать...

– Оставь его мне, – сказал Осман и неожиданно нанес в челюсть два таких сильных удара, что противник сразу рухнул на землю.

– Убирай, – крикнул на блатных Осман. Все посмотрели на его дико искосившееся лицо.

– Видал, как он его! – сказал один.

– Битый волк. Раз, два и готово! – сказал другой.

– А Вася наш оказался трепло...

Когда Вася с трудом поднялся, его подняли на смех.

– Еще хочешь? – спросил татарин.

– Вася, давай второй раунд, – засмеялся кто-то.

Но Вася чуть слышно прошептал:

– Ладно, на сегодня хватит. Твоя взяла, морда татарская...

Но не все были такие. Много полезного мне дало общение с политзаключенными, хотя у меня было только низшее образование. Я тогда впервые узнал, что есть среди русских умные люди, враждебно настроенные к этому строю и призывающие к борьбе против него.

Мы с Османом не грабили осужденных, не били, не продавали их вещи и свою кожу не отдавали под татуировку, а самое главное – не курили, как другие, гашиш. И лишь перед побегом (это было в ночь на Первомай 1941 года) у одного блатаря отобрали посылку, которую он выиграл в карточной игре. И нам она в пути, когда мы прятались от солдат, очень пригодилась. Для побега мы выбрали именно эту ночь, когда все надзиратели, несколько расслабленные, готовились отметить праздник. Нам очень повезло. Это была глухая ночь. Как говорят, ночь волка-разбойника.

В эту ночь пришлось убрать двух надзирателей, чтобы завладеть их оружием. Я не боялся смерти. Мне дороже жизни была свобода. Мы с Османом долго прятались. И лишь в середине июня, раздобыв немного денег, разъехались: он в Киргизию к родственникам, а я домой, в горы.

Вот так, Гилани, твой дядя стал абреком.

Халидов Сүпьян**Гүргезаш**

Йоьлхуш дла гүргезаш клайн,
Тлаьхьяьоьжуш лаш ву со,
Стиглахь нека хьоькхуш дайн,
Цара тлемаш лестадо.

Туйсуш мархаш тлехла гуо,
Синтем байна, хыйза уш...
Лозчу даг тлехь буьтуш муо,
Блаьргаша тлеуйзу хиш!

Куйгаш деглан дохалла,
Тлемаш санна, гул а дой,
Ницкь боцуш кхин тоха са,
Со гүргезах тохало!

Эрна ду син гертар дла,
Аьларг деш ца хилча дег!
Эрна ду син бертаза
Дегло гульеш хилча хьаг!

Хыйзий сунна тлехула,
Клайн гүргезаш йоьлху дла.
Буьйса юлу, сахуьлу,
Дужу диттан можа гла.

Тле мехаш а хьоькхуш дайн,
Гуьтту дукья шийла дохк.
Клайн гүргезийн глар длаяй,
Дагна хьоме буьтуш мохк!

Гуйрено басарш а шен
Къайладехи, хьулдина.
Гуйрено, малх кхетта,цлен
Белхар дин, клайн луо гина.

Гүргезаш, клайн гүргезаш,
Къилбехья длайоьлху шу!
Гүргезаш, клайн гүргезаш,
Кхочийла шаьш йоьлхучу!

Гуйренан гленаш

Мархаш йоьлху, тле догланаш ленош,
Шел а луш, дладовлу маьлхан денош,
Урам-новкья ловраш охьяьольху,
Гараглулеш къилбехья длайоьлху.

Мерза-пондарх лоькхуш
деган пхенаш,
Чехка мехаш хьоькху лаьмнаш тлера.
Карладохуш сан ширделла гленаш,
Бералло длавовху со шен бена.

Доьлхуш лачу дуткьделлачу сино,
Са а туйсуш хьошалгла цхьяь варе,
Бузий сирла блаьргаш мелчу хинах,
Ладобгууйту, хьоьжуш корах ара!

Дай баьхна юрт

Дохк лоьцуш тле Мусин-Юман,
Хазделла исбаьхья сурт,
Хьайн кентий тарбелла лоьмех,
Яьхна хьо, дай баьхна юрт!

Сурт санна, куц долуш кхийна
Мехкарийн хьан хазачу
Блаьргаша мерза са диьна,
Седа боьжна Терка чу!

Гуллакхца, гиллакхца оьзда
Хилла хьан къежбелла дай,
Аллахлан диканах доьзна
Дахарехь мел хилларг шайн.

Ширачу хьан кешнийн кертахь,
Стиглан тилина тхов,
Реглан клайн тлулг бекьна чарташ,
Моглара хлитгийна, тов.

Шена тлехь бутт, седий кхетта,
Кхузахь ду Устазан Цла,
Дала тле дашо нур дегташ,
Лардеш дог латорах къа.

Цу чохь ву вижина гуьллуш
Далла герга хилла верг,
Паччахьо, боцу бехк буьллуш,
Набахтехь хыйзийна верг.

Далла а герга верг лоруш,
Кертарчийн сий-ларам бо,
Бакья ца балийга орам
Хи а туху, асар до.

Цундела махкахь а евзаш,
Дика цле йоккхуш ю хьо.

Балано, лаяцна, ца хьовзош,
Ирс долуш ехийла хьо!

Дохк лаяцна тIе Мусин-1оман,
Хазделла исбаьхьа сурт,
Хьайн кIентий тарбелла лоймех,
Яьхна, сан дай баьхна юрт!

Ахь аьлларг дийр ду ас

Кийча ву, хазаниг, саццаза хьо хьежа,
Иэца хьан даг тIиэра кьайлаха бала.
Ахь аьлларг дийр ду ас,
хьан сайха дог тешо,
Хьомениг, ас хIун дан диэза, схьаала?!

Цаста-те буйсанан дукъ,
сийна цIе хилий?
Кхарста-те ойланца мерзачу алух?
Вуожа-те куогаш кIел,
бацалахь тхи хилий,
ГIийлачу дегIаца метгах ца хьалуш?

Я курчу лечанах вала-те стигала,
Кхокханан басахьчу хьан
дегIах хьерчаш?
Я чIерах Iаьржачу хIорда чу такхийна,
ТулгIешца дIагIо-те, паналле керчаш?

Кийча ву, хазаниг, саццаза хьо хьежа,
Иэца хьан даг тIиэра кьайлаха бала.
Ахь аьлларг дийр ду ас,
хьан сайха дог тиэшо,
Хьомениг, ас хIун дан диэза, схьаала?!

Тхо дIадоьлху, тIема довлий,
Кийрахь ловзадолий дог,
Дуткъа сина йолчу гIоли,
Буьллуш бацала байн ког!

Къобжа лаьмнаш, стиглан дари,
Луьста хьаннаш, маьлхан нур,
Шийла шовда, бецан аре-
Кхин, и саннар, мичхьа гур!

Ирсе ду, Даймахкахь дехаш,
Лууш и тхайн бIаьрга ган,
Доцуш хIумма цуьнан механ,
Долуш цунах самукъа!

Дог ца Iебаш, марзо эцна,
Сиз хазхетар доьссина,
КIорда ца деш, цунах лаяцна
Дуьйцу оха массанхьа!

Айхьа хьобсту мьоттуш

Iа бIаьстенца хийцалуш,
Хено до шен болар.
Малх дIабузу, ций а луш,
Мохо йохьу кхолар.

Кьортехькегош ойланаш,
Сирла бIаьрхиш Iенеш,
Олу ахь:Со лойла хьан!
ЙогIий буса гIенах.

Езаш волчу сил дукха,
Мерза лазар детташ,
Дагна беш берг ницкъ бу ахь,
Айхьа хьобсту мьоттуш!

Ирс

ДогIанах стиглара Iенаш,
Бераллехь малх санна, доьлуш,
Ирс дара тIемаш тIехь лелаш,
Луш суна шен дашо гIенаш!

ЦIеххьана сиз лазар тоьхна,
Висна со, дилхан дог доьхна,
Ирс дайна, кегделла тIемаш,
Ган ца гуш кхин дашо гIенаш!

Ас цунна тIаьхьа мохь бетта,
Сан сирла бIаьрг боьлху цунна!
Со муха вехар ву лаьттахь,
Цкъа кховддол, ирс доцчу суна?!

Маржа-яI, ирс довза Iемаш,
Беш цуьнан бан безза хама,
ДIайоккхуш даг чуьра гамо,
ЙогIур а юй те цхьа зама?!

Хьо сил а дукха езаш вара со...

Са,тIома долией, доьдура сан дIа,
Воккхавеш лелара дуьненах кIайн,
Хьан кеп-куц тайча, зезаган басахь,
Хьан болар дайча,
гIургIезачух, дайн!

Хьо сил а дукха езаш вара со,
Ма суна дагахь доццург дира ахьа,
Сан Iодика а ца еш, яхна дIа,
Ца хьожуш суна
тIаьххьара цкъа бIаьра!

Цхьа хаза, йоблуш, йистхуьлура хьо,
Эсала б1аьргаш хьежабеш
хьайн охьа,
Хьобга ладоьгг1начохь вуьсура со,
Мерзачу озо ойланаш еш яха!

Са, т1ома долий, доьдура сан д1а,
Воккхавеш лелара дуьненах к1айн,
Хьан кеп-куц тайча, зезаган басахь,
Хьан болар дайча,
г1ург1езачух, дайн!

Хьан б1аьргаш чу хьаьжча

*Алтамирова Маккина
лерина*

1еламнаха боху:
Дуьне духур дара,
Нагахь дика адмаш
Дацахьара гуонах.

Уьш лийр дара, боху,
Леташ, вовшийн карах,
Шайлахь кхин ца волуш,
Вийца дика кьуонах!

Вай ца дуьйцу халкъаш,
Эзар шарахь даьхна!
Вай ца юьйцу делкъеш,
Суьйрен мараяхна!

Вай юьйцург ю б1аьсте,
Аьхна, хаза, тийна!
Вай юьйцург ю б1аьсте,
Т1ам лесториг сийна!

Хьан б1аьргаш чу хьаьжча,
Гуш ю иза-м шерра,
Сирла б1аьрхи доьжча,
К1айчу беснеш т1ера!

Мобьтура

Мобьтура
Кхачор яц тахане,
Дезар дац
Кхин вовших къеста

Ладоьг1ча,
Де, даьлла, дахана
Кхин вайшиь
Шолг1а ца хьеста.

Х1ун дер ткьа,
И дара селхана,
Яцара цуьнан
Кхин зама.

Хастам бу
Дашочу малхана
Ларьярна
Дахаран амал!

Х1ай, хьо х1унда 1а ладоьг1уш?!

Ала суна т1аьххье илли,
Сингаттам д1аайа хьайн-
Хаьа вайшиь доккха хиллий,
Кобьртан месаш елча к1айн.

Амма изшац доьхна хьийза,
Йодарх зама, хьаьдда, д1а,
Арахь йоларх 1аьржа буьйса,
Лаьттахь доларх шийла 1а!

Кестта серладер ду дуьне,
Схьакхетар бу дашо малх,
Парг1атдевр ду дуткъа синош,
Д1анислур бу деган болх!

Хьо Йина Де ду т1едог1уш,
Со Вина Де даьлла чекх,
Х1ай, хьо х1унда 1а ладоьг1уш:
Кечде даа-мала-техх!

Уьду хьо, сийна Терк

Уьду хьо, сийна Терк,
Хьайн болар сихдина,
Шерачу аренца
Йистйоцчу д1а

Уьду хьо, сийна Терк,
Хьайн шераш дицдина,
Кьоначу заманахь
Лаьттанчу са

Хьаьгвелча, хьан шийла
Тулг1енаш мийлаза,
Хьан марзо йовзаза,
Велар-кха со!

Хьох ваьлча, кийрара
Дилхан дог Ювжаза,
Лийр вар-кха, валанза
Ца ваьлла, со!

Хаза йо1

Х1ай, хаза йо1, алахьа,
 Хьо мича д1аяхана?
 Х1ай, сан безам, дийцахьа,
 Хьо мичхьа д1абайна?

Диц ца ло, хьо даима
 Йийлина, г1адяхана,
 Исбаьхьачу дуьненан
 Хазаллин куц тайна!

Малхо, сирла кхетгачу,
 Кхуллуш са вайн латта чу,
 Ахь ховха ког левзинчу
 Бай т1е зезаг даьлла!

Беттан нур схьакхетта чу
 Шовдане, вай лаьттинчу,
 Вуссур ву со, хьаьвззина,
 Безам хьоь совбаьлла!

Хено корта кхаларах,
 Хьо мел гена яларах,
 Т1етт1а серлаюьйлу ц1е,
 Хьо евзича, летта!

Мехкарий совбаларах,
 Хьо хаза яц аларах,
 Кхочур ву со хьуна т1е,
 Хьо гергара хетта!

К1айн Маликаш

*Йоь1ан берашна
 лерина*

Мел ирча хир дара дахар,
 Шу доцчу дуьненахь дехаш,
 Ирс долуш, х1ай г1уоца дахарш,
 Х1умма а дац тхан шун меха!

Мел хаза кхоьллина Дала
 Б1аьрг, цкьоцкъам – шун х1ора меже –
 Д1аоьцуш даг т1ера бала,
 Дицдойтуш цкъа дала дезий.

Ца хьостуш шу, дог ца 1ело,
 Сов дезча, б1аьрг хир бу бахарх!
 Хастам бу Хьуна, тхан Дела,
 Сел ирсе дарна тхан дахар!

Ховхачу аганан меттахь
 Шу хаза дийшина 1охку,
 Малх санна, йовхо луш, кхетта,
 Бутт санна, къайленаш йохку!

Лаьтта т1ехь тхан дисна денош
 Ирсе дан даьхкина тхуна,
 Маьхьарца, мела хиш 1енош,
 Сирла нур даржийна гонах!

Мел ирча хир дара дахар,
 Малх кхеташ, бузуш ца хилча!
 Мел ирча хир дара дахар,
 Тхан йоь1ан бераш ца хилча!

Хаза бералла

Теркан рег1аца хьалаволу со,
 Теркан рег1аца охьавуссу со,
 Схьаго хаза сурт мехкан 1аламан-
 Ирсе кхиьна юьрт-дагна далало!

Серех юьйцина кергаш-асанаш,
 Детех буьйцина гезган машанаш,
 Токхе гуьйренан хаза туьйранаш,
 Дашо 1уьйренаш, дашо суьйренаш!

Нанас куьг хьоькхуш к1еда месех
 сан,
 Дадас, куьг лобцуш, вуьгуш басех
 чу...
 Нанна хьесталуш жимчу к1езанах,
 Дадас хьастахь, гуш б1аьсте эсала...

Жима бер санна, ахь со 1ехави...
 Жима бер санна, ахь со чехави...
 Хаза бералла, ц1ена бералла,
 Хьоьца лела со, хьоьца вега со!

Исраил Горский**Анатомия развода**

Повесть

Поезд «Адлер – Новокузнецк», медленно набирая скорость, двинулся на восток. Вместе со мной в купе было еще трое мужчин. Один из них был чуть моложе меня, а остальные двое – пожилыми людьми. Старикам мы уступили нижние места, а сами заняли две верхние полки. Вскоре мы познакомились. Молодого человека звали Ренатом. Старшие представились как Хасан и Сергей.

Хасан, пенсионер из Грозного, направлялся в Кемеровскую область к своим сыновьям, которые занимались там предпринимательством.

Сергей, житель Кисловодска, ехал в Новосибирск, к своей сестре. Она пригласила его на золотую свадьбу.

Ренат сказал, что едет в Челябинскую область, где его ждет семья. Этот человек имел татарское имя, хотя на татарина не был похож. После краткого знакомства Ренат залез на свою полку и заснул.

Старики, несмотря на свой почтенный возраст, выглядели неплохо и оказались людьми общительными и с чувством юмора. В дальней дороге хорошие попутчики – великое дело. Я понял, что мне повезло: оказался в компании порядочных людей. Не нужно бояться за свои деньги и вещи, выходя ненадолго из купе. Появилась проводница, приветливо предложила нам чай. Мы с Хасаном достали сладости, но Сергей отодвинул их на край стола и стал вынимать из пакетов жареную курицу, соленые огурцы и помидоры. Купе наполнилось ароматами. Несмотря на приглашение к столу, я отказался трапезничать со старшими и стал ждать, пока они покушают, готовый в любую минуту услужить им. Поев и выпив чай, старики вышли из купе, после чего я стал будить Рената, но он вежливо отказался от еды. Курица и огурцы оказались очень вкусными. Я выпил чай и убрал со стола остатки пищи. Когда Хасан и Сергей вернулись в купе, здесь уже был полный порядок. В дальнейшем мы с Хасаном покупали еду на больших станциях, стараясь не утруждать Сергея.

После обеда разговорились. Хасан ехал в гости к сыновьям, соскучившись по внукам, с которыми давно не виделся. Он был обеспокоен тем, что они плохо говорят по-чеченски и о нашей этике имеют очень смутное представление. Хасан показал нам объемистую сумку, наполненную книгами по истории и культуре вайнахов. Я удивился, увидев в сумке произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других классиков русской художественной литературы. Перехватив мой удивленный взгляд, Хасан, погладив свою лысую голову, сказал: «Прочитав книги этих авторов и выслушав мои комментарии к ним, мои внуки должны почувствовать интерес к своим корням. После этого мне будет гораздо легче разговаривать с ними. Я преподаватель истории и знаю, что делаю». Сергей, сидевший рядом и молча слушавший наш разговор, спросил: «А если твоим внукам будет, как говорится у молодежи, фиолетово все, что связано с чеченской культурой?» Хасан помрачнел: «Тогда будет, как говорите вы, русские, кирдык». Сергей очень удивил и рассмешил нас, когда начал говорить по-чеченски, коверкая слова и произношение. Довольный произведенным эффектом, Сергей заговорил по-русски: «Хасан, ты хочешь, чтобы твои внуки соответствовали своей нации. Это хорошо. А как быть с теми чеченцами, которые живут в Чечне и не соблюдают жизненные принципы вайнахов?» После краткого молчания Хасан произнес: «Ты задал мне сложный вопрос, и с ходу на него не ответишь. У нас был очень вкусный обед. Давайте немного отдохнем, а потом продолжим беседу».

Я залез на свою полку и удобно расположился, собираясь вздремнуть.

Мне всегда нравилось спать в поездах. Монотонный стук вагонных колес убаюкивает, как ребенка в детстве колыска. Не успел закрыть глаза, как раздался телефонный звонок. Звонила моя бывшая супруга Комета:

– Анзор, это ты? Где ты сейчас?

– В данное время я лежу на второй полке в вагоне поезда, который мчится в Сибирь.

– Что тебе там делать?

– Еду за запахом тайги.

– Ты способен иронизировать, а мне ужасно плохо...

– А кому сейчас хорошо?

– Не знаю, как справиться с болью от разлуки с тобой. Хоть волком вой от тоски, боли и одиночества.

– Не знаю, как насчет тоски, а вот одиночество тебе явно не грозит: сколько вокруг тебя умных, успешных людей?

– В данный момент они меня не интересуют. Я думаю только о тебе.

– Что имеем – не храним, потерявши – плачем...

– Точно. Это обо мне сказано. Ты, наверно, в курсе: вчера мне звонила мама из Ади-Юрта. Приходила Салтычиха и забрала Ибрашку. Мальчик плакал, не хотел уходить от бабушки. Твоя сестра такая жестокая!

– Зря ты так говоришь. Совдат поступила правильно. Рано или поздно это должно было случиться. Ибрашка – мой сын и должен жить в моем доме. В старину говорили: «Сколько бы бычок ни находился в чужом сарае, он должен вернуться в свой». Чем раньше, тем лучше. Никто не будет ему запрещать навещать свою бабушку.

– Моя мама так привыкла к нему. То, что сделала Салтычиха, большой удар для нее.

– У твоей мамы куча внуков в Москве. Может взять любого и воспитывать.

– Конечно, слава Аллаху, у моих братьев есть дети, но их мамы не хотят, чтобы они жили в Ади-Юрте. Сам понимаешь, почему.

– Ты же оставила нашего сына в Ади-Юрте у своих родителей. Нетрудно догадаться, почему.

– Я оставила его там до школьного возраста, а в школу Ибрашка пошел бы в Москве.

– Как он пойдет в московскую школу, если толком не знает русского языка? В школе он моментально стал бы изгоем. Дети – народ жестокий.

– Русский язык дается чеченцам очень легко. Через пару месяцев заговорил бы не хуже других.

– Может быть, но теперь уже ясно, что жить в Москве Ибрашка не будет, впрочем, как и я.

– Когда ты так говоришь, мне становится плохо. Со мной ты не пропал бы.

– Обстоятельства сложились так, что семья наша развалилась. Разбитый кувшин не склеить.

– Анзор, от твоих слов веет холодом. Когда-то ты клялся мне в вечной любви. Своим вниманием, лаской и нежностью ты разбудил во мне такие чувства, которых я не знала до этого всю жизнь. Теперь, когда я тебя так страстно люблю, ты хочешь обречь меня на вечные страдания. Это жестоко с твоей стороны.

Комета замолчала, но было слышно, как она плачет. Мне стало жаль ее. Хотелось как-то ее успокоить, хотя у самого на душе скребли кошки. Найти подходящие слова не получалось, поэтому начал говорить не связанные по смыслу фразы:

– Успокойся, я тоже страдаю. Но время лечит. Ты теперь получила полную свободу. Перед тобой новые горизонты, новые надежды...

– Замолчи, как ты можешь так говорить?! Неужели ты считаешь, что наступил конец нашим отношениям? Я схожу с ума!

– Комета, успокойся. У тебя истерика. Честно говоря, я не знаю, что ждет нас впереди.

– Анзор, вспомни, как хорошо нам было вместе. Нам завидовали все наши

друзья и знакомые. Считали идеальной парой. На всех вечеринках, где мы бывали вместе, женщины восхищались тобой. Мне было приятно. Я гордилась твоей силой, порядочностью, смекалкой. Мастер спорта по вольной борьбе, ученик знаменитого Дэги Багаева. Высшее образование. Умен и начитан. С тобой не стыдно было появиться на людях. Не зря моя мать выбрала тебя в качестве зятя. А теперь нас разлучили. Постаралась Салтычиха. Она причина всех наших бед.

– Я предлагаю спокойно разобраться в том, почему развалилась наша семья.

– Ну, скажи, почему, почему? Раз ты такой умный...

– Не кричи, я хорошо тебя слышу.

– Анзор, давай приезжай в Москву, тут и разберемся.

– Это исключено. Я еду в Когалым. Я ведь инженер-геофизик. Там работают мои друзья. Пригласили на работу.

– В Когалым ты всегда успеешь.

– Кажется, разобраться в том, что случилось, можно, даже если я буду в Когалыме.

– Я поняла, ты разговариваешь со мной, как с чужим человеком. Неужели твои чувства ко мне остыли? Это ужасно. Если у тебя нет тяги ко мне, нечего и разбираться. И так все ясно.

– Комета, если бы все было так, как ты говоришь, этого разговора бы не было. Я тоже очень соскучился по тебе, но встречаться нам нельзя. Таков обычай.

– Плевать я хотела на тот обычай, который не дает соединиться двум любящим сердцам.

– Комета, успокойся. Зря ты обвиняешь мою сестру в наших бедах.

– Она меня люто ненавидела с самого начала. Ее ненависть я кожей чувствовала. Она все-таки добилась своего – разлучила нас.

– По правде говоря, она не уважала тебя. Почему? Я тебе сто раз говорил, что она не воспринимает женщину, которая не справляется с домашними делами.

– Выходит, чтобы угодить ей, я должна была стать посудомойкой?

– Выходит.

– Это не для меня. Была б она хорошей, должна была знать, что я в состоянии нанять сто домработниц. Нет, она гнет свою линию. Ей хочется, чтобы я была кухаркой. Я вспоминаю ее недовольную морду, и мне становится плохо. Вот уж действительно золотка – змеиная головка. Ты тоже хорош: шел у нее на поводу. Никогда не спросил, не защищал меня.

– Я же не могу стать на сторону жены и ругаться со старшей сестрой. Ты забыла чеченские порядки. Москва испортила тебя. Между прочим, ты тоже не перечила старшим братьям.

– Я их побаивалась.

– Ты должна уважать их.

– Я их уважаю. Они много сделали для меня. Дали образование. Устроили на хорошую работу. Подарили особняк в Москве. Разве можно их сравнить с твоей полоумной сестрой?

– Твои братья – олигархи, известные на всю страну богачи. Совдат не такая богатая, но она никому ничего не должна. Она умная и порядочная, очень любит меня и родителей.

– Если она тебя любит, то почему она мешает нам жить вместе? Со мной у тебя все было хорошо. Как сыр в масле катался, а теперь едешь в Сибирь, чтобы заработать кусок хлеба. Разницу чувствуешь? По-моему, ты слетел с катушек.

– Поживем – увидим.

– Ты не ответил на мой вопрос. Я приобщила тебя к красивой жизни, ты ни в чем не нуждался. А Салтычиха отправляет тебя в Сибирь вшей кормить...

– Лучше бы ты приобщила меня к бизнесу. Может быть, все было бы по-другому. В Москве я маялся от безделья.

– Лиза тоже об этом говорит, здесь я дала маху. Думала, зачем тебя обременять проблемами, когда денег – куча.

- У тебя – да. А мой кошелек был пуст.
- Стоило тебе открыть рот, и ты получал любую сумму. Кроме того, в то светлое время нам казалось, что мы будем любить друг друга вечно. Святая наивность...
- Уж наивной ты не была никогда.
- Анзор, в этой жизни все рассчитать невозможно. Я готова взять на себя часть вины за то, что случилось. Мне казалось, что все должно идти само собой и так, как нужно мне.
- Это говорит о том, что ты эгоистка. Меня удивляло то, что ты не хотела наладить добрые отношения с Совдат.
- С золовкой мне неинтересно было общаться. Сразу было видно, насколько мы разные. А с тобой я нашла общий язык. Мы понимали друг друга с полуслова. Если бы не твоя сестрица, мы были бы вместе. Все было бы нормально. Ты не смог ее приструнить и потребовать, чтобы она не вторгалась в наше пространство. Она достала меня своими советами, упреками, нравоучениями. Как я ее ненавижу!
- Парадоксально, а Совдат всегда упрекала меня в том, что я не мог прижать к ногтю тебя. Слишком много свободы имела.
- Сколько мне муж давал, столько и имела.
- Можно подумать, что ты меня слушалась. На тебя больше влияла твоя подруга Лиза, чем я. Стоило ей поманить тебя пальцем, как ты бежала к ней, сломя голову.
- Анзор, ты Лизу не трогай. Пойми, это единственный человек на этой земле, который меня понимает и принимает.
- Два сапога – пара.
- Что ты имеешь против Лизы? Она успешная бизнесвумен. Образованная. Умная женщина.
- Как говорит Совдат, «образованная шалава».
- Салтычиха много чего говорит.
- Если бы ты больше общалась с Совдат, а не со своей Лизой, мы бы и сейчас были вместе.
- Анзор, когда ты произносишь имя своей сестры, у меня поднимается давление.
- Зря ты пропускала мимо ушей то, что она тебе говорила, она искренне желала нам добра. Тебе стоило к ней прислушаться.
- Она мне предлагала ужасные вещи...
- Совдат предлагала тебе не забывать обычаи. Ее раздражало твое поведение. Она считала тебя избалованной женщиной, красивой куклой. Даже имя тебе придумала – Барби.
- Все это мне известно. Мне кажется, что ей не нравилось то, что я богатая и независимая.
- Комета, ты не права. В начале нашей семейной жизни она очень радовалась за меня, говорила, что мне очень повезло. Всем было ясно, что ты очень богата. Кроме того, Совдат заметила то, что ты образованная и умная женщина. Она советовала мне, чтобы я хорошо относился к тебе. Это потом она начала звать тебя Барби.
- Когда потом?
- Когда стало ясно, что ты не хочешь жить в Ади-Юрте.
- Только поэтому?
- Нет. По ходу пьесы выяснилось также, что и в домашних делах ты просто ноль.
- Это значит, что вы с сестрой не раз прошлись по моим косточкам.
- Было дело.
- Представляю, сколько грязи она на меня вылила.
- Когда Совдат окончательно убедилась в том, что ты белоручка, она уже не воспринимала тебя всерьез. Сама понимаешь, в деревне таких не любят.

- Надеюсь, ты защищал меня?
- Конечно, я пытался объяснить ей, что в силу своего статуса у тебя нет необходимости тратить силы и время на домашнюю работу. Но это для нее было не аргументом.
- Ясно, Анзор. Сейчас у меня статус разведенки.
- Таких называют жеро.
- Но я не хочу быть жеро.
- Ежу понятно. Испокон веков вайнахи относились к таким женщинам очень несерьезно. Поговорок, анекдотов, пословиц по этому поводу очень много. Хочешь расскажу?
- Нет, не хочу. Эти нюансы меня не волнуют. Я не хочу быть жеро, а хочу быть именно твоей женой. Хочу видеть тебя. Анзор, мне трудно объяснить, как сильно я всей душой прикипела к тебе. Не могу представить кого-либо другого рядом с собой.
- Комета, сейчас мне тоже сложно представить рядом с собой другую женщину.
- Анзор, судя по твоим словам, ты не мучаешься, как я, от нашей разлуки. Меня как будто морально раздавили, преследует ощущение заброшенности и одиночества. С моей психикой что-то происходит. Я не могу взять себя в руки.
- Мне кажется, что все это временно. Душевный кризис не может длиться вечно.
- Анзор, расхожее мнение, что время лечит, ко мне лично не относится. Каждый день я страдаю больше, чем вчера.
- Комета, ты говоришь о каком-то одиночестве. У тебя столько знаменитых друзей, есть братья, родители, подруга Лиза, наконец.
- Я говорю о душевном одиночестве. Душа болит от разлуки с тобой.
- Мне тоже плохо, но я стараюсь не изводить себя черными мыслями.
- Ты мужчина. Тебе проще. С тех пор, как ты исчез с моего горизонта, я не могу успокоиться. Никак не могу отогнать тоску, вырваться из пропасти отчаяния.
- Не надо так сгущать краски. Жизнь продолжается.
- Моя жизнь остановилась. Я не знаю, как справиться с ситуацией.
- Я могу посоветовать тебе один способ. Возьми лист ватмана и напиши фломастером следующие фразы: «Я богатая», «Я блондинка с голубыми глазами», «Моя улыбка способна очаровать любого мужчину», «У меня отличная фигура», «Меня ждет длинная и счастливая жизнь». Читай эти фразы несколько раз в день, и ты выкарабкаешься из депрессии.
- Какой ты умный. Вчера известный московский психоаналитик советовал мне нечто подобное. Послушалась. Не помогло. Боль в душе слишком остра.
- Комета, такая боль сразу не проходит. Тебе нельзя на этом заикливаться, иначе слетишь с катушек. У тебя хорошие друзья, богатые родственники, надежная подруга. Больше общайся. У тебя куча денег, можешь путешествовать. Короче, возможностей разогнать тоску у тебя много.
- Мне было бы намного легче, если бы у меня была возможность хоть на несколько минут увидеть тебя.
- В Ади-Юрте были такие моменты, когда у меня возникало острое желание сломя голову ехать в Москву, чтобы встретиться с тобой. В такие минуты я брал в руки топор или лопату и напряженно работал. Знаешь... помогало. И тебе советую. Нельзя сидеть одной в плену мрачных мыслей. Почему я еду в Когалым? Помимо всего прочего, надеюсь разогнать тоску.
- Как тебе хорошо...
- А что делать? К прошлому пути нет. Жизнь продолжается.
- Ты бы так умно не рассуждал, если бы знал, какое место занимаешь в моем сердце. Впрочем, я чувствую, ты всеми силами хочешь отдалиться от меня. А у меня всегда одно простое желание – посидеть молча рядом с тобой, склонив голову на твое могучее плечо...

– Не знаю, что тебе еще сказать. Жаль, конечно, что все так получилось.
– Анзор, ты же умный мужчина, придумай что-нибудь. Не может быть, чтобы не было выхода из этой идиотской ситуации. Пока...
– Пока.

Я положил телефон под подушку, мысли о прошлом бередили душу. В памяти всплывали картины прошлого. Аминат, моя двоюродная сестра, упорно приглашала меня в гости, обещала познакомить с богатой и красивой девушкой. Такого рода приглашения я получал и от других родственников, желающих устроить мое счастье. Ничего странного в этом не было. К тому моменту мне исполнилось 30 лет. Обычно я отшучивался от этих предложений, говоря: «Была б шея, хомут найдется». В один прекрасный день на моем пути возникла Аминат и чуть ли не силой затащила меня в свой дом. В зале сидела девушка и пила чай. Когда я вошел, она встала и отошла от стола, будто давая возможность хорошо рассмотреть себя. А фигура у девушки была и вправду что надо. Когда мой взгляд скользнул вверх, у меня екнуло сердце. Передо мной стояла красавица с бездонными голубыми глазами, светлой кожей и белоснежной улыбкой. Когда наши взгляды встретились, она покраснела, и от этого стала еще прекраснее. Она слегка улыбнулась, обнажив ровный ряд белых зубов. Было такое ощущение, что девушка только что сошла со страниц какого-то модного глянцевого журнала.

Из ступора меня вывела сестра Аминат, которая затараторила: «Тебя что, током ударило? Что слоись, как истукан? Садись за стол, сейчас чайник принесу». Я сел, но девушка продолжала стоять. Села только, когда пришла Аминат. За чаем мы разговорились. Позже Комета призналась, что влюбилась в меня с первого взгляда: «Представляешь, входит высокий, атлетически сложенный смуглый мужчина. В глаза сразу бросилась твоя крепкая фигура. Затем я обратила внимание на симпатичное лицо, которое обрамляли темные волосы, аккуратно зачесанные на правую сторону. С первого раза было трудно определить цвет твоих глаз: то ли серые, то ли зеленые. А вот уши были сплюсненные, как у всех борцов. Обворожительная улыбка не сходила с твоего лица. Я поняла, что наша встреча не случайна, ты – подарок судьбы. Сердце забилось очень часто. Когда Аминат заявила: «По-моему, заискрило», мне лично нечего было ей возразить. Заметив огонь, сверкающий в твоих глазах, я поняла, что не зря пришла на эту встречу».

В тот день Комета быстрее, чем я, обуздала эмоции, и все время о чем-то говорила, я же делал вид, что внимательно ее слушаю, тогда как все мое внимание было обращено на ее незаурядные внешние данные. Допив свой чай, Комета, мило попрощавшись, покинула нас. Я набросился на Аминат с кучей вопросов. Аминат, не спеша, рассказала мне, что Комета – дочь известного на всю округу богача Мовсара Даутова. Про Мовсара я и сам кое-что знал. Являясь заведующим центральным складом местного совхоза, Мовсар без зазрения совести присваивал все, что плохо лежит. Он и директор совхоза Алаудин Аслаханов были истинными хозяевами совхоза. Львиную долю дохода совхоза они клали в свой карман. Никакой управы на них не было. Без особого труда откупались от любой комиссии и любых ревизоров. Рабочие совхоза, которых они грабили, говорили про Мовсара и Алаудина, что они в огне не горят и в воде не тонут. В 80-е годы прошлого столетия Мовсар отправил трех своих сыновей в Москву учиться в престижные вузы. Как раз в это время началась перестройка, и братья с помощью отца стали кооператорами, но учебу не забросили, стали учиться заочно и своевременно получили дипломы. Используя фальшивые авизо, смогли хапнуть миллионы рублей. Хитроумные и практичные братья не стали впустую транжирить бешеные деньги, а грамотно вложили их, создав свой бизнес. Их интересы были в сфере торговли, строительства и нефти. В лихие 90-е братья Даутовы стали богатыми и известными людьми. А по меркам Ади-Юрта, так и вовсе олигархами. В родном селе братья построили красивую мечеть, заасфальтировали центральную улицу, реконструировали водопровод. Комете было 15, когда братья забрали ее в Москву. Окончив школу, она поступила

на экономический факультет МГУ. Как раз в это время один из должников ее братьев отдал им за долги особняк в центре Москвы. По просьбе Кометы, ее брат Валид поселил ее в одно крыло дома, а вторую часть дома занял их двоюродный брат Ахмуд с женой Фатимой. Почти все время рядом с Кометой находилась ее домработница Рая, которая стирала, убирала и готовила еду. Комета была свободна от всех домашних дел. Кроме всего прочего, она должна была докладывать брату Валиду обо всем, что происходило в доме, Ахмуд с Фатимой тоже присматривали за Кометой. Так Валид установил над сестрой жесткий надзор, контролировался каждый ее шаг. В университете Комета подружилась с Лизой Ахмадовой. Лиза жила в семье своего брата Хамида, который работал на строительной фирме. В двухкомнатной квартире проживало 5 человек: брат с женой, двое их детей и сама Лиза. Лиза хотела уйти жить в общежитие университета, но брат запретил ей делать это: «В тесноте, да не в обиде», – шутил он. Когда отношения между девушками стали более близкими, Комета, с разрешения братьев, пригласила Лизу жить к себе. Лизе несказанно повезло, ведь теперь отпала необходимость тратиться на еду и жилье. Более того, подруга частенько покупала ей одежду и аксессуары. «Я в шоколаде», – признавалась Лиза Комете. «Мне комфортно жить с тобой», – отвечала ей подруга. Девушки вместе учились и отдыхали. Особенно им нравилось бывать на вечеринках у Валида. Валид любил устраивать в последнюю субботу месяца синкьерам. В своем загородном доме он собирал предпринимателей, артистов, поэтов, писателей. Отведав вкусную еду, приготовленную по рецептам вайнахской кухни, хозяева и гости шли в зал, где поэты и писатели знакомили присутствующих со своим творчеством. После этого звуки лезгинки не утихали до глубокой ночи. Во время приятного времяпровождения серьезные люди вели деловые разговоры, договариваясь о чем-то, а молодые люди имели возможность наладить романтические отношения. В этой обстановке Лиза имела вполне конкретную цель – заарканить какого-нибудь богатого мужика и остаться жить в Москве. Проходило время, но осуществить свою мечту Лизе все не удавалось, хотя мужчины замечали ее ум и красоту. Комета постоянно ей твердила: «Лиза, ты очень привлекательная, золотая девушка», намекая на рыжий цвет ее волос. Лиза не сразу обратила внимание, что возле нее все чаще стал появляться Бубон. Это был сын известного предпринимателя Айнди Мухаева – Харон. Айнди не жалел сил и средств, чтобы сын получил достойное образование. Сначала Харон учился в Москве, а потом отец отправил его в Англию. Получив диплом, Харон устроился менеджером в известную фирму. На работе он только числился. Вел разгульный образ жизни. Вместе с такими же балбесами пил, гулял. Айнди решил женить сына, надеясь, что после этого он остепенится. Девушки, которые знали Харона, не желали с ним общаться, одна из них дала ему прозвище – Бубон. Оно прочно прилипло к парню, и все друзья и знакомые называли его только так. Бубон начал оказывать знаки внимания Лизе, сыпал комплиментами, дарил цветы и конфеты, выпытывал номер телефона.

Когда Лиза познакомилась с Бубоном на вечеринке у Валида, она обратила внимание на необычный вид молодого человека. На затылке продолговатого лысого черепа росли длинные волосы, которые Бубон стягивал в хвост. Орлиный нос на выпуклом бледном лице, покрытом щетиной, выдавал в нем кавказца. Кавказец с хвостом – со стороны это смотрелось очень смешно. Но все привыкли к его виду и перестали обращать на него внимание. Худощавый, невысокого роста, Бубон на вечеринках все время приглашал в круг пышную красавицу Лизу, рядом с которой он смотрелся еще бледнее. Бубона мало интересовали такие мелочи: он не сводил глаз с Лизы. Вскоре все убедились, что он окончательно и бесповоротно влюбился в рыжеволосую прелестницу. Лиза не была в восторге от этого, в глубине души ей хотелось не только богатого, но и красивого ухажера. Когда она перешла на пятый курс университета и ее учеба приближалась к финалу, ей стало страшно, что вскоре придется покинуть Москву, которая соблазняла не только яркими огнями, но и большими деньгами,

которые крутились в ней. В процессе учебы Лиза хорошо уяснила для себя истину, что «деньги – это отчеканенная свобода». Без денег жизнь становится тусклой и неинтересной. По мнению Лизы, только деньги дают человеку возможность быть хозяином своей жизни, а все остальное можно купить. Дом, одежда, еда, должности – все продается и покупается, нужно только иметь деньги. Имея такие взгляды на жизнь, Лиза долго не соглашалась стать женой Бубона, надеясь, что ей повстречается более богатый и красивый. На шестом курсе эти надежды развеялись, как утренний туман. Комета советовала Лизе: «Ты такая статная и красивая, а он по сравнению с тобой просто урод. Может, не стоит торопиться, подождешь, пока не встретится более подходящий вариант». Лиза цинично возражала: «Отступать некуда, за нами Москва! Мои родители живут сейчас на задрипанном хуторе в Ставропольском крае. Там нет газа и воды, одна бесконечная степь. Представляешь перспективу? Бубон, конечно, хлюпик, но его отец богат и влиятелен. Надеюсь, он не оставит единственного сына без куска хлеба». Комета была вынуждена согласиться с логичными доводами подруги. Осенью Лиза стала женой Бубона. Потом она получила диплом, уже имея шикарную квартиру в районе станции метро «Кузьминка». Мечта Лизы стать москвичкой осуществилась. После того, как Лиза вышла замуж, Комета загорелась желанием сделать то же самое. За ней долго и красиво ухаживал молодой человек по имени Юсуп, сын Мусаева Шарпуди, преуспевающего бизнесмена. Юсуп тоже получил хорошее образование в Европе, модно одевался, производил впечатление воспитанного человека. Чем занимается Юсуп, толком никто не знал. Многие видели его в ресторанах, казино и ночных клубах. Получив диплом, Комета надеялась, что Юсуп сделает ей предложение, но конфетно-букетный период затянулся почти на два года. А потом грянул гром – выяснилось, что Юсуп – игроман и наркоман. Естественно, что после этого он моментально получил отставку. Семья Даутовых была в шоке: ведь еще немного, и Комета могла совершить ужасную ошибку. Больше всех страдала Мата, мать Кометы. Мата и раньше была не очень высокого мнения о московских чеченцах. «Все они алкоголики», – говорила она. Мата считала всех, употребляющих спиртные напитки, неполноценными людьми, хотя знала, что муж и сыновья иногда выпивают. В Ади-Юрте молодежь тоже прикладывалась к бутылке, но большинство молодых людей имело стойкий иммунитет к «огненной воде». Встревоженная Мата немедленно вызвала Комету в Ади-Юрт и поставила условие, что Комета не уедет в Москву, пока не выйдет замуж за местного парня, неиспорченного цивилизацией. В поле зрения Маты попал я как перспективный жених из хорошей семьи. Мой отец был арендатором. На площади в сто гектаров он выращивал пшеницу и ячмень. Асет, моя мать, была настоящей цийн нана – хозяйкой дома – и хранительницей очага. Весь дом держался на ее плечах. Она успевала содержать дом в идеальном порядке: все у нее сияло чистотой. Мама умудрялась поддерживать в порядке сад, огород, а также ухаживать за скотом. Меньше, чем 10 голов крупного рогатого скота, у нее никогда не было, кроме того, держала кур и уток. Асет часто повторяла, что достаток в доме напрямую связан со скотом. На ее взгляд, все блага, добытые вне связи со скотом, были непостоянными и ненастоящими. Отец мой, Увайс, был полностью согласен со своей женой, и поэтому львиную долю урожая, собранного со своего поля, он скармливал своим животным. Я всячески помогал родителям, так как моя профессия инженера-геофизика в республике востребована не была. У нас был добротный дом из красного кирпича и большой огород, на котором горбатилась мама. Она рано вставала и поздно ложилась, и было непонятно, когда она отдыхает. То она в огороде, то в сарае. Помидоры, огурцы, лук, чеснок, картофель и капуста – все это у нас было свое, непокупное. «Зачем обогащать спекулянтов, когда можно самим все вырастить?» – говорила мать. Вкус ее помидоров и огурцов я не забуду никогда, морковь вырастала сладкая, как осенняя груша, капуста белоснежной, а картошка рассыпчатой. Никакой химии, из удобрений – только навоз. Какой-то агроном подсказал матери, что

для овощей это самое лучшее удобрение, а уж этого «добра» у нее всегда было в избытке. Окучивать картошку и травить жука ей помогали мы с сестрой, с этими видами работ она в одиночку не справлялась. Почти вся еда на столе у нас была собственного производства. Сметана, молоко, творог, масло – все свое. Две-три недели в доме могло не быть денег, никто этого особо не ощущал, так как, кроме одежды, мы практически ничего не покупали. У нас царило натуральное хозяйство в чистом виде. По утрам отец заводил свой трактор «Беларусь» и уезжал на поле. С каждым годом урожайность зерна падала. О севообороте не было и речи, удобрения были дорогими, отцу они были не по карману, поэтому земля постепенно истощалась. «Мое поле напоминает мне старую корову», – с грустью говорил отец.

Моя сестра Совдат была преподавателем русского языка и литературы. В ходе войны без вести пропал ее муж, тоже преподаватель, она осталась одна с малолетним сыном на руках. Как только в школе перестали платить зарплату, Совдат решила заняться торговлей. Иного способа выжить у нее не было. Сидеть на шее у родителей ей не позволял характер. Совдат взяла в аренду небольшой дом в центре Ади-Юрта, бывший раньше Домом быта. Раньше здесь были парикмахерская, сапожная мастерская и ателье. После войны эти ремесла угасли, и помещение пришло в упадок. Совдат привела его в порядок и открыла торговлю продуктами питания. Бизнес оказался удачным. Правда, ей приходилось таскать тяжелые сумки и мешки. Женщина крепкого телосложения, Совдат поначалу справлялась с работой, но потом решила взять себе помощницу. «Бизнесвумен», – ласково называл я сестру, которая была на три года старше меня. Мы с сестрой были очень дружны. Она все время опекала меня. Мы знали все о наших привычках и вкусах, с полуслова понимали друг друга. Когда у Совдат появились деньги, она затеяла строительство собственного дома. Фундамент залили, собрав на «белхи» родственников и соседей. Учитывая финансовое положение Совдат, дом решили построить из самана, а затем облицевать красным кирпичом. «Зимой будет тепло, а летом холодно», – советовал отец. В течение трех лет «белхи» устраивали несколько раз, когда делали саманы и поднимали стены. А вот на облицовку Совдат пришлось раскошелиться: такую работу могли выполнить только специалисты. Теперь Совдат собрала деньги на покупку стройматериала для крыши. «Москва не сразу строилась», – шутил отец. В семье все хорошо понимали: у Совдат подрастает сын, и ему нужно будет отдельное жилье. Да и сама сестра понимала, что вечно жить под крышей родительского дома у нее не получится. Хотя никто не стал бы ее выгонять. Наши родители стремились сделать все, что в их силах для своих детей. Судя по всему, родители создали семью по большой любви. С годами их чувства не угасали, а переросли в нежную привязанность и уважение друг к другу. Увайс и Асет понимали друг друга с полуслова. «Крыша в сарае прохудилась», – могла сказать мать как бы между прочим. Отец брал меня с собой и шел ремонтировать крышу.

Все, что нужно было делать по хозяйству, мы с отцом делали вместе. У отца не было привычки читать нотации, поучать. Он просто говорил: «Бери инструмент, пошли». Поэтому все, что мог делать он, умел и я. Отец никогда не повышал голос на домочадцев. Ему не нужно было дважды просить нас сделать что-то. Мать приучила нас уважать отца. Вообще, именно благодаря матери, в нашей семье была нормальная атмосфера. Добрые отношения между родителями, очевидно, способствовали тому, что мы, их дети, росли трудолюбивыми, честными, вежливыми и спокойными. Было с кого брать пример. Мать с отцом никого не обманывали, были верны своему слову, а мы с сестрой старались им во всем подражать. Наши родители были глубоко религиозными людьми, четко выполняли все предписания ислама, особенно старались вовремя совершать намаз. По пятницам мы с отцом садились в старенькую «Волгу» и отправлялись в мечеть на молитву. Атмосфера взаимоуважения и доверия царила не только в нашей семье, она была естественной для многих семей в Ади-Юрте. Поэтому для меня до сих пор остается загадкой, почему же моя будущая, тогда еще, теща

остановила свой выбор на мне. Комета рассказывала, что я нравился Мате, и она долго ко мне присматривалась. Мата ввела в курс дела своего мужа Мовсара. У Мовсара были другие кандидатуры, но, в конце концов, жена убедила его, что нужно начать с меня, а там – как получится. Мовсар, поразмыслив, сказал: «Хорошо, я не возражаю. Адуевы – порядочные люди, с ними можно породниться». Мата связалась с Аминат, обещала ей бриллиантовое кольцо, если она доведет дело до свадьбы. Аминат не пришлось долго уговаривать. Вызвав Комету в Ади-Юрт, Мата начала «мозговую атаку» на дочь. Комета скептически отнеслась к затее матери: «В Москве столько видных парней, а ты хочешь впарить мне сельского мужика». Мата отпарировала: «Знаем мы эту шолупень. Кого ни возьми, любой имеет какой-нибудь изъян. Если не выпивоха, то наркоман или бабник. В Москве много соблазнов, неудивительно, что наши люди там быстро портятся. Нормально поговорить не с кем. Другое дело Анзор Адуев. Высокий, симпатичный, воспитанный. Он очень уважает своих родителей, любит свою сестру Совдат. По специальности инженер-геофизик, окончил нефтяной институт. Правда, сейчас не имеет возможности работать по специальности. Помогает отцу выращивать пшеницу и ячмень. Увайс, отец Анзора, арендатор. Что мне особенно нравится в Анзоре, так это то, что он умеет краснеть. В общении со старшими его смуглое лицо часто становится багровым. Это значит, что у него чистая душа. Поверь мне, я достаточно хорошо знаю людей. Анзор – именно тот человек, который нужен тебе. Будь я на твоём месте, я бы его моментально захомутала». Мата использовала все свое красноречие, чтобы убедить дочь в своей правоте. Особенный упор Мата делала на то, что я не пью и не курю. Зная, что мать не отстанет, Комета согласилась на свидание со мной. Когда она вернулась от Аминат, Мата без слов поняла, что я произвел на дочь должное впечатление. Она была рада.

В глубине души Мата надеялась, что я смогу скрутить дочь в бараний рог и сделаю из нее нормальную цийн нана, хозяйку семейного очага.

У нее сердце кровью обливалась, видя, как московская жизнь изменила дочь. В молодости Мата позволяла себе многое: любила петь, активно участвовала в художественной самодеятельности, ее даже приняли в республиканский ансамбль танца и песни, но, выйдя замуж, быстро поняла, что с артистической карьерой придется распрощаться. Мовсар в жесткой форме объяснил Мате, что песни и пляски – не самое главное в жизни. Мата покорилась. Исходя из своего опыта, Мата надеялась, что нечто подобное случится с ее дочерью. Наши отношения набирали обороты. Вскоре весь Ади-Юрт знал, что я встречаюсь с Кометой. Мои родители были рады, что я, наконец, решил жениться. Только Совдат весьма настороженно восприняла весть о том, что у меня богатая невеста: «Часто очень красивое яблоко снаружи оказывается гнилым изнутри. Недаром наши предки утверждали, что невесту надо искать днем с фонарем». По обстановке Совдат поняла, что не сможет помешать нашим отношениям. Чуть позже Комета рассказала мне о телефонном разговоре с Лизой, своей лучшей подругой.

– Лиза, привет, неожиданно-негаданно я встретила в этой глуши своего смуглого кареглазого принца. Зовут его Анзор. У меня никогда не было такой вспышки, такого драйва. Замирает сердце, когда его взгляд, обращенный в мою сторону, начинает скользить сверху вниз, а затем снизу вверх. Смотрит на меня, как в картинной галерее смотрят на шедевры искусства. Так начнет пляться, готова в эти минуты сквозь землю провалиться.

– Комета, я всегда говорила, что ты – шедевр. У тебя есть все, чтобы свести с ума любого. Густые белокурые волосы, голубые глаза, щечки – кровь с молоком, правильные черты лица, красивый бюст, округлые бедра, стройные ножки. Сколько раз я замечала, как на улице мужики смотрели на тебя, как замороженные. Так что ничего удивительного нет в том, что у Анзора отвисла челюсть, когда увидел тебя.

– У моей матери оказался хороший вкус. Парень что надо. Лечу на свидание с ним, как на крыльях. Когда мы встречаемся взглядами, в моей груди начинается

цунами. Я, как могу, стараюсь держать себя в руках, пытаюсь гасить приливы страсти, но получается это плохо, впрочем, как и у него. Вижу это по его пылающим глазам и бессвязной речи. По ночам постоянно снится. Это какое-то сумасшествие. А как радуется моя мама, видя мое состояние.

– Комета, поздравляю, ты по уши влюбилась в Анзора. Из твоих слов я поняла, что это качественный самец.

– Высокий рост, спортивное телосложение, брутальный. Он сразу обаял меня. Если он сделает предложение, сразу дам положительный ответ. Я дождалась своего счастья. Теперь надо думать, как его вырвать из этой глухомани.

– О чем ты говоришь? Ты только привези его сюда. Мы его вмиг обработаем. Отмоем, оденем, через месяц будет москвичом. Если у него нет проблем с мозгами, то красивая жизнь понравится ему. Здесь, в Москве, очень много таких, которые вначале правильно по-русски не могли говорить, а теперь их не отличишь от коренных москвичей. Тащи быстрее его сюда, а все остальное – дело техники. Главное то, что ты произвела на него впечатление.

– Лиза, впечатление – не то слово, я на клеточном уровне ощущаю его восхищенные взгляды.

– Еще бы, у тебя такая незаурядная внешность. Надеюсь, что ты одеваешься в облегающие вещи. Это действует на психику мужчин.

– Да, я все делаю, как ты советуешь.

– Поэтому Анзор не сводит с тебя глаза. Привлекательная внешность и облегающая одежда – это оружие массового поражения.

Впоследствии, когда Комета рассказывала мне об этом разговоре, мы от души смеялись. Я вяло заметил, что любая одежда украшает Комету. Она иронично произнесла: «Подлецу все к лицу». Прошло немного времени, и Аминат начала давить на меня, требуя, чтобы я побыстрее сделал предложение. О том, что мы равнодушны друг к другу, было видно невооруженным глазом. Вскоре Комета стала моей женой.

Монотонный стук колес не мешал мне вспоминать приятные моменты в жизни. За окном мелькали разноцветные поля, лесные полосы, перелески. Вдали виднелись одинокие деревья, одетые в зеленый наряд. Было такое впечатление, что эти деревья ушли от общей массы и живут отдельно своей жизнью. «Нормальный человек так не может», – подумал я.

Во всяком случае, я уж точно не смог бы, настолько был привязан к своим родным и близким.

Хасан и Сергей задремали, удобно расположившись на своих полках. Мужчина, который занимал противоположную от меня полку, спустился на пол и вышел из купе. Мне он не понравился. У него был отталкивающий угрюмый вид. Двухнедельная щетина, зеленые злые глаза делали его похожим на зка. Обычно такие люди не могут нормально вести себя с окружающими. Проведя много лет за колючей проволокой, им трудно бывает адаптироваться в обычной жизни. В Ади-Юрте я изредка встречался с такими типами, которые вели себя неадекватно. Где-то через час незнакомец вернулся и забрался на свою полку. Вслед за ним в купе вошел мужчина и, обращаясь к нашему спутнику, растерянно тарбарил: «Руслан, ты почему от меня убегаешь? Я тебя узнал, ты Руслан Мигаев из Шали. Мы с тобой вместе в школе учились. Я Сूपьян Ажаев. Неужели не признал?»

Незнакомец отвернулся от него, как от назойливой мухи: «Я вас не знаю, оставьте меня в покое»

Вошедший остолбенел, постоял немного и, убедившись в том, что с ним не хотят разговаривать, ушел.

Первым пришел в себя в этой ситуации Хасан, который скомандовал:

– А ну-ка спустись вниз. Как тебя зовут?

– Ренат, – смиренно ответил незнакомец, присаживаясь рядом с Сергеем. – Я татарин, еду в Челябинскую область, там живу.

– Ты такой же татарин, как я китаец. У тебя кавказский тип лица и чеченский

акцент. Я своих узнаю за километр. Не ври. Говори, кто ты и откуда родом, – решительно потребовал Хасан.

Ренат начал бормотать:

– Да, я Руслан Мигаев, родом из Шали. Рос и жил в Грозном. По воле судьбы оказался в Челябинской области. Там я изменил свое имя и фамилию и живу среди татар. Чувствую себя вполне комфортно. Есть семья, дети. Выучил татарский язык. В общем, живу и не тужу.

– Выходит, ты решил оторваться от своих корней? – сурово проговорил Хасан.

– Я ничего не решил, жизнь так решила, – тихо ответил Ренат, давая понять, что не желает продолжать разговор.

Хасан, уже обращаясь ко всем нам, заговорил:

– Перед вами заблудшая овца. Он заблудился в трех соснах, потому что у него нет нравственного стержня. Почему нет? Очевидно, что семья, род, соседи не имели возможности на него влиять. Разумеется, что и от самого человека многое зависит, ведь человек – разумное существо и понимает, что в жизни есть две дороги: дорога к добродетели и дорога к пороку. Первая дорога очень трудная, так как требуется соблюдать правила человеческого общежития, второй путь легкий, так как человек в этом случае похож на щепку, которая плывет по течению реки. Разве человек, выбравший второй путь, не понимает, что воровать, грабить, убивать – это плохо, грех? Разве бюрократ, разворовывая бюджетные деньги, не понимает, что он, покупая виллы и яхты за границей, обрекает своих сограждан на нищету? Что такое бюджет государства? Это общий карман всех людей, проживающих в этой стране. Если один, имея доступ к общественным деньгам, безнаказанно набивает ими свои карманы, то всем остальным людям приходится туго. Примеров этому великое множество, стоит только обратиться к СМИ. Там описывают и показывают такие ужасы, что волосы дыбом встают. Зачем далеко ходить, вот перед нами сидит человек, который сделал выбор между добродетелью и пороком. Он выбрал дорогу к пороку, раз не хочет жить на родине предков, изменил имя и фамилию. Может быть, ты сам расскажешь нам о своей жизни? Тогда многое прояснится. Может быть, я не прав в своих оценках?

Хасан постоянно вытирал платком лоб и раскрасневшееся лицо. Чувствовалось, что он не на шутку разволновался. У меня было желание вклеить хорошую пощечину отщепенцу, но при старших нельзя было давать волю рукам. Я молча наблюдал за диалогом Хасана и Рената. Ренат поднял скошенные наружу зеленые глаза и, не торопясь, начал исповедоваться: «У меня не совсем обычная биография. С самого начала моя жизнь пошла наперекосяк. Отец бросил мою мать, когда я был еще грудным ребенком. Так что отцовской ласки я был лишен на всю жизнь. Не буду говорить о том, как я завидовал мальчикам, у которых отцы были рядом, готовые в любую минуту помочь, защитить. Этого удовольствия у меня не было. Мать забрала меня и вернулась в свою семью. Образования и профессии у нее не было, так как убежала замуж, не окончив десятилетку. Родители и двое ее братьев были обижены на нее за это. Тем не менее отец купил ей небольшой домик в Октябрьском районе, недалеко от площади Минутка. Мать пошла работать техничкой в больницу. Денег в доме постоянно не хватало, поэтому после восьми классов я пошел работать на химзавод. Был разнорабочим. Зарабатывал не очень много, но жить стало веселей. Улучшилось питание, появилась более-менее приличная одежда. Казалось, что жизнь наладилась, но начались события в Грозном. В ходе первой войны мы с матерью остались в городе. Было холодно и голодно. Мать заболела и умерла. У нее было плохое здоровье, а холод и голод докончили ее. На этом мои беды не закончились. Где-то через месяц после похорон ко мне во двор явились дядя и его двое сыновей. Дядя Асхад сообщил мне, что старший сын Ширвани скоро женится и ему нужно отдельное жилье. А так как дом, в котором я живу, их собственность, попросил меня в течение месяца освободить жилплощадь. После этого они ушли. Через месяц вернулись. Я,

конечно, искал себе жилье, но где найдешь квартиру в разбитом городе?! Когда я сказал об этом дяде Асхабу, то он закатил истерику, а его младший сын Гилани схватил жердь и начал меня колотить. Ширвани в это время собрал мои манатки и выбросил их за ворота. Так я стал бомжем. Какое-то время жил у соседей, а затем перебрался в ПВР. Нашел отца, который проживал в станице Шелковской. Жил он в хибаре. Жить с ним не было никакой возможности, так как в двух маленьких комнатках ютилось пять человек. Он, жена и трое детей. Я сразу понял, что нечего ждать помощи от бедствующего отца. По идее, я ему должен был помочь. А как сможешь, если перебиваешься случайными заработками? Я стал завсегдаем на бирже у Дома моды. После второй войны работал в бригаде строителей. Восстановливали город. Полгода не платили зарплату, а когда вопрос стал ребром, наш прораб Юсуп бесследно исчез, а новый прораб заявил, что не будет отвечать по обязательствам Юсупа. Наша бригада распалась. Мне ничего не оставалось кроме как уехать к отцу, чтобы не умереть с голоду. Отец продал своего бычка, дал мне денег и отправил в Челябинскую область, в село, где проживали одни татары. В это село отец ездил на шабашку. Знал директора совхоза Рамиля Ахметганиева. Рамиль встретил меня, нашел жилье, устроил в стройбригаду разнорабочим. Через год женился на Динаре Валиевой. Все было хорошо, но часто наведывались менты, задавали вопросы. Пришлось взять фамилию жены, изменить имя. После этого проблем не стало. Сейчас у меня все в порядке, накопил денег, чтобы вернуть долг отцу. Еду сейчас из станицы Шелковской домой. Там меня ждет жена, двое детей и мои новые родственники, среди которых я чувствую себя хорошо. От родных столько натерпелся, что сыт по горло. Больше моей ноги не будет в Чечне. Все, баста».

Мы были в шоке от этих слов. Первым из ступора вышел Хасан, который упрекнул Рената: «Зря ты так говоришь. Ты плохо знаешь чеченцев. Впрочем, что на тебя обижаться, если даже великий Махмуд Эсамбаев однажды в порыве гнева произнес: «Мне стыдно быть чеченцем». Но кто-то из мудрых чеченцев его поправил: «Махмуд, мне не стыдно быть чеченцем, мне стыдно, что среди чеченцев есть такие, которые позорят нас». В последние годы на чеченцев обрушилось столько бед, что многие слабые духом люди бежали из республики. Я не хочу их осуждать. В поисках куска хлеба они разбрелись по всему свету. Народ в этом не виноват. Виноваты те, кто обрек людей на это. Ты не прав, Ренат, когда считаешь, что простые люди виноваты, что у тебя сложились тяжелые жизненные обстоятельства».

Я следил за тем, как реагирует Ренат на слова Хасана. Он напоминал мне загнанного в угол зверька. Багровое лицо, взлохмаченные волосы, злые глаза, дрожащие губы – весь его облик говорил о том, что ему не нравились слова Хасана.

«Тебе легко рассуждать, – вновь затараторил Ренат. – А ведь мне было плохо не один день и даже не один год. Все мои неприятности закончились, когда я оказался среди хороших людей. Я освоил их язык, знаю традиции. У меня семья, крыша над головой, работа. Мне хорошо, я доволен».

В разговор вступил Сергей: «Ренат, разве чтобы иметь эти обычные блага, есть необходимость отречься от своего народа?»

«Так не надо ставить вопрос, – сильно волнуясь, произнес Ренат и продолжил. – Я уехал от злых языков и плохих людей. Может быть, там есть и приличные люди, но мне они не встречались. Говорю братьям: «Дайте пожить, пока не найду жилье». А они не хотят меня слушать. Хрясть по башке раз, другой. Я вам не рассказал о том, что, живя в ПВР, познакомился с Лейлой, которая жила недалеко от ПВР. Начали встречаться. Однажды вечером встает на моем пути амбал, здоровый такой, с бородой. Оказался брат Лейлы. Говорит мне: «Ты, ублюдок из паршивого тайпа, попробуй близко подойди к моей сестре. Размажу по стене. Мало того, что паршивец, вдобавок беден, как амбарная крыса. Хочешь обречь мою сестру на нищету?» Был бы я богат, разве бы со мной так обращались? Нет, конечно. Я несколько не жалею, что уехал от

людей, которые оценивают человека не по его личным качествам, а по тугости кошелька. Чеченцы любят рассуждать о милосердии, о справедливости, хотя для многих эти понятия ничего не значат. В нашем коллективе, если ты честный и трудолюбивый человек, то с тобой считаются, уважают, а если пьяница и бездельник, то руку никто не подает. Там живут простые и открытые люди».

Я был уверен в том, что, умудренный жизненным опытом, Хасан как следует даст отпор отщепенцу, который лил грязь на свой народ, но старик сохранял хладнокровие и спокойным тоном спросил: «Выходит, что ты сделал осознанно свой выбор?» Ренат кивнул головой. «А вот это зря, ты поторопился, – осуждающе заговорил Хасан. – Я ничего не имею против тех людей, среди которых ты нашел свое счастье, но я уверен, что решение ты принял сгоряча. Все дело в том, что в человеческой жизни много негатива. А вот чеченцев ты знаешь плохо. Совершенно не имеешь понятия о гиллаках. А ведь это стержень нашей жизни. Иначе ты так не говорил бы. Критиковать очень легко, а что ты сам сделал, чтобы жизнь в Чечне стала краше? Ничего. Многие из тех, кто покидает республику, когда возвращаются, утверждают: «Как хорошо в Англии!», «Прекрасна Франция!», «Замечательно в Турции!» и так далее».

«Я не знаю, почему уезжают другие, наверное, у каждого свои причины, – сказал Ренат, – о своих личных проблемах я уже говорил. Не хочу повторяться. Безысходность была полной. Но мои беды закончились на Урале. Повезло с женой. Динара оказалась на редкость домовитой, настоящей дружинницей. Работает зоотехником в госхозе. У нас две коровы, 20 овец, держим кур. Недавно тесть подарил мне новую «Приору». Значит, уважает. Думаю, что не за красивые глаза. Мне комфортно на Урале. Я убедился, что только настоящая семья способна защитить тебя от многих невзгод и является оплотом добра».

Я с вытаращенными глазами наблюдал за диалогом Рената и Хасана. Хасан скосил глаза в сторону Сергея и хладнокровно выдал: «Злые языки сказали бы, что ты вышел замуж. Это для чеченца позор. Правда, есть и такие, которые сказали бы, что рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Тебе всегда с трудом достается кусок хлеба. А когда по Чечне прошелся огненный каток войны, то жизнь многих превратилась в ад. Война есть война. Это кровь, грязь, холод, голод. Эти нечеловеческие трудности сплывали людей, без взаимовыручки и взаимопонимания многие просто не выжили бы. Из-за неприязненных отношений с родственниками ты выживал один. Понять тебя могу, но оправдать нет».

Я был удивлен, когда Хасан позволил себе хоть в чем-то согласиться с отщепенцем. Было омерзительно смотреть на этого плюгавого человека, который не считал зазорным покинуть Родину и лить грязь на родных и близких. Может быть, в чем-то он прав, но зачем говорить об этом во всеуслышание. Я впервые видел такого чеченца, и возмущению моему не было предела. Еле-еле сдерживал себя, чтобы не напасть на мерзавца. Ренат обратил внимание на мой агрессивный вид и решил выйти из купе в коридор.

– Хасан, ты меня удивляешь, – сказал я, стараясь подавить свои эмоции. – Вместо того, чтобы вlepить ему оплеуху, ты чуть ли не поддержал негодяя.

Хасан вытянул вперед ладонь правой руки и обратился ко мне:

– А тебя не удивляет, что таких, как Ренат, среди нас как нерезанных собак? Осудить, поругать, побить можно, но понять и помочь человеку стать на праведный путь значительно труднее. Этот человек практически не знал материнской любви, отцовской ласки, внимания и заботы однотайповцев. Его мать днем и ночью работала, чтобы как-то накормить, обути, одеть сына, ей некогда было читать ему сказки и петь песни. Заботясь о его физическом здоровье, она просто не в состоянии была заложить в его душу почтение к отцу, уважение к тайпу, тем более, что отец, по существу, бросил их. Он рос в городе, где много соблазнов.

– Кстати, – продолжил мысль Хасана Сергей, – в те годы я заметил, что городские чеченцы отличаются от сельских. После работы многие развлекались

в ресторанах, ходили в кафе, шли в пивнушки, которые были на каждом углу. Отказаться от компании было трудно. Ренат работал на химзаводе. Были друзья, была веселая жизнь. Я помню это время. Ясно, что воспитанием этого парня никто не занимался.

Хасан утвердительно покачал головой: «Дело в том, что в селе сама атмосфера такова, что человек самым простым и естественным способом усваивает нормы морали. Среда воспитывает. Многочисленные дяди, тети, двоюродные, троюродные братья и сестры поправляют тебя, подсказывают, советуют, как вести себя в той или иной ситуации, а если надо, поругают, если твои поступки не соответствуют общепринятым правилам поведения. Как говорится, встают мозги. Общественный контроль не дает человеку свалиться на бок. Так испокон веков формировался внутренний стержень вайнаха. Этот внутренний стержень и есть г'иллакх, т.е. кодекс поведения вайнаха. У Рената, судя по всему, проблемы с г'иллакхом. Безусловно, в жилах этих людей течет чеченская кровь, но они по своей сути маргиналы. Ни то, ни се».

Хасан продолжал говорить, но мой мозг сверлила мысль: «А чем, собственно, Комета отличается от Рената?» Комета не хотела жить в Ади-Юрте. Люди, природа, традиции – все ей было чуждо. Ей больше нравилось проводить время на Лазурном берегу, чем в кругу семьи в Ади-Юрте. Мать, отец, родственники, проживающие в родном селе, ее абсолютно не интересовали. Их мысли, чувства Комету волновали, как прошлогодний снег. Какой-то мудрец утверждал, что родственники – плоды одного сада. Комета и Ренат не хотели существовать в родном саду. Далеко их унесло от него. Мне казалось, что Комета – избалованная буржуйка. Совдат считала ее белоручкой, неумехой. А если следовать логике Хасана, то получалось, что Комета и Ренат предали наш мир, более того, презирали этот мир. Во всяком случае, Комета нарушала всевозможные нормы г'иллакха – чеченского этикета. Для меня это было очевидно. В памяти калейдоскопом крутились сюжеты прошлой жизни, подтверждающие мои выводы. На душе стало легче, так как даже поверхностный анализ нашей семейной жизни наталкивал на мысль, что именно Комета своим поведением развалила нашу семью. Причины нашего разлада лежали глубже, чем я думал прежде.

Мои размышления прервал монотонный голос Хасана: «...Возьму на себя смелость дать определение г'иллакху. На мой взгляд, г'иллакх – это наши жесты, мимика, мысли, слова, поступки, мироощущение, взаимоотношения людей. В самом общем виде г'иллакх – это правила общения вайнахов. Процесс их усвоения начинается с момента рождения и заканчивается, когда человек умирает. Недавно умирал один мой престарелый родственник. Умирал тяжело. Несколько раз казалось, что он покинул этот мир, но открывал глаза и начинал разговаривать с нами. В такой ситуации заходит проведать больного сосед и говорит ему: «Ассалам алейкум, Ахмед». Ахмед нашел в себе силы приподняться и ответить на приветствие. Мы набросились на него: «Что ты делаешь? Зачем тратишь силы, чтобы приподняться?» Ахмед с удивлением посмотрел на нас и сказал: «Вы что, с ума сошли? Он ведь сказал: «Ассалам алейкум». Я должен встать. Были бы у меня силы, встал бы в полный рост». Умирающий Ахмед преподавал присутствующим, в том числе молодым, урок благородного поведения. Даже глупый человек, соблюдающий г'иллакх, выглядит вполне нормальным. Возьмем такой ритуал, как «х'ял-де хаттар». Это форма общения при встрече знакомых или родственников. Кроме обычного приветствия, здесь есть вопросы о житье-бытье, которые в обязательном порядке последовательно нужно задавать друг другу. И также отвечать на них. Здесь важен не только порядок, но требуется соответствующая мимика и нужный тон. Если стандарты не соблюдаются, то нарушается форма «х'ял-де хаттар», и получается конфуз. Культура общения вайнахов – это готовые формы на все случаи жизни. Нормы общения оттачивались и отшлифовывались веками на свадьбах, похоронах, в процессе приема гостей. Норма общения – это доведенная до совершенства норма жизни, которая соблюдается даже в лесу».

Хасан вдруг замолчал, посмотрел на окружающих, а потом достал сумку, битком набитую книгами, разложил их на столике и продолжил: «Хотите получить достоверную информацию о вайнахах? Извольте ознакомиться с произведениями великих русских писателей и поэтов, живших в 19 веке. Кстати, мир узнал о нравах горцев из этих источников. Вот что пишет Лев Толстой в «Хаджи-Мурате»: «Несмотря на то, что Хаджи-Мурат более суток ничего не ел, он съел только немного хлеба, сыра и, достав из-под кинжала ножичек, набрал меду и намазал его на хлеб...» Обратите внимание на то, что Толстой четко уловил форму поведения горца в гостях. Несмотря на то, что Хаджи-Мурат более суток не кушал, он не стал, как голодный волк, набрасываться на еду. В общем, я сам, читая классиков, узнаю много интересного о нашей этике, складе речи и мировосприятии наших предков. Хочу, чтобы мои внуки прочитали эти книги. Буду им рекомендовать. Это поможет им узнать красоту и благородство вайнахских обычаев и традиций. Здесь есть произведения Халида Ошаева, Абузара Айдамирова, Идриса Базоркина, без которых невозможно в полной мере оценить нравственную силу чеченцев и ингушей. Раньше я возил внукам чечено-ингушские сказки. Скажу вам, как педагог: без нашего фольклора трудно усвоить ребенку азы нашей морали. Вспомните Арину Родионовну, няню Пушкина, которая не уставала рассказывать сказки своему воспитаннику. Она сделала очень много для развития воображения поэта».

Хасан с любовью поглаживал книги и складывал их в стопку. Сергей взял одну книгу и углубился в чтение. В купе вошел Ренат и молча сел рядом с Сергеем.

– Наверное, хорошо прошлись по моим ребрам, – обиженно молвил он.

– Зря ты так говоришь, – сказал Хасан. – Ты заблудшая овца. Рано или поздно вернешься в свое стадо.

Ренат улыбнулся и в наивно-шутливом тоне произнес:

– В волчью стаю навряд ли я вернусь.

Эти слова меня сильно заделали, я соскочил с полки и схватил отщепенца за грудки, но Хасан развел нас:

– Анзор, ты мало что понял из того, что я говорил. У этого человека в голове каша. Он запутался в жизни. Мы должны помочь ему осознать кое-какие истины. Испокон веков в чеченском обществе существует такая иерархия: кьонах – это элитный человек, обладающий необходимыми морально-физическими свойствами и качествами, стаг – нормальный человек, ледар стаг – ненадежный человек, с изъянами, стаг вац – никчемный человек. Про тебя, Ренат, судя по своим словам, можно сказать ледар стаг.

– Интересно получается, – забормотал, побелев, Ренат. – Я очень редко употребляю спиртное, не курю, наркотики не принимаю. Честный трудяга. Обрати внимание на мои мозоли. И после этого я ледар стаг. Обалдеть можно.

В купе повисла пауза. Все стали ждать, что скажет Хасан, который спокойно заговорил, тщательно обдумывая каждое слово:

– Ренат, все дело в том, что ты настроен разорвать родственные связи с близкими. Подсчет обид привел тебя к дурацкому выводу, что все чеченцы плохие и лучше держаться от них подальше. Ты забыл, что родственники имеют между собой кровные связи, установленные великим Аллахом. Поэтому ты, в силу своей невежественности, покушаешься на святое. Ислам и Гиллакх предписывают истинному мусульманину крепить родственные связи. А что делаешь ты? Ты не отдаешь отчет своим действиям. Что бы ты ни говорил и ни делал, я лично считаю тебя своим братом, готов за тебя заступиться, оказать помощь. Я с большим уважением отношусь к своим родным. Когда встречаюсь с родственником, моя душа радуется. Они тоже дарят мне свое расположение, участие, сочувствие. Особенно это ощущается в сложных ситуациях. Уверен, если кто-то меня обидит, попытается нанести вред здоровью, то мои одноклассники оставят свои дела и прибегут защищать меня. Здесь я не открываю Америку, любой чеченец должен быть готовым на самопожертвование за честь семьи, тайпа, Родины.

Это требование гИллакха. Кстати, ты почему-то ничего не говоришь о своих родственниках по линии отца.

Ренат вяло отреагировал:

– Я с ними мало общался. Не было нужды. Да и они не искали встреч со мной. Отец после того, как бросил нас, жил все время на Урале. Приехали ко мне как-то два двоюродных брата и заявляют: «Твой отец не появляется в Шали. Хозяйство в упадке, дом старый – то одно сыплется, то другое. Приезжай домой, приведи подворье в порядок. С ремонтом дома поможем, женись и живи, как все люди». На это пойти в то время я не мог, на работе обещали квартиру, поставили на очередь. Да и матери эта идея не понравилась...

Ренат хотел что-то добавить, но не стал больше говорить.

Хасан оживился:

– Ренат, ты можешь не продолжать, я понял. Твои братья долго и упорно убеждали тебя, что ваше подворье на глазах хиреет. Соседи указывают на это пальцем. В старину было страшным проклятием, когда говорили «Чтобы твой двор зарос травой!» Так вот, видя, что ваш двор зарастает бурьяном, братья зывали к твоей совести, говорили тебе, что нужно иметь *яхь*. Предлагали свою помощь, чтобы разжечь потухший семейный очаг. Они искренне хотели улучшить взаимоотношения с тобой, но ты оказался упертым, не понял их. Они сочли тебя отрезанным ломтем и уехали, махнув рукой.

Ренат равнодушно-легкомысленным тоном произнес:

– Да, примерно так и было. Слово *яхь* они повторяли неоднократно.

Хасан энергично закивал головой:

– Вот-вот. Твои братья хотели ввести тебя в состояние *яхь*. Возбудить чувство соревновательности, которое есть в душе каждого вайнаха. Это недопустимо, когда хозяйство на глазах у людей приходит в упадок, а соседи процветают. *Яхь* – это тот вечный двигатель, который не позволяет вайнаху лежать на диване и ждать манны небесной. *Яхь* заставляет постоянно двигаться, работать руками и мозгами, иначе отстанешь от других, а это – позор. Судя по всему, у тебя, Ренат, это чувство атрофировалось. Тяжела мужская доля, а быть чеченцем вдвойне трудно, а, не имея *яхь*, вообще невозможно. Скажу, как историк: на наш народ одна за другой выпадают все мыслимые беды, а он, как скала, не сгибается. Почему? Из какого теста мы сделаны? Что помогает нам преодолевать сверхчеловеческие испытания? Каждый из вайнахов должен хоть раз в жизни подняться на высоту птичьего полета и попытаться найти ответы на эти вопросы. Мой ответ таков: нам всегда помогал великий Аллах. Это во-первых, во-вторых – гИллакх. *Яхь* является важнейшей нормой нашего кодекса поведения. Наверное, я надоел вам своими нравоучениями?

– Нет-нет, – вскрикнул я. – Хасан, продолжай нас просвещать. Ты говоришь очень важные вещи.

Хасану явно понравилась моя реакция на его слова, и он миролюбиво продолжил свой диалог с Ренатом:

– Гордые и свободолюбивые люди формировались в атмосфере высокой духовности. Повторяю, прежде всего люди искренне верили в справедливость великого Аллаха. Это вера укрепляла духовную мощь человека и всего народа. Другой составляющей нашей духовности был гИллакх. Жаль, что не все об этом знают. Конечно, гИллакх – это неписанные правила поведения вайнахов, но я взял на себя смелость сформировать и опубликовать их в журнале «Лам». Вот этот журнал, хочу обратить ваше внимание на то, что гИллакх подразумевает любовь к Аллаху, к Родине и к своим близким, знание обычаев и традиций своего народа, человек должен поступать в соответствии с ними, быть честным и вежливым, иметь совесть и чувство справедливости, уметь ладить с людьми, знать и любить свой язык...» – Хасан остановился и обратился к Ренату: – Боюсь, что в твоём доме не звучит родная речь.

Ренат промолвил:

– Да, мы общаемся на русском языке, а что тут такого?

Хасан пожал плечами:

– Я не говорю, что это плохо. Мы ведь здесь сидим и в основном разговариваем на русском языке, чтобы не обидеть Сергея. Речь идет о том, что, забыв родной язык, мы теряем свое лицо. Те вайнахи, которые имеют нравственное зрение и рассматривают свои слова и дела через призму гIиллакх, прекрасно знают закон нашей жизни: только находясь в рамках гIиллакх, мы находимся в зоне добра и справедливости, но, стоит выйти за границы гIиллакх, мы оказываемся в зоне беды. Эти границы должны быть у каждого чеченца в душе четко очерчены. Если такой четкости нет, то рано или поздно придется краснеть за свои слова и поступки. Более того, бесславно сгинуть на чужбине.

Ренат встрепенулся:

– Хасан, на что ты намекаешь? На мой взгляд – все эти правила, о которых ты говоришь, это куча банальностей, облеченных в красивую упаковку. Я знаю закон жизни, который звучит так: «Не поступай с людьми так, как не хотел бы, чтобы они поступили с тобой». Этим принципом я руководствуюсь. Живу, работаю, никому не мешаю и не хочу, чтобы мне мешали.

Хасан сохранял хладнокровие, хотя чувствовалось, что с каждым разом удается ему это все труднее. Казалось, что оба испытывают друг к другу глубокую неприязнь, порожденную разными взглядами. Хасан был абсолютно убежден в своей правоте, но и Ренат доказывал свою правду.

– Ясно, – с расстановкой приговорил Хасан. – Ты более опасный человек, чем я предполагал. Люди, которые утверждают, что религия – опиум для народа, а правила приличия, которые регулируют поведение людей, – свод банальностей – это носители диких взглядов и человеконенавистники. Когда их много или когда они захватывают власть в обществе, людям приходится туго. Это самые настоящие бесы. А по поводу твоего принципа, скажу, что он универсальный.

– Вот и договорились, – упорствовал Ренат. – Жаль только, что многие чеченцы лишь на словах признают этот принцип.

– Согласен только частично, – энергично заявил Хасан. – В основном чеченцы строго соблюдают правила общения. Слава Аллаху, таких, как ты, не имеющих *яхь*, пока мало. Видать, были они и раньше, так как в «Илли» говорится о соревнующихся в благородстве молодцах, а также о том, чтобы не дожил до заката солнца юноша, не имеющий *яхь*.

Долго молчавший до этого, Сергей вступил в спор:

– Хасан, перестань нервничать. Разве ты не видишь, что перед собой сидит обыкновенный совок? Его мозг пропитан стереотипами коммунистического мышления. Он не признает ни Бога, ни адаты, ни традиции. Это жертва советской пропаганды. Ты совершенно прав, когда говоришь, что мама в силу объективных причин не смогла вселить в его душу чеченский дух. Природа не терпит пустоты. Зато в школе, по телевизору, по радио, в газетах и журналах, в книгах шла мощная пропаганда всего коммунистического. Образцом для подражания был Павлик Морозов, который выдал родного отца НКВД. Вот он сидит перед нами, не поймешь, какого он рода-племени. Ты, Хасан, хочешь ему показать красоту вайнахских традиций. А ему наплевать на них. Они, на его взгляд, куча банальностей. Даже животные живут по определенным правилам. Можно подумать, что он это не знает.

Хасан на минуту задумался и, улыбаясь, произнес:

– Если мне удастся этого совка, как ты говоришь, ввести в состояние иман, то мне зачтется на этом и на том свете. Так что, я не зря ему мозги вправляю.

Ренат зло выпалил:

– Меня бесит, когда ты, Хасан, хочешь доказать, что вайнахи – люди особенные, такие белые и пушистые.

Не переставая улыбаться, Хасан поднял указательный палец и заговорил:

– Ренат, я далек от мысли утверждать, что все чеченцы и ингуши – прекрасные люди. Много среди нас негодяев и мерзавцев. Эти люди не хотят соблюдать наши правила поведения. Вайнахи не особые люди, но люди особой породы. В этом я уверен. Речь идет о тех, кто соблюдает нормы гIиллакха. ГIиллакх есть лицо вайнаха, он формирует человека, для которого человеколюбие,

человечность, совесть не являются абстрактными понятиями, выведите вайнаха за грань гIиллакха – и он становится животным, дикарем. Меня давно интересует природа наших людей. Например, от соседей отличаемся тем, что говорим на чеченском языке, есть небольшая разница в культуре общения. Чеченец никогда не женится на двоюродной сестре хоть по отцовской линии, хоть по материнской. Предание гласит о том, что великий имам Шамиль был в гостях в чеченской семье. Ему очень приглянулась красавица-дочь хозяина. Раздобревший от хорошего ужина, имам намекнул хозяину, что был бы не прочь взять в жены красавицу. Хозяин тут же схватился за кинжал. Хитроумный Шамиль понял, что допустил промах. С большим трудом ему удалось убедить хозяина дома, что тот его неправильно понял. Испокон веков запрещалось избивать детей за непослушание. Есть и другие отличия, но в целом кавказцы очень похожи друг на друга. Да что там кавказцы?! По большому счету, мы мало чем отличаемся и от других народов мира. Мир открыт, информации много. Один мой хороший знакомый, побывавший в Японии, с удивлением рассказывал мне, что там очень почитают старших, прямо культ какой-то. В этом японцы похожи на нас. Мудрость и жизненный опыт старших помогали вайнахам нормально жить и трудиться. Старшие были носителями лучших нравственных качеств, стояли на страже гIиллакх, берегли его как зеницу ока. Если возникала необходимость, могли посоветоваться с младшими. В старину было так: соберутся старики в круг для решения общественных проблем, а вокруг стоит молодежь. Старейшина мог задать вопрос молодым, если считал нужным. Молодой человек, знающий, как разрешить проблему, выходил вперед и говорил о том, что думает. Высказав свое мнение и ответив на вопросы присутствующих, отходил назад, тем самым выражая почтение к старшим.

Хасан остановился и пристально посмотрел на Рената, который, судя по выражению его лица, весьма пренебрежительно отнесся к тому, что он говорил. Он вяло заметил:

– Может быть, когда-то молодые люди почитали старших, сейчас этого нет. Институт послушания у нас рухнул. Могу привести факты.

– Ренат, ты почему-то видишь только плохое у своих соплеменников. Конечно, многие молодые люди ведут себя развязно, не уважают старших, но соблюдают правила приличия. Согласен. Нетрудно представить, к чему это приведет, если мы не остановимся и не осознаем кое-какие истины. Где сейчас народы, которые строили величественные пирамиды, великолепные храмы и дворцы, которые поражают воображение наших современников? Эти народы канули в лету, исчезли. Почему? В какой-то момент иссякла их духовная мощь. Произошел провал в варварство, а вместе с тем закрылись страницы их истории. Древние египтяне, белокурые древние греки, воинственные римляне... Где они сейчас? А вайнахи живут и процветают, слова Аллаху. Если мы потеряем святую веру и гIиллакх, то растворимся среди других народов. Те чеченцы, которые по воле судьбы оказались в 19 веке в Турции, сейчас турки. Ты, Ренат, очень ошибаешься, если думаешь, что вдали от родных мест тебе будет лучше. Рано или поздно поймешь, что нельзя рвать родственные связи. Вот Сергей говорит, что ты без роду и племени. Нет ни одного чеченца, который не принадлежал бы к какому-нибудь тайпу. Когда-нибудь ты осознаешь, что в этом мире нужно уважать своих родных и близких. Я не верю, что ты хочешь забыть отца, своих братьев и сестер, не хочешь хотя бы раз посетить могилу своей матери.

Ренат вдруг обмяк, по его щекам покатались слезы.

– Чай, кому чай? – раздался пронзительный голос проводницы.

– Ренат, не убегай, чай будем пить вместе, – приказным тоном сказал Хасан. После чаепития Ренат аккуратно собрал остатки пищи в целлофановый пакет и вынес из купе.

– Видишь, Анзор, не все потеряно. Ренат сейчас на наших глазах совершил красивый поступок, который вписывается в гIиллакх.

Сергей заметил:

– Вода камень точит. Похоже, что тебе удалась «мозговая атака». Ты не

обольщайся. Совок есть совок. Его так быстро не возьмешь. Ладно, пошли, подышим свежим воздухом. Хасан и Сергей вышли в тамбур. В купе воцарилась тишина. Я взял журнал «Лам» и залез на свою полку, чтобы в спокойной обстановке ознакомиться с творчеством Хасана. В статье был перечень нескольких десятков норм чеченской морали. На первый взгляд, это были элементарные правила поведения. Настолько простых, что в обычной жизни соблюдаешь их без всяких усилий и самым естественным образом. Но, чтобы сформулировать их, очевидно, Хасану пришлось перелопатить много книг, журналов и газет. Кроме того, видно, что Хасан «наматывал на ус» то, что говорили умудренные жизненным опытом старики. Обычно такие крупинки мудрости можно услышать на похоронах, свадьбах. Было ясно, что Хасан, одаренный человек, работоспособный, внимательный, влюбленный в свой народ. Все эти качества позволили ему дать определение и опубликовать нормы гИллакх, чтобы любой человек мог получить ясное представление об основах вайнахской нравственности. Формулировки были простые и понятные любому человеку, во всяком случае, мне не пришлось напрягаться, чтобы вникнуть в их смысл, потому что жить, соблюдая нормы гИллакх, для меня было так же естественно, как дышать воздухом. Другое дело Комета. Она жила по другим правилам, которые зачастую не совпадали с теми, по которым жили ее родители. Нестыковки были очевидные. Начиная с того, что в Ади-Юрте она чувствовала себя некомфортно, а в Москве – как рыба в воде. У нее было все, что нужно для жизни в богатой столице: много денег, привлекательная внешность, образование, эрудиция, а для жизни в селе она не годилась. Разумеется, все эти качества нужны и в селе, но в придачу требуется соответствующее поведение. А с этим у Кометы были проблемы.

Простейшие домашние хлопоты, такие, как готовка, уборка, стирка, она не любила всеми фибрами своей души. Комета не желала общаться с родными, соседями. В Ади-Юрте она чувствовала себя не в своей тарелке. Казалось, что общение с односельчанами для неё какое-то наказание. У нее не было тяги к родному дому. Это меня очень корбило. Я пытался внушить ей любовь к родным местам, хотелось, чтобы она почаще бывала в Ади-Юрте, нашла общий язык не только с моими родственниками, но и со своими. Как только я заводил разговор на эту тему, она сводила губы в полоску и прекращала разговор. Своим молчанием она давала мне понять, что эта тема ей ненавистна. Избалованная деньгами и наслаждениями, она не понимала меня. Или не хотела понимать. Но в одном я был уверен, что Комета искренне любила меня, я отвечал ей взаимностью. Безусловно, я был пленен ее ангельской красотой и не только.

Даже сейчас, вспоминая ее, у меня учащенно билось сердце и потели руки. Мы оба тянулись друг к другу, но жизнь показала, что этого мало для семейного счастья. Раньше мне казалось, что Совдат слишком требовательна к Комете, но после общения со своими спутниками в купе я все больше склонялся к мысли, что только страсть объединяет нас. В голове произошел щелчок, и теперь всю вину за развал семьи я возлагал на Комету. Ее развязное поведение не укладывалось в рамки чеченских обычаев. С другой стороны, я, как муж, должен был взять ее в ежовые рукавицы или использовать метод кнута и пряника, чтобы приручить жену. Любые силовые приемы, с помощью которых можно было обуздать Комету, были обречены на провал. Не такая это была птица. Я это понял сразу, как только через неделю после нашей свадьбы оказался в московских апартаментах Кометы. Часть дома, в которой жила Комета, была похожа на музей. Чешская хрусталь, немецкая сантехника, французские гардины, итальянская мебель, бронза, серебро, картины на стенах – любая вещь в доме подчеркивала, что это жилище не просто богатого человека, а очень богатого. Все блестело и сверкало, да так, что рябило в глазах. Мне, сельскому человеку, очень трудно было скрыть свое потрясение от увиденного, такой роскоши я никогда и нигде не видел.

Удивляла безупречная чистота и дорогая обстановка. Было такое ощущение, что я попал в сказку. Комета сделала вид, что не заметила мои эмоции,

а домработница, видя, что у меня отвисла челюсть, заметила: «Ничего, Анзор, скоро привыкнешь к этой красоте. Человек быстро привыкает ко всему». Домработница произвела на меня впечатление доброжелательной и чистоплотной женщины. Первый вечер в доме Кометы мне запомнился тем, что смотрел различные программы по телевизору с большим экраном. Комета весь вечер кому-то звонила, и ей постоянно звонили. По привычке, утром я выскочил из постели рано. Принял душ, совершил намаз. Когда я зашел в спальню, Комета продолжала безмятежно спать. В этом состоянии она была не менее прекрасна, чем обычно. Спящая Комета казалась мне красавицей, сошедшей с полотен великих художников. В этот момент у меня было ощущение, что она неземная и недосягаемая. Чтобы развеять эти ощущения, я сел рядом с ней и начал гладить ее белокурые волосы и лоб. Комета открыла глаза, мило улыбнулась, посмотрела на часы, извинилась, перевернулась на другой бок и благополучно заснула. Мне ничего не оставалось, как отправиться в зал смотреть телевизор. Где-то к обеду пришла Фая и начала орудовать на кухне. «Анзор, ты, наверное, давно бродишь по дому, – обратилась она ко мне. – Комету будить бесполезно, она, как всегда, встанет после обеда. Для тебя, сельского парня, это дико. Я знаю, что в деревне люди встают с восходом солнца, а московские женщины из богатых семей целый день спят. Жизнь у них начинается ближе к вечеру: встречи с друзьями, шопинг, презентации, театры, фитнес, вечеринки – короче, веселая и беззаботная жизнь. Что им еще делать, если денег полно?» От этих слов я остолбенел, в Ади-Юрте даже зажиточные женщины встают спозаранку. Если женщина допоздна спит, то это позор на весь белый свет, ведь у женщин всегда в доме куча дел. Теперь мне стало ясно, почему Совдат иронизировала: «Анзор, твоя жена не хозяйка кухни, а гостья. Ты женился на красивой кукле по имени Барби. Посмотри на ее пухлые ручки. В селе с такими руками делать нечего». Грустные мысли стали посещать мою голову. Чтобы как-то развеять их, я стал ходить по дому и разглядывать шикарную мебель, аудио- и видеотехнику, книги на полках, шкафы с одеждой. На сей раз Комета не поднялась и после обеда. Когда я зашел в спальню, Комета полеживала, глаза были закрыты, она крепко спала. Это не укладывалось, с моей точки зрения, ни в какие рамки. Я не выдержал, сгреб ее в охапку и понес в ванную комнату. Только здесь, под душем, Комета, наконец, проснулась. Я вышел, чтобы она спокойно начала водные процедуры. Вскоре она появилась на кухне, освежившаяся и раскрасневшаяся. Отхлебывая чай, отдавала мне приказы: «Давай собирайся на шопинг. У тебя весьма тусклый прикид, стыдно людям показываться. Будем менять твой имидж. Так как ты у меня брюнет, будем покупать тебе светлую одежду. Ты горный орел, а будешь...» – «Павлином», – сказал я. «Нет-нет, – запрочитала Комета, – орел не может быть павлином».

Своей одеждой я был доволен. На мне был турецкий костюм за 500 долларов, сорочка за 200 долларов, но Комета считала, что у меня вид колхозника, и хотела одеть меня «как положено». Когда я заикнулся о том, что мои финансы поют романсы, она намекнула мне, что в состоянии одеть не только меня, но и весь Ади-Юрт. Я понял и не стал задавать вопросов. Пока Комета приводила себя в порядок, я уже в который раз продолжал любоваться окружающими меня предметами роскоши. В доме царил атмосфера уюта и комфорта. «Интересно, какой у меня статус в этом Эдеме?» – задавал я себе вопрос, но ответа пока не было. Ясно было одно, что долго находиться здесь я не могу, так как это противоречило обычаю. Эта мысль особенно угнетала. Наконец, появилась Комета, одетая в великолепный брючный костюм.

– Ты собираешься появиться на улице в таком виде? Ведь нас могут увидеть земляки, – с придыханием вымолвил я.

– Не волнуйся, там, где мы с тобой будем находиться, земляки не ходят, – успокоила меня Комета. Она куда-то позвонила, и когда мы вышли, у подъезда стоял джип. Комета что-то сказала угрюмому водителю, и мы поехали. В Москве я и раньше бывал проездами, столица с каждым годом становилась все краше, на глазах превращалась в первоклассный европейский город. За окном

мелькали люди, машины, красивые дома. Наш джип делал остановки у модных бутиков с зашкаливающими ценами. Я, из-за своих скромных познаний в моде, не вмешивался в процесс, видя, как Комета хищно бросается к витринам и выбирает мне брендовую одежду. Девушки в униформе, поняв, в чем дело, деликатно консультировали Комету, профессиональным взглядом оценивая мой «малопрстойный» вид.

Шопинг наш длился довольно долго. У меня ноги подкашивались от усталости. Вернулись мы, уставшие, но веселые, поздно вечером. Бросив пакеты с покупками в зале, мы устремились на кухню, где нас встретила улыбающаяся Фая. Котлеты, пирожки, блины с черной икрой и прочие вкусности оказались весьма кстати. Поужинав, решили примерить одежду уже в более спокойной обстановке. Вначале одел стильный костюм стального цвета. Женщины завизжали от удовольствия, сравнивали меня с какой-то знаменитостью. «Этот костюм очень украшает тебя. Поздравляю!» – с восторгом говорила Комета. Фая тоже не скрывала свои эмоции. Я чувствовал себя весьма комфортно в сверхдорогом костюме, а затем надел футболку темно-синего цвета, джинсы и белую ветровку. Лица женщин светились от радости, начали кричать: «Браво!» Комета, одетая в спортивный костюм, вдруг резко вскочила с дивана и с разбега прыгнула на меня. Фая, не ожидавшая такого поворота, засмушалась и ушла на кухню. Прильнув к моему уху, Комета нежно шептала: «Настоящий мачо! Неукротимый тигр!» – «А ты пантера!» – в тон ей отвечал я. Потом опять собрались в кухне. Мне хотелось знать, сколько денег потратила Комета, чтобы приодеть меня: «Интересно, Комета, на какую сумму ты разорилась сегодня?» Комете этот вопрос явно не понравился, и я уже проклинал себя за глупость. Комета исподлобья посмотрела на меня и произнесла сквозь зубы: «Это не имеет никакого значения. Мы семья, и этим сказано все». Стало тихо. Чтобы разрядить обстановку, Фая, как бы между прочим, буркнула: «Наверняка, 50 – 60 тысяч долларов». Меня как будто током сразило. В моей голове не укладывалось то, что в течение нескольких часов можно потратить столько денег на одежду. Для меня это была фантастическая сумма. В нашем доме таких денег никогда не было. Даже в тучные годы бюджет семьи не превышал 5-6 тысяч долларов. Да и эти деньги долго не хранились. У отца много денег уходило на ГСМ, пахоту, на уборку урожая, на сев. Кроме того, нужно было кое-что купить по дому. Иной раз семья вообще оставалась без денег. От безденежья никто особо не страдал, так как при форс-мажоре можно было обратиться к соседям или к родственникам и занять нужную сумму денег. Еду на рынке редко покупали. Молоко, сметана, сыр, творог, овощи, фрукты – почти все продукты питания были свои, а сахар и муку отец всегда покупал впрок. Уже в постели Комета прильнула ко мне и, видя, как я потрясен увиденным и услышанным, ласково зашебетала: «Анзор, я вижу, ты удивлен. Но это еще цветочки. Ты можешь запросто тратить деньги, на что угодно твоей душе. Я знаю, у тебя страсть к легковым автомобилям. Можешь купить любую иномарку и разъезжать по Москве. Тебе повезло со мной. Впрочем, и мне с тобой. Только об одном тебя прошу: не проси меня жить в Ади-Юрте. Я там родилась, росла. Там живут мои родители, но постоянно жить в селе я уже, как видишь, не смогу. Почти всю сознательную жизнь я провела в Москве. Я прикипела душой к этому городу. Здесь моя работа, родные, друзья. Я уже не представляю свою жизнь где-то в другом месте». – «Кстати, где ты работаешь?» – не удержался и спросил я жену. Мне казалось, что братья содержат ее.

Комета загадочно улыбнулась: «Всеу свое время. Скоро узнаешь. Давай сменим пластинку. Завтра к нам придет моя лучшая подружка Лиза. Ты должен быть в форме. Не сомневаюсь в том, что ты ей понравишься, она любит физически крепких мужиков. И еще – в субботу намечается вечеринка для моих друзей. Так что, неделя будет напряженной». Скоро Комета поцеловала меня в щеку и быстро уснула, а меня стали беспокоить слова Кометы о том, что она постоянно жить в Ади-Юрте не собирается. Складывалось тяжелая

ситуация, так как получалось, что я не женился, а вышел замуж. Для чеченца это позор. Хуже смерти.

Неужели Комета так одичала, что не знает об этом? Эти и другие вопросы долго мучили меня, пока я, наконец, не уснул.

Проснулся я, как обычно, рано. Принял душ, помолился. Пришла Фая и стала накрывать стол. Я молча наблюдал за этой аккуратной и опрятной женщиной. Ее быстрые и умелые действия говорили о большом опыте в ведении домашней работы. Внимательно присмотревшись, я заметил, что лицо ее покрыто едва заметными морщинами. Они ни в коем разе не портили ее приятное лицо. Нетрудно было представить, что в молодости Фая была красивой девушкой и имела много поклонников. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что она, выйдя замуж за своего Федора, все сорок пять лет прожила в мире и согласии с мужем и воспитала трех детей. Фая была медсестрой, а муж – сварщиком. Выйдя на пенсию, они копили деньги, чтобы купить квартиру своей дочери Кате, которая не имела возможности работать, а муж горбатился на двух работах. Свою трехкомнатную квартиру Фая с мужем решили завещать двум старшим сыновьям, которые служили где-то в армии. Продав квартиру, сыновья имели возможность купить две двухкомнатные на окраине Москвы. Ежемесячно Комета платила Фая тысячу долларов. Рассказывая по ходу дела свою автобиографию, Фая приготовила вкусную яичницу. Села вместе со мной завтракать. Говорят, что руки выдают возраст женщины, но, глядя на белую ладонь и длинные пальцы Фаи, невозможно было это сделать. Говорила она спокойно, внимательно обдумывая каждую фразу:

– Вчера, после того, как вы ушли, приходили Ахмед с Фатимой. Долго сидели и ушли, не дождавшись вас. Очень культурные, порядочные люди. Посмотришь телевизор, считаешь газеты, создается впечатление, что чеченцы – звери. Не знаю, кому нужно делать из чеченцев дикарей. Во всяком случае, всех, кого я знаю, – это вежливые и обходительные люди. Почему бы вам не сходить сейчас к ним в гости?

Я улыбнулся и ответил:

– Обычай не позволяет. Вначале они должны познакомиться со мной, а потом уже я получаю свободу.

Фая была удивлена моим словам:

– Московские чеченцы зачастую не соблюдают свои национальные обычаи. Бедная Мата, сколько она мучилась с Кометой, заставляя ее рано вставать, убирать за собой постель, посуду, мыть полы! Бесполезно. Всю эту работу уже почти десять лет делаю я, поэтому у Кометы практически нет навыков самообслуживания. Особенно Мату раздражало то, что, выпив чай, Комета отодвигает чашку на середину стола и уходит. Однажды Мата схватила ее за волосы и затащила на кухню, чтобы Комета прибрала за собой. У Кометы добрая душа. Она не стала вводить мать в гнев и подчинилась ее требованию. Нужно было видеть, как долго она возилась с тремя чашками. Отсутствие навыков, а главное, желания сделало Комету совершенно беспомощной на кухне.

Смутные ощущения начали овладевать мной. В Ади-Юрте не воспринимают всерьез женщин, которые не справляются с домашними делами. Причем нужно их делать быстро. Теперь мне было понятно, почему Совдат назвала Комету куклой Барби. Фая продолжала говорить, но я ее не слушал, вернее, до моего сознания не доходили ее слова. Взрыв эмоций имел такую силу, что, казалось, случилось помутнение сознания. С большим трудом удалось справиться с нахлынувшими чувствами. Я смотрел в упор на Фаю, слушал ее долго, не выражая своего отношения к тому, что она говорила. «Наверное, у нее в роду был представитель монголоидной расы, – мелькнуло в голове, – иначе откуда у нее щелевидные глаза, скуластое лицо, курносый нос. У многих русских, живущих в Поволжье, такие лица. А кожа? Такая белая кожа...»

Обращение Фаи прервало мои размышления:

– Анзор, хочешь посмеяться? Как-то Мата решила научить свою дочь варить мясо. Комета, как могла, выполняла указание матери: положила в кастрюлю

кусок говядины, залила водой и поставила на большой огонь, а затем вышла из кухни. Через несколько минут Мата орет, как сумасшедшая: «Комета, посмотри, что ты натворила?» Газовая колонка вся залита бульоном, кухня стала похожей на парилку. Мата плачет, я, как могу, успокаиваю ее. Мата поняла, что Комета неумеха, она не только не умеет хозяйничать на кухне, но и не хочет. «Что делать? Как я такую дуру замуж выдам? – застонала Мата. – Ведь ее в первый же день домой отправят». – «Не отправят, – решительно заявила я, – в наше время не требуется, чтобы женщина в обязательном порядке была хозяйкой кухни. У Кометы достаточно средств, чтобы иметь обслуживающий персонал. Она кандидат экономических наук, собирает материалы для докторской. У нее хорошие доходы. Комета может позволить себе то, что многие не могут». Сквозь слезы Мата говорит: «Фая, о чем ты говоришь? Разве для женщины главное деньги? Нормальная женщина должна иметь семью, иметь рядом мужчину. Здесь, в Москве, я таких мужчин не вижу. Ты, Фая, лучше меня знаешь их образ жизни. Нет ни одного, кто бы не пил водку, я уж не говорю об остальных изъянах. Мне кажется, ей нужен наш сельский парень», – я молчал. – Мне кажется, – продолжала Фая в тишине, – что ты не сможешь ее переделать. Ты очень деликатный человек, у тебя мягкий характер, а Комета добрая, но умеет быть жесткой, авторитарной. Очень сомневаюсь в том, что Комета станет сельской клушей. Комету я люблю, как свою дочь, ты мне тоже нравишься, но как все сложится в дальнейшем, не знаю. Очень хотелось бы, чтобы у вас получилась крепкая семья. Я никогда не видела Комету такой счастливой, прямо светится вся. Да и ты смотришь на нее такой обезоруживающе искренней улыбкой, которая красноречивее всяких слов говорит о том, что происходит в твоей душе. Безусловно, сладкая парочка.

Мне не терпелось спросить у Фаи, почему она думает, что у меня мягкий характер. Раньше мне об этом никто не говорил. Фая объяснила мне, что все видно по глазам, так как в глазах отражается душа человека. «У меня особый нюх на приличных мужчин», – весело шутила Фая, а потом веселая улыбка сошла с ее лица и она сказала:

– Интуиция подсказывает мне, что ты достойный человек, да и Комета неплохая. Имей в виду, Анзор, что Комета очень богатая женщина, а у богатых, говорят, свои причуды. На первых порах тебе трудно будет с ней ужиться, так как у нее свои привычки, взгляды, она плохо идет на компромиссы. Конечно, главное условие семейной жизни – это способность супругов уступать друг другу, об этом любой дурак знает. Хотелось бы, чтобы ты был терпимее по отношению к ней. Ты не пожалеешь, если оценишь ее достоинства и будешь смотреть сквозь пальцы на недостатки.

Фая всю разошлась и начала давать мне советы, как строить отношения с Кометой. Чувствовалось, что она любит Комету и желает нам счастья, но чем больше она говорила, тем яснее становилось, что вне Москвы Комета жить не будет. Эта мысль была той ложкой дегтя в бочке с медом. Передо мной были двери сказочной жизни. Вернее, я уже вошел в эту жизнь. Теперь нужно было найти свое место в этой сказке или уйти из нее. Незаметно подошло обеденное время. Фая засуетилась, и вскоре на столе появились жижиг-галнаш. Очевидно, вареное мясо было у нее в холодильнике, Фае оставалось согреть мясо и сварить галнаш в пакетиках. Еда получилась очень вкусной, и я принялся с аппетитом поглощать пищу. Для себя Фая согрела в микроволновке котлеты, а Комете приготовила курицу по особому рецепту. Пока готовилась курица, Комета привела себя в порядок и присоединилась к нам. После обеда появилась Лиза, о которой так много говорила Комета. Радостное оживление воцарилось в доме. Я находился в зале и слышал, как женщины разговаривают и громко смеются. Наконец, подружки вошли в зал, и смеющаяся Комета произнесла:

– Вот мой принц! Прошу любить и жаловать.

Я встал, вежливо обнял Лизу и сел на свое место. Лукаво улыбаясь, Лиза начала сыпать комплементы в мой адрес:

– Настоящий красавец! Комета, это то, что надо! Поздравляю, тебе повезло! Ты такая голубоглазая, светленькая, а Анзор темненький, крепенький...

Судя по тому, что говорила эта пышнотелая и яркая женщина, я понравился ей. Сразу бросалась в глаза копна рыжих волос, заправленных ободком, и родинка на левой щеке. Она не была столь утонченной красавицей, как Комета, но имела привлекательную внешность. На широком румянном лице выделялись большие черные глаза, тупой кончик носа и средней толщины губы. Мой взгляд остановился на высокой, полуобнаженной груди Лизы. Я чуть не упал в обморок от этой картины, так как ни разу не видел, чтобы чеченка так нагло демонстрировала свои прелести. Из ступора меня вывела Комета, которая с издевкой спросила:

– Может, воды дать?

Лиза, привыкшая к тому, что мужчины теряют дар речи от ее бюста, была довольна тем, что ошеломила меня своим внешним видом. Комета схватила Лизу и увела в свою комнату. Оттуда доносились обрывки фраз: «Что ты делаешь? Прикрой вымя... Ты почти голая... Что это за юбка, поясок какой-то... Толстые ляжки...».

Через некоторое время женщины вернулись в зал. Лиза поверх своей одежды натянула какой-то красивый халат. Мы долго о чем-то говорили, а потом Лиза ушла. Проводив Лизу, Комета бросилась ко мне на колени и, обхватив руками шею, начала душить меня, капризно восклицая:

– Ах, ты негодяй! Мерзавец! Не успел жениться, а уже заглядываешься на других женщин. Думаешь, я не заметила, как ты смотрел на Лизу! Сразу видно, что морально неустойчивый тип.

– Ни один мужчина не устоит перед... – попытался возразить я.

– Ладно, ладно, – уже в примирительном тоне заговорила Комета. – Я ей тысячу раз говорила, не появляйся в полуголом виде перед мужчинами, которые мне дороги. Бесполезно.

– Огненная женщина. Какая энергетика! – осмелев, сказал я.

– Да, мужчинам нравятся ее пышные формы и вулканическая энергия, – добавила Комета.

– Ну, допустим, формы у тебя тоже не хилые, – отшутился я и нежно обнял жену.

Так мы просидели некоторое время, а потом Комета воскликнула:

– Спасибо моей маме за такой потрясающий подарок! Если бы не она, мы сейчас не были бы рядом.

– Благодарю Аллаха, – поправил я Комету.

– Да! Да! – продолжала она. – В первую очередь, спасибо Тебе, Аллах! А во вторую очередь, спасибо моей маме, а также спасибо тебе, что ты есть. Я очень счастлива! У меня феерические ощущения, когда ты рядом.

Мне приятно было ощущать, что такая прекрасная женщина чувствует рядом со мной себя очень счастливой. Неизвестно было только, сколько продлится это счастье, ведь я никак не мог понять, в какой системе координат я нахожусь. Решил поделиться своими сомнениями с Кометой.

– Комета, – обратился я к жене, – меня очень смущает мой статус в этом доме. Муж я или альфонс?

– Я знала, – решительно заговорила Комета, – рано или поздно такой вопрос возникнет, и поэтому готова на него ответить. В Ади-Юрте мама предупредила меня, что роль альфонса тебе не подойдет. Не то воспитание. Нужно что-то придумать, чтобы и овцы были целы и волки сыты. Мне кажется, будет разумно, если я куплю отдельную квартиру в Москве и оформлю ее на тебя. Ты не против, дорогой, иметь трехкомнатную квартиру в Москве? Более того, зная твою страсть к автомобилям, хочу завтра же подарить тебе белый «мерс». Благодаря Аллаху, у нас есть кое-какие возможности решать проблемы. Не правда ли, дорогой?

– Не знаю, – буркнул я.

– Почему не знаешь? Все очевидно, – игриво произнесла Комета, схватила

меня за уши и заявила: – А сейчас ты похож на покемона. Снимаем сорочку, теперь похож на Геракла.

Комета вошла в кураж и продолжала сравнивать меня с какими-то персонажами. Заставила меня открыть рот и начала протирать указательным пальцем правой руки золотой зуб, который находился в верхнем ряду справа.

– Ну-ка, улыбнись, – приказала Комета и тут же заявила: – А теперь ты Апполон! У тебя такая красивая и чистая улыбка, а этот фикс придает ей особый шарм. Когда я тебя первый раз увидела, подумала: «Какой brutальный мужчина!», но стоило тебе просиять золотым зубом, обомлела.

– «Милый мой, твоя улыбка...» – процитировал я:

– Точно, точно, это про меня! – засмеялась Комета.

Она побежала на кухню и принесла фрукты. Взяла большое яблоко и предложила откусить мне, а затем откусила сама.

– В субботу будет встреча, – озабоченно заговорила Комета, – мои друзья хотят познакомиться с тобой, а мне одеть нечего. В четверг мы с Лизой летим в Париж, надеемся, найдем что-нибудь подходящее.

Мне было странно это слышать, ведь ее шкафы ломились от одежды и обуви.

В моей голове не укладывалось: имея немислимое количество нарядов, Комета заявляет, что ей нечего одеть! Мне потом стало понятно, что такого рода мысли возникают в голове провинциалов, не знающих сути гламурной жизни.

– Я приведу себя в порядок и поедем смотреть квартиру, которую мне порекомендовала Фая, – произнесла Комета.

Я сидел под впечатлением от того, что происходило вокруг меня. Комета знала, что мне нужно, начиная с одежды и кончая квартирой в столице. Поражало не только то, что приобрести сверхдорогое имущество для нее не было проблемой, а то, что Комета у меня не спрашивала, хочу я этого или нет. Налицо было такое мужское качество, как доминантность. Все своим видом Комета давала понять, что мне будет лучше, если я молча буду соглашаться с тем, что она делает. По логике вещей я должен быть благодарен тем людям, которые вытаскивали меня «из грязи в князи». Если, конечно, я нормальный человек. Иной раз в голову приходила поганая мысль: «Неужели я оказался в сетях, которые ловко расставили мать и дочь?» Но эту мысль я гнал от себя прочь. Отношения с Кометой были такие искренние, что здесь не могло быть никакого лукавства, не могло быть и все тут! А как я оконфузился с Лизой? Комета заметила, что я слишком пристально рассматривал Лизу. Этим она вогнала меня в краску. У чеченцев не принято столь откровенно заглядываться на прелести противоположного пола. Мне приходилось часто общаться с красивыми девушками с точеными фигурами и всегда удавалось держать себя в руках, памятуя известную чеченскую притчу. Суть ее в том, что некий молодой человек, будучи в гостях, не мог отвести глаз от очаровательной дочери хозяйина. Это заметил брат красавицы. Наутро он попросил сестру налить в кумган кипятка. Когда перед завтраком гость решил помыть руки и обжег их, молодой человек понял, что нарушил табу и это заметили. Он тут же сел на коня и умчался, не притронувшись к еде.

Спасибо Комете, она тактично сгладила эту ситуацию, но все равно у меня на душе было скверно. Нужно было иметь большое самообладание, чтобы не обратить внимание на огромные и выразительные глаза Лизы, ее красивые губы и мощный бюст. Одно дело обратить внимание, а другое дело пялиться, как ребенок на красивую игрушку. Дал маху, что и говорить...

Продолжение следует.

Хава Гагаева**Вода моих песен**

Мы родом оттуда, откуда мы родом,
А меня лишь зовут так, как меня называют.
Вначале ослепляла яркость твоих экранов,
Теперь же я в норме: совершенно трезва.

Будь непривязан, мой друг, непривязан.
А я снижу показатели по шкале хаотичности.
В тех, кто своей природой солнцу обязан,
Не может быть ни капли грусти,
ни тени обычности.

Птичка

Спой мне, птичка,
свою избитую-избитую песню.
Свою избитую, затертую до дыр.
Есть в ней что-то,
Что заставляет мое солнце тратить
Свои лучи чуть пощедрее
На этот мир.
В ней глубина столь близких глаз,
И верю, что еще не раз
Услышу эту твою песню,
Моя птичка.
Мне не светит
Ее печаль, совсем не светит.
И в темноте совсем не светит
Эта лампа.
Что ей ветер,
И этот снег, и вьюги эти?
И холода, и все на свете –
Суета.

Но в глубине столь милых глаз
Она найдет себя не раз.
И снова вспомнит эту песню,
Моя птичка.

Подростковый блюз

Меня сбивала машина
10 000 раз.
В этом городе любят сильно,
Жаль не нас.
Холод отгрызал мне пальцы,
Выпускал наружу псов.
Я сказала слишком много,
Слишком много резких слов.

Чей-то голос рвется в мысли,
Снова мне мешает спать.
Оказалось, жить так просто.

Как же я могла не знать?
Наступай на те же грабли,
Только я не поведусь.
Я останусь, я забуду,
Я в себя опять вернусь.

**Песня
заблудившегося человека**

Закрытые двери, не верю, не верю,
Не слышу, не помню, не знаю, не я.
А кто мне поверит, когда мои мысли
Запутались в узел, распутать нельзя?
Все страхи забыты,
Но где мне искать
Душе моей выход?
Себя как понять?
Закройте мне уши, прикройте глаза,
Свяжите мне руки. Жаль, сердце
нельзя!
Ах, бедное сердце! Ты – бедное
сердце,
Несчастное сердце, несча-стно-е...
Все страхи забыты,
Но где мне искать
Душе моей выход?
Себя как понять?
Не слышу, не помню, не знаю, не я...
Меня стало меньше, сама не своя.

Ретровальс

Завяжись, занятный мотив,
вокруг плеч его
Шарфом. Спаси от морозов в душе.
Стоит ли спорить мне?
Стоит ли помнить?
Вне всяких сомнений – не стоит уже.

Научи ее забывать имена, и она
Унесет тебя к морю.
В гнездах ее обитает весна.
Исцелит тебя лишь она.

Однажды

Однажды я вернусь домой –
Домой, в долину аутизма.
Забыв часов ритмичный бой,
Свою мечтательную призму.

Однажды я вернусь на Марс –
Мой Марс прекрасен и далек.
Вокруг нас бред, вокруг нас фарс,
А нам как будто невдомек.

Однажды мы дойдем до ручки.
Откроем дверь, за нею – луг,
Где в летнем небе пляшут тучки,
Болтая всем о том, что я твой друг.

Посмотри

Посмотри, какое синее небо, ясное небо.
Посмотри, какое зеленое море травы.
Не столь важно, где ты был, а где не был.
Может, это был вовсе не ты.

Я написала тебе уже так много писем, много писем,
Что каждый вечер ты можешь читать по два.
Не вижу смысла петь о том, в чем ни черта не смыслю
И слишком полагаться на слова.

Иногда я чувствую себя воздушным змеем, воздушным змеем.
И приятна, последствие силы, усталость в ногах.
Припадем к Души Мира Источнику и проверим,
Посветлеет ли в наших с тобой головах?!

Земля

Южный ветер учил меня петь,
Северный ветер учил меня дышать,
Западный ветер привел меня к себе,
А восточный ветер научил меня молчать.
И теперь, мне кажется, я
Стою на пороге в светлую комнату,
В кой нет ни мыслей, ни слов.
И, не томясь ожиданием,
Леплю из песка пальцами ног
Фигуры маленьких беспечных слонов.
Спасибо за уют, Земля! Земля, Земля, спасибо...

Кто-то знает забытый язык,
Кто-то умеет стоять на голове.
Кто-то с протестом, а кто-то – привык.
И лишь такие, как я, в стороне.
Но Ты вложила нам в душу, развязала аркан.
Теперь печали и беды
Закружили Кан-Кан
Твоей немислимой мудрости
И нескончаемой нежности.
Спасибо за тепло, Земля! Земля, Земля, спасибо...

В автобусе

(шарики превращаются в полосы)

Автобус везет тебя
в своем железном брюхе
по улицам провинциального города N.
Внезапно начавшийся дождь
застанет тебя под зонтом
или под крышей дома.
Над чем ты смеешься так звонко?
О чем твоя пЭсня? Как будто знакома...
Ключи от дома под мыслями на потолке.

Она могла бы стать тебе подругой,
хотя друг без друга вы переживете вполне.
Чудится мне,
будто птица во сне
осознала себя гибким деревом...

Ни о чем

Ты можешь называть это песнями Ни О Чем.
Причем здесь глубинный смысл?
Он просто вышел.
Он просто выше
Суеты словесной чепухи,
Вареной щуки из ухи.

Ты можешь называть это песнями Северного Ветра
О непослушных волосах,
Дырявых парусах,
Избитых чудесах.
Факир был болен, смертельно болен.
У него – паранойя.

Прекрасная Сюнкай

(героиня японской притчи)

Нет, Сюнкай не утопилась –
Красота не может быть потоплена.
Она –
Эта прекрасная холодная луна.

Нет, Сюнкай не ошибалась.
Просто шла по извилистой тропе своей.
В теплую гавань,
Думалось ей.

Усумов Яхья

Делан кхелана резахилар

Шира дийцар

Мацах цхъана заманчохь 1 арбойн мехкан цхъана декъан паччахь хилла вехаш-1аш. Нахана ч1ог1а дукха а везаш, хъанал волуш, шен къомана чу са а диллина, къонаха хилла иза. Цуьнан, ц1арна ц1е йоккхуш, иманций, куц хаза хиларций г1араяьлла х1усамнана а, жима, когавахний-вахазий, ши к1ант а хилла.

Цхъана буса, г1енаха, паччахъана дуьхалтесна ши г1аларт, шаьшшиь маликаш ду, бохуш. Цаьршимма паччахье аьлла: «Аллах1ан лаамца, омрица хъуна т1едеъна тхойшиь. Дала хоьтту хьобга, Ша хъуна бала безаш бала бу, азаллехь йоза чекхдаьлла, эхартахь ло Ша хъуна и я дуьненахь ло Ша хъуна?» Амма паччахь вист д1а а ца хилира. Иза ца тийшира шена дуьхалт оьхьнарш маликаш хиларх.

Хьацаран к1ур а хилла, самавелира паччахь. Хилларг цо цхъаьнгте ца дийцира.

Шолг1ачу буса юха а хилларг карладелира. Кхоалг1ачу буса маликаш даьхкича, паччахъа цаьрга дехар дира, ша х1усамненах дагавалийтахъара аш аьлла. Сахуьлуш самаваьллачу цунна шена т1ех1оьттина лаьтташ х1усамнана карийра. «Дийцахъа хъайна хилларг. Ма вон садоьлуш вар-кха хьо г1енах», – дийхира цо. Паччахьо лечкъа а ца деш, ша т1аьххьарчу кхаа буса лайнарг дерриге а д1адийцира цуьнга. «Эхарт хала дуьйцу, дуьненчохь ло алахъа хъайна и бала». Цу т1ехь церан барт а хилира.

Йобалг1ачу буса даьхкинчу маликашка, дуьненахь лахъара шена бала аьлла, дийхира паччахьо. Гуьйрана самаваьллачу шен х1усамдега хьаьжжинчохь, 1ада а йина, йисира паччахъан къона зуда. Сихха куьзга а дохьуш еанчу цо х1усамда т1аьхьакхийра шен сел кхераяларан бахънина. Куьзганахь гушдолу паччахъан юьхь-сибат, нахана гайта эхье долуш маьттаза а, ц1армат а дара. Т1аккха шен х1усамнене элира цо: «Паччахьалла хьобгахь а, сан шина к1антехь а дуьсу, ткъа со махках волу». Ц1ийнадех а яьлла паччахьалла, дуьненан бахам ша оьпуш цахилар хайитинчу къоначу зудчо сихха шена а, шен берашна а новкъабовла кечам бира. Сатоссуш уьш берриге юьртах бевлира.

Хала бара церан некъ. Х1орш хих бовлуш, жимахверг, зуда а бен дехъабаха аьтто ца баьллачу дас, юхавеъна, хил дехъаваккхархъама берда йистехь витна воккхахволу к1ант барзо д1аваьхънера. И ирча сурт а дайна, 1адийначу нанас, ша х1ун до а ца хууш, шен карара охъавожийна шолг1а к1ант хино ваьхъира. Кхано, меттадеъча, вовшашка а хьожий, шина а доьзалхочух даьллачу дас-нанас, «Алхьамдулиллах1и» олий, Далла хастам бо. Сийлахьволчунна хьестало уьш, шайн къиношна гечдар доьхуш, сел хьалхе шайх къастийнчу берашна Делера къинхетам боьхуш. Карзахе ойла хъайитархъама, синойн дуткъдалар юхатохархъама, вон т1едеанчу къоначу нанас карладоккху эхартара бала лан кхин а хала хилар, коьрта зиьр х1инца а хьалха хилар, т1едеьнарг лан дезар а.

Цу тайпана хаддаза ечу ойланашца х1ара шиь кхечу махкарчу паччахъан г1опан кевнашна хьалха х1утту. Дала зуьйш болчарна дагадог1у, шаьш

уйтла хлитинарг цкъа мацах шайн доттаг1 хилла хилар. Амма «доттаг1чо», х1усамнана ша волчохь саца а йой, шен хьадалчашка лоллуйту цуьнан миска ц1ийнада.

Т1аьххьарчо, къурд а бой, ловшу шена Дала т1ебоссийна керла бала. Цо хаддаза хастамаш бо Сийлахьволчунна. Юьртара юьрта воьдуш, саг1ийна елларг юуш, ша чу виттинчохь буьйса йоккхуш, х1ара лелаш, ткье пхи шо д1адолу.

Иштта лелаш, эххар цхьана юьрта кхочу вайн миска. Хьалха ша т1енисвеллачу ц1ийнан кевне а воьдий, кертахь цхьацца г1уллакхаш деш хьийзачу х1усамдега кхойкху х1ара: «Хьаша т1еобций аша?» – олий. Хьайчул ц1ена бусалба юхь-бос болуш адам гина ма дац шена олий, х1ара мара а вуллий, чувуьгу вукхо. Цо иштта аьлча, иза шех воьлу тарделлачу хьешо, шен даг чохь кхоллаелла шеко юьйцу х1усамдега. Вайн мисканна ца хаьа, Аллах1а ша беллачу балийна кхуо, къонахчо, ц1еначу булсалбано санна садеттарна, шен юьхь нуьречу серлонахь хазийна хилар. Х1усамдас шега кховдийначу куьзгана хьаьжча кхуьу иза хуьлуш лаьтгачух. Ша х1инца нисвелларг шен хьоме вина юрт а, шен мохк хиларх а кхуьу иза. Велхар а оьккхуш, Далла хастамаш беш, суждане воьду иза ша волчохь.

Хьаша парг1ат а валийтина, х1усамдас дийцира цунна шайн паччахь вайна ткье пхи шо кхачарх а, кхана шаьш керла мехкан да харжа бина сацам хиларх а.

Луьйрана паччахь хоржучу майдана бахара х1орш а. Х1етахь паччахь харжар иштта хилла: жимачу ц1елиг чохь кхобуш олхазар хилла. Адамаш гул а дой, олхазар ара а доккхий, д1ахобьцух хилла. Иза белшашна т1ехиьнарг паччахь х1оттош хилла. Олхазар а карахь аравелира мехкан къеда. Аллах1ан лаамца и олхазар белшаш т1е хиьнарг паччахь хоржуш хилар д1акхайкхира цо. Д1ахийцира шен карара олхазар. Дуккха а гулделлачу адамаша т1ехула хьийза а хьийзина, хьешан белшашна т1е лахделира иза. Гулбеллачара д1ахьедира цуьнга, паччахьан дукь т1елаца х1инца и декхар хилар. Амма хьешо шен махуьллу дуьхьалойо, ша паччахь хила хьакь вац, олхазар гал а даьлла хиьна шен белшашна т1е бохуш.

Шозлаг1а а олхазар д1ахеца сацам хуьлу мехкан да харжа гулбеллачеран. Шозлаг1а а олхазар хьешан белш т1е хуу. Иза юха а паччахь ца хила дуьхьалволу. Кхозлаг1а д1ахецна олхазар хьаша къайлавала дагахь чулечкьинчу ц1ийнан тхевна т1е хиира. Цул т1аьхьа наха, до1анаш а деш, паччахьан даржехь ч1аг1вира иза, г1оьнна ши накьост а луш. Аллах1а ч1ог1а муьт1ахь а винера цунна а ши г1оьнча. Шен дукхахдолу декхарш цаьрга кхочушдойтура мехкан керлачу дас. Амма цунна ша ирсе хета гена дара: б1аьрхьалха лаьтгара шех хеназа къаьстина бераш, х1усамнана. «Къахьобьгучаьрга» ша керла доьзал боло дагахь цахилар а д1ахьедира цо. Зама д1аобьхура. Луларчу пачхьалкхашкара куьйгалхой а бог1ура х1ара волчу дагабовла. Х1окхунах ч1ог1а тешаш бара берриге а. Шайн къайленаш а юьйцура кхуьнга. Цкъа луларчу цхьана паччахьо шен геланча ваййтира кхаьрга, ша ц1еравала дагахь хилар хоуьйтуш, ша ц1а верззалц йолчу ханна шен меттана мехкан 1уналла дан кхуьнан ши г1оьнча вайитар доьхуш. Кхуо, реза а хилла, вахийтира и шиь.

Пачхьалкхан г1уллакхаш деш каде хьийзара вахийтина ши к1ант. 1едал хийца бина кечам хилар хаделлачу цу шимма, зуламхой чубоьхкина, юхатуьйхира и кхерам. Лецначарна кхиэл яр мехкан да ц1аверззалц д1атеттира. Амма цуьнан х1усамнана лерина ларйора цул т1аьхьа. Чохь 1ен чобнаш а уллохь яра кхеран.

Цкъа шина к1антах цхьамма, шаьш садо1уш долуш, иштта къамел долиьра: «Сан доттаг1, дикка хан ю вай девза, амма ца хаьа вовшийн стенгара ву, да-

нана, йиша-ваша дуй а. Со-м плелг санна цхъаь вара кху дуьненахь, наха Барзоваьхьнарг олий, це йоккхуш. Хьо-х хир ма вацый цхъаь хилла а гергара стаг воцуш? Дийцахъа, хьо мичара, мила ву?» Вукхо иштта жоп делла оцу дехарна: «Иза хьал ду-кх соьгахь а. Ца хаьа суна, со стенгара ву. Оццу адамаша Хиэваьхьнарг олий, йоккху-кх сан це а, со хьахавеллачохь».

Дехъачохь церан и къамел хезашйолу паччахьан хлусамнана, кхетамчуьра а йолий, тата а оьккхуйтуш охъаюжу. Цунна мостаглаша цхъа зулам дина мотталой, ши клант, тарраш а дохий, дехъа чу оьккху. Амма кхетамчуьра яьллагунна юххехь, хи хьоьккхуш йолу къена гларбаш йоцург, кхин стаг ца караво. Кхано, меттаеьча, паччахьан хлусамнанас хоуйту шен догмалдаран бахъана: мацах цкъа хиэ а, барзо ваьхьначу, хлинца шена орцах кхаьчначу шина клентан нана ша хилар а, сел цлеххъашха тлемеьначу хазахетаро, са дладаххьал, ша кхетамчуьра яккхар а.

Ши клант ненах хъаьрча. Цу кхаанан ирсан бляьрхиш оьху. Шашшиь ши ваша хилар а, луларчу махка луналла дан шашшиь ваийтинарг шайн да хилар а гучудолу царна. Дуьненан меххал болу и хаза кхъа геланчига шайн дех длатохуйту цара.

Цу заманчохь цла кхочу кхара луналла дечу мехкан да. Шайн дена-нанна сел ямарт хилла волу иза, иманций, собарций цунна йоглу кхиэл ярхъама, цкъачунна хлумма а цахиллачух ладвуйту вовшахкхетгачу доьзало. Схъакхочу шина клентан да а. Кхаа дийнахь-бусий той лаятта, бухарчу паччахьо хьошалла а деш. Цул тлаьхъа хьешийн лаамца мехкан кхеташо гулло. Цуьнан декъашхойн кхиэле дуьллу хьешаша шайца мел хилларг. Теламнаха а, къаноша а сацам бо ямарт хиларна меттигера паччахь шен даржах мукъаваккха, ткъа махкахь паччахьалла тлемеьллу шина клентан нанна. Тлаккха вистхиллачу шина клентан дас олу: «Со хлинца воккха хилла, декхаршца лара а ца во, сайгара паччахьан дарж сайн воккхаволчу кланте дладалийтар бакьо йоьху ас, лераме къаной», – олий. Нанас а дийхира, шена кхаьчна паччахьалла жимахволчу кланте далийтахъара, аьлла. Цу тлехь барт а хилла, дласакъаьстира кхеташоне гулбелларш.

Цул тлаьхъа дукха хан ялале, юккъера доза дла а даькхина, шина пачхьалкках цхъаь а йина, къоман лааме а хьовсуш, паччахьалла длакхехьна шина вашас. Делан кхиэлана собарца хастам беш хиларна Аллахла тлаьхье беркате а йина церан.

Тлемеьнарг ийманца лан собаре, Шена хастаме хилар вайна а лойла-кх цу Сийлахьчу везачу Дала!

Эльжаева Элора

Маржа-я1, хаза ду дуьне...

Сатесна, сатесна суьйре,
Леккхачу ламанан к1аж!
Докъучохь массарна ирс,
Дависсарг, бер буй-те кхаж?!

Органан буьрсаниг г1овг1а –
Кхехкхачу ойланийн к1еж.
Вайн къона лаьмнаш а делла
Со санна хеназа къеж.

Ловзахъа, ловзахъа, тулг1е,
Шелдеш сан ц1елетта дог,
1амаеш дахарехъ тахна
Нийсачу баккха сайн ког

Ахь санна лобху ас синтем,
Безам а лобху, бакъду!
Челакха ойланийн хьадар
Хьо санна буьрса ма ду.

Сатесна, сатесна суьйре,
Леккхачу ламанан к1аж!
Докъучохь массарна ирс
Дависсарг бер буй те кхаж?!

Маржа-я1, хаза ду дуьне,
Б1аьстенца ч1ег1ардиг декаш,
Зевнечу зарзаран эшарш
Аренан сийналле кхийдаш.
Лаьмнаш т1е хуьйшуш ду шоршал,
Иллешца хестадеши уш.
Зевзалг ду Соьлжана доьлуш,
1енаеш тулг1ечу йиш.
Аьхе ю, аьхе ю т1аккха,
Сихьелла не1 тоха йог1уш,
1алам ду даточу тхица
Йоцачу буьйсана доьлхуш.
Малхаца г1оттуш ду н1аьвла,
Набарха яккхи цуо беш.
Лайлат ю хийисте хиьна –

Ц1еначу безаман теш.
Машаре адамаш кхойкхуш,
Дикалла хестаеш вайн,
Бенчуьра г1аьттина кхокха,
Стигланан сийналлехъ байн.
Масачу лечанан хелхар
Лаьмнаша къобал ма до,
Лакхенга кховдаеш ойла
Толамна г1аттаво цуо.
Маршонан йийсар шех хилла,
Лаьмнашка б1аьрг ма туьххи,
Куралло дахийна аьрзу
Башломан бохъ т1е доьсси.
Ишта ду, ишта ду дуьне,
Гуьйренца г1арг1улеш елхош.
Ишта ю, ишта ю зама
Адамаш сатийсамца 1ехош.

1995 шеран Соьлжа-г1алина лерина...

Кхайкхаза шело хьарчира дег1ах
Хьарг1ано, тухуш шен т1ам,
Баккхира хьан урамехъ ас
Дуьххьара дахаран чам.

Ца соцуш, хьийзара х1етахъ
Кхолламан декъаза хьайра,
Вайшиннан юкъара ирс
Чим хилла лаьмнашкахъ дайра.

Ц1ог1анца эт1ара стигла,
Эгабеш латта т1е бала,
Амма хьо лаьтгара майра,
Хилла хьайх болатан г1ала.

Соьлжанан кхехкара тулг1е,
Сецабеш мостаг1ийн б1о.
Деле хьо даггара йобхуш
До1анехъ д1атийра со.

Сан бералла керчара ц1ийлахъ,
Махьарца йохуш хьан ц1е.

Кхерстара сан догах х1етахь
Хьоьх яьлла сийна и це.

Ткъа х1инца-м ю вайшиь ирсе,
Ца оьшуш кхи дика леха,
Амма хьан 1аьржа и амат
Х1инцаь сан г1енашкахь деха.

Геналлехь анайист ягош
Кхечира исбаьхьа суьйре,
Безаман тезетахь г1ийла
Елхаеш дашо и гуйьре.

Сан сонта ойланаш санна
Ца хилла сан кхоллам майра.
Хьо вoьхуш ас дина до1а
Г1арг1улийн тийжарехь дайна.

Хьан велар, хьан хьежар, хьан дахар –
Сан деган йистйоцу бала.
Хаалахь, хиллий хьайх х1инца
Сан г1енийн кхайкхаза хьаша.

Хьо ду ас ца мелла шовда,
Сан язъяза йиссина байт.
Дешаза кьевлина жайна,
Безамо ца аьлла х1айт.

Ша дерриг, ша дерриг иза
Суна бен ца хуу кьайле,
Яздина ца хилла-кх Дала
Кхача хьан беша сан аьхке.

Хьо ду ас ца мелла шовда,
Сан жималло 1ехийна дог.
Дехар ду, дехар ду соьца
Хьан б1аьргийн г1айг1ане дохк.

**1995 шеран январь баттахь
Шуьйтахь еана цхьа
къьиза буьйса дагалоцуш...**

Лаьмнийн коьртех хьерча буьйса,
Г1ийла уг1уш хеза борз.
Ткъа сан догах хьерча г1айг1а
Хуьлий шех и аьчка х1оз.

Тахна санна дог1ур ду-те
Кханалера ирча де?
Вац-те цхьа а кху дуьненахь
Ййа г1еман къьиза це?

Со-м ца йoьлу, со-м ца ловзу –
Лаац йoхо тийналла.
Шуьйтан ломах чурт а дина
Ас д1адоьлли бералла!

Хусей Бостанов

Карачаево-Черкесия

Родился в селе Учкеекен КЧР в 1974 г. Окончил КЧГПИ (филологический факультет). Преподавал этику, культурологию, стилистику речи в филиале РГУ. Пишет стихи и прозу на русском и карачаевском языках. Участник Советаний молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик – 2008, Майкоп – 2009, Домбай – 2010, Цей – 2011, Махачкала – 2012), 9-12 Форумов молодых писателей России в Липках (2008–2010). Публиковался в республиканских газетах КЧР, журналах «Вайнах», «Нана», «Нюр».

Шаптал¹

Рассказ

Старый Сулейман молчал.

Он долго шурился, смотрел, кряхтел, сопел, молчал.

Уже несколько лет шаптал в конце огорода не давал урожая. Не суждено было, наверно, того Всевышним. Два года подряд пошел снег прямо во время цветения, а ночью был мороз.

Еще один год побил град. Крупный. Покрупнее самого шаптала. Так и лежали на земле градины и шапталы, белый, зеленый, неспелый.

А три года он и вовсе не уродился. Не уродился, и все тут.

– Э-э, – сказал тогда Сулейман, выходя на скамейку возле ворот, – видимо деревья тоже выходят на пенсию.

Но рубить дерево не стал. Не стал рубить на уговоры жены, домашних, не стал рубить даже когда в прошлом году засохла одна часть. Просто молча взял пилу и рано утром после азана, совершив молитву, спилил сухие ветви.

Наконец, в этот год шаптал зацвел так, что на него слетелись пчелы даже из пасек соседнего селения и им всем хватило цветов. Лето выдалось засушливым, и старый Сулейман, кряхтя в такт плескавшейся воде в ведрах, относил и поливал, делал какие-то настойки из трав, опрыскивал, чтобы не появлялись черви.

Когда появились первые спелые плоды, старик собрал их в корзину вместе со старшим внуком и с самого утра ждал ребятшек, чтобы угостить их шапталом.

Ребята, увидев старого Сулеймана на завалинке возле дома вместе с корзиной, полной спелых абрикосов, поспешили.

– Салам алейкум, Сулейман-ака, это все нам?

– Алейкум ассалам. Вам, ешьте, дети. Дай Аллах вам силы на руки и ум в головы.

Еще долго разговаривали дети и старый Сулейман.

Вечером попробовали шаптал и все домашние. Старый Сулейман с аппетитом съел один шаптал.

Ночью старик умер.

Когда, по мусульманскому обычаю, покойника обмывали, с правой руки осторожно сняли четки, на ладони левой руки лежала косточка шаптала.

На семейном совете было решено посадить эту косточку во дворе.

¹ Шаптал (карач.) – абрикос.

Асламбек Якубов**Поздняя осень...**

Запылала красным цветом
Кисти сочные рябин,
Под осенним чистым небом
Реют нити паутин.

Ветры дуют расплетая
Их причудливый ажур,
И хрустит, грусть навевая,
На земле сырой пурпур.

Золотой тисненой вязью
Лист ореховый лежит,
И его, мешая с грязью,
Дождь промозглый все кропит.

На полях продрогших иней
Серебрится по утрам,
О поре идущей зимней
Мир нашептывает нам.

В Урюпинск, или же в Сясьстрой,
Где лес дремучий и такой,
Чудесный вид из жирной грязи,
Там где растут кривые вязы.
Чернеют в смолах избы-срубы,
Где ржавые в траншеях трубы,
Текут, грозя потопом луж,
Где в дефиците теплый душ
И санузлы в квартирах душных,
Взывают все к властям бездушным
И где сегодня, как вчера –
За водкой очередь с утра,
Где мат забористый да драки,
Где бесприютные собаки
Снуют повсюду и рычат,
Где девки пьяные визжат,
А парни, парни удалые,
Лежат в кровях, но нет, не злые,
Сжимая нежно, будто милку,
«Сверхдрагоценную» бутылку;
Где на завалинках вдоль улиц,
Напоминая чем-то куриц,
Сидит беззубых бабок ряд
И кости моют всем подряд.
Где могут запросто за грош
За сапоги, за макинтош,
Любого взять и порешить,
А на добычу закупить.
Где жизнь простого человека
Ценой в полушку и от века,

Стоит, не поднимаясь вверх,
Но поднимается на смех
Все, что возвышенно и чисто –
Раздольный край для анархиста,
Для экстремала, пофигиста.
И даже, если хочешь знать,
Он тест приемлемый вполне
Решившим побывать на дне
И жизнь российскую прознать
Во всей ее красе старинной...
Или разбавить мир рутинный
Частицей жизни непривычной,
И экзотичной, и чумной,
Давай-ка, друг мой закадычный,
Туда смотаемся с тобой.

**Стихи из цикла
«Одесские мотивы»**

Мир озаряя светом,
Ушло, умчалось лето...
И вот все чаще ветры
стучат в мое окно.
Вся в позолоте нива,
Роняет листья ива
И только одной ели
как будто все равно.

Цветок к земле склонился,
Пред осенью смирился,
Летят, курлыча в небе,
печально журавли,
И день так быстро тает,
И мир весь замирает,
Как будто бы и не было
шумливых дней земли.

С теплом во вздоре море,
И волн терзает горе,
Плывут по ним, качаясь,
ритмично корабли.
Вот так же все промчится,
И молодость как птица
Вспорхнет от нас и скроется
навек там, вдали.

Юному рахметовцу

Запрягаю характер в упряжку,
Мысли дерзкие бьют через край,
Господин разум, просим в коляску,
Направление прежнее – рай!

Перетянуты нервы-постромки,
Заплутался ли конь в суете,
Но теперь я помчусь, как по струнке,
К высоте, высоте, высоте.

Рай земной – неземные страдания,
Где начало позиции – долг,
Возведу для себя в себе зданье,
Благо, есть опыт, будет и толк,

Ну а если мой конь вдруг восстанет
И, пристав на дыбы, повернет,
Совесь-кнут его мигом достанет
И меня снова к цели рванет.

Шатой

Стою у бездны на краю
В краю высоких, снежных гор,
И созерцать не устаю
Очаровательный простор.

Подобно горному орлу,
Стремятся мысли здесь в полет,
Летят они, пронзая мглу
Равнинных суетных забот.

Клопочут чувства и бурлят
В груди, подобно Аргуну.
Я весь восторгами объят,
У чудных этих мест в плену.

Пленен я дикой красотой,
Картиной гор я поражен,
Жемчужина Чечни – Шатой,
В тебя я с детских лет влюблен.

Твоих студеных родников
Хрустально-чистый перезвон –
Мотивы юношеских снов,
Далеких лет приятный фон.

К тебе стремился я, Шатой,
Через преграды долгих лет,
Чтоб окунуться в воздух твой,
Которого свежее нет.

Хранят следы отроги гор
Всех исторических времен,
Стоят и башни до сих пор
Свидетельством минувших войн.

Здесь в первозданной чистоте
Пейзаж природы предстает,
И здесь на самой высоте
Живет прекраснейший народ.

Хранит он в строгости святой
Обычаи далеких лет,
Здесь вам как гостю рад любой,
Радужней горца в мире нет.

Наследники седых веков,
В себя вобрали стар и млад
Прозрачность чистых родников
И твердость каменных громад.

И глубина, и вышина
Сошлись в соседстве тесном здесь,
Чтоб суть исчерпывать до дна
И подниматься до небес.

Высоким слогом одержимый

Высоким слогом одержимый,
Я вновь пишу тебе, мой друг.
Душа моя неупорядочима,
Влечет к тебе под сердца стук.

Ложатся строки на бумагу,
Вдогонку мыслям торопясь,
Мне важно их, подобно магу,
Сплести в чарующую вязь..

Ну, а с небес струится нежный,
Огромный лунный водопад,
А я же вновь, все делом грешным,
С покоем ночи невпопад.

Презрев все штатные режимы,
Тебе стихи слагаю вновь,
Высоким слогом одержимый,
Моя бесценная любовь!

Малика Гортикова

Историческая литература о предпринимательстве в Чечне во второй половине XIX – начале XX вв.

В последнее время в обществе возрос интерес к изучению проблемы предпринимательства. С одной стороны, это связано с переходом России в конце XX века к рыночным отношениям (следствием явилось выделение в структуре общества нового слоя – современных предпринимателей), а с другой, – необходимостью изучения проблемы предпринимательства в Чечне, что обусловлено позитивным курсом отечественной исторической науки на расширение и актуализацию тематики научных исследований.

Безусловно, проблема предпринимательства как составная часть капиталистического развития чеченского общества в конце XIX – начале XX вв. имеет огромную значимость. Для дальнейшего развития отечественной исторической науки важным становится анализ развития торгового капитала в крае в пореформенный период. Актуальность изучения данной темы подтверждает и то, что особенностью зарождающегося капитализма в Чечне в XIX веке явилось накопление торгового капитала как основной формы первоначального накопления капитала вообще.

Важной темой авторов современных исследований до сих пор остается также проблема генезиса капитализма в дореволюционной Чечне. В связи с этим представляется особо значимым выявление роли отдельных слоев общества в данном процессе. Исследование такого социального слоя, как купечество, из которого формировалась буржуазия Чечни, до последнего времени не входило в круг научных проблем местных авторов. Многие стороны его функционирования оставались неизученными. Это обусловлено, прежде всего, тем, что сам факт существования капиталистического уклада в экономике Чечни считался несостоятельным. В связи с этим, важным является изучение комплекса вопросов, относящихся к различным аспектам социально-экономического развития края. Более глубокому изучению этих процессов, на наш взгляд, содействует историография истории дореволюционной Чечни.

В советское время проблема специфики процесса формирования капиталистических отношений в отдельных регионах страны, в том числе и в дореволюционной Чечне, оставалась недостаточно изученной. Большинство работ этого периода имеет обобщающий характер, дается анализ социально-экономического развития края в целом. Между тем, региональные исследования способствуют объективному анализу проблемы развития всей страны.

Как известно, процесс познания истории Кавказа и, в частности, Чечни, был открыт русским приказным кавказоведением в XVI–XVII вв. и не прекращался даже в сложный период Кавказской войны.

Говоря о деятельности дореволюционных историков и публицистов, отметим, прежде всего, исследовательский дар Умалата Лаудаева – первого чеченского просветителя, который впервые на русском языке представил российской общественности серьезное исследование по истории чеченского народа. Его историко-этнографический очерк о чеченском племени охватывает обширные хронологические рамки (от первых сведений о чеченцах до 70-х годов XIX века). Данная работа, написанная автором на основе ранее изданных работ по Кавказу, собственных наблюдений и собранных полевых материалов, является значимым памятником отечественной науки. Переселение чеченцев с начала XVIII века на плоскость автор рассматривает как новый этап в их жизни, это касается и заселения аулов несколькими фамилиями, что привело к возникновению больших аулов. По У. Лаудаеву, древнейшим и наиболее обустроенным аулом на плоскости был Чечен-аул, где имелись свои лавки (тукен), владельцы которых являлись представителями разных

национальностей. Как видим, данное исследование подтверждает тот факт, что в XVIII веке в равнинных чеченских селениях получает развитие столь характерный вид частного предпринимательства, как торговля. При этом следует отметить, что Чечен-аул являлся известным торговым центром еще в XVII веке. К примеру, сведения об этом содержатся в работе Т.А. Исаевой. Автор, в частности, разделяет вывод исследователя Т.Х. Кумыкова о том, что вовлечение во всероссийский рынок ряда северокавказских народов (по предположению Т.А. Исаевой, в том числе чеченского) началось с XVI – XVII вв. Уже тогда избытки предметов домашнего производства и ремесленные изделия предназначались для внутреннего и внешнего обмена.

В контексте исследуемой проблемы представляет интерес и то обстоятельство, что предки самого У. Лаудаева (кстати, ротмистра, удостоенного за воинскую службу на Кавказе ряда царских наград, а также земельного надела в 150 десятин) были по тем временам состоятельными людьми, являлись собственниками земель. Характерно, что один из них (прадед исследователя – чермоевец, владелец «рогатого скота» Ногай-Мирза) при переселении из горной местности (Ичкерии) на плоскость, при покупке земли, для определения ее качества, использовал своеобразное средство – меру для хлеба (коровы должны были наполнить меру (гирди) одним удоем каждая).

Исходя из данного сообщения У. Лаудаева, можно предположить, что его предок, имевший среди других предметов хозяйственного быта явный атрибут торговли, наряду с таким занятием, как скотоводство, вполне мог вести и прибыльные купеческие дела. Кроме того, в работе У. Лаудаева содержится ценное сообщение об активной деятельности торговцев (русских и чеченских) на многочисленных базарах в современный ему период.

Среди российских исследователей и писателей второй половины XIX века было немало настоящих знатоков истории кавказских горцев. В их многочисленных трудах содержатся ценные сведения по истории Кавказа. Так, в середине XIX столетия появился один из самых первых в русской научно-популярной литературе историко-этнографический очерк капитана царской службы К. Самойлова с описанием основных черт социальной организации чеченского общества вплоть до 50-х гг. XIX в. Данная работа, опубликованная в 2-х томах журнала «Пантеон», стала первым обширным трудом, в котором были отражены историко-этнографические особенности чеченского народа. На наш взгляд, новаторство К. Самойлова проявилось в том, что в своих заметках о Чечне I половины XIX века он впервые указывает на социальную неоднородность чеченского общества (разделение на сословия), тогда как вплоть до середины XX века (до проведения в 1962 году известной научной сессии Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы) ученые считали, что в чеченском обществе не было классовой дифференциации.

Освещая хозяйственную деятельность чеченцев в середине XIX века, К. Самойлов уделяет внимание роли местного купечества в экономической жизни общества. Представляют интерес сведения о том, что в торговых лавках крепости Грозной коммерцией занимались представители разных национальностей, в основном армяне и евреи, и, кроме того, среди торговцев отмечено несколько русских мещан и купцов 3-й гильдии.

Автор отмечает еще сохранившийся меновый характер торговли, а также описывает ярмарку, открытую вблизи крепости Грозной в 1850 году, куда было разрешено доставлять товары и горцам, подвластным имаму Шамилю. Имеет значение и сообщение о том, что грозненская ярмарка в середине XIX века обеспечивала реализацию различных продуктов сельского хозяйства и ремесленного производства, тогда как сбыт хлеба, с древних времен практиковавшийся среди чеченцев, в силу некоторых обстоятельств был прекращен.

Сведения К. Самойлова о развитии ранних капиталистических отношений в дореволюционной Чечне, по сути, фрагментарны, однако имеют важное значение

для научного освещения проблемы развития местного предпринимательства.

Кроме того, материалы о социально-экономическом развитии дореволюционной Чечни содержатся во многих других источниках, в том числе и в «Актах, собранных Кавказской Археографической комиссией» (Тифлис, 1866–1904 г.), «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборниках сведений о кавказских горцах», «Терском сборнике», «Военном сборнике» и др.

При всем многообразии источников, существенным недостатком дореволюционной историографии является (за редким исключением) отрицание наличия социальной борьбы в чеченском обществе. При этом следует отметить, что, кроме У. Лаудаева, наличие социальных различий у чеченцев в прошлом признают, по утверждению А.И. Хасбулатова, такие дореволюционные авторы, как Ч. Ахриев, Н. Харузин, Б. Далгат. Кроме того, общий недостаток работ дореволюционного периода – фрагментарность. Тем не менее все они остаются неоценимыми источниками при исследовании проблемы развития местного предпринимательства.

Обратимся к новейшей истории. Как известно, идеология и образ жизни советского общества отрицали идею частного предпринимательства. Поэтому работы по изучаемому вопросу практически отсутствовали. Вне сферы научного исследования (за редким исключением) оставались механизмы становления частного капитала, основы рыночной конкуренции, кредитная система и т.д. При этом историки Чечено-Ингушетии провели серьезную работу по сбору фактического материала, в котором отражена история экономического развития дореволюционной Чечни в связи с ее включением в политическую и экономическую систему России. Много сил и большого кропотливого труда потребовалось местным ученым для того, чтобы доказать в общественном строе дореволюционной Чечни развитие капиталистических отношений.

Объективную оценку изменениям социально-экономического развития горцев под влиянием российского капитализма в своих трудах дают такие исследователи, как Н.П. Гриценко, Л.Н. Колосов, В.П. Крикунов, Н.А. Тавакалян, Б.В. Скитский, А.В. Фадеев, А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов, Х.А. Хизриев, Т.А. Исаева, С.А. Исаев и др. Заслуга этих авторов в том, что им удалось опровергнуть ложный тезис о том, что будто бы чеченцы не прошли феодальной и капиталистической стадий развития общества.

Следует отметить, что в первой половине XIX века история местного предпринимательства, в том числе банковского капитала, практически не изучалась. Со второй половины XX века как в целом в стране, так и в Чечено-Ингушетии появляется целый ряд трудов по истории развития капитализма в крае. Однако деятельность буржуазии представлена в них очень негативно. И все же в данных работах, основанных на богатом фактическом материале, были исследованы различные стороны предпринимательской деятельности горцев, в том числе формирование и развитие торгово-промышленного класса, становление банковской системы и т.д.

Поворотной вехой в изучении социально-экономических отношений в дореволюционной Чечне стала научная сессия по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860–1940), состоявшаяся в 1962 году в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка, литературы и экономики. Одним из аспектов темы сессии явилась проблема социально-экономических отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в пореформенный период. Вынесение ее на обсуждение трудно переоценить, поскольку единого, научно-обоснованного мнения по этому вопросу в ученой среде еще не было.

Первую попытку дать трактовку данной проблемы предпринял московский ученый А.В. Фадеев в небольшом своем исследовании «О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России». В этот период публикуются также труды местных исследователей, в том числе работа Н.П. Гриценко «Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII и первой половине XIX века».

Огромная заслуга в изучении социальных сдвигов в экономике Чечни во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежит профессору Л.Н. Колосову. Монография Л.Н. Колосова по истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии содержит ценный материал, на основе которого исследуется процесс развития капиталистических отношений в дореволюционной Чечено-Ингушетии с середины 90-х годов XIX века до революционного периода. При этом автор использует объективный подход в изучении проблемы, не подвергая искусственному разделению территории, где складывалась хозяйственная и культурная общность людей разных национальностей. В связи с этим исследуется не только территория, где проживали преимущественно чеченцы и ингуши, но и административные пункты, заселенные сунженским, терским казачеством и русским населением.

Освещая процесс проникновения капиталистических отношений в Чечено-Ингушетию в пореформенный период на примере развития промышленности, торговли, кредита, Л.Н. Колосов делает акцент на таких элементах капиталистических отношений, как формирование финансового капитала (большей частью, иностранного) в связи с развитием нефтяной промышленности, повышение роли местного купечества в экономической жизни, развитие современных форм кредита, рост товарности сельскохозяйственного сырья и продуктов животноводства.

Большой вклад в изучение исследуемого вопроса внес профессор А.И. Хасбулатов, перу которого принадлежит ряд значимых научных трудов.

Вопрос о товарном земледелии терских казаков во второй половине XIX века освещен в исследовании В.И. Денискина. Автор рассматривает зерновое хозяйство (оно интенсивно развивалось с конца 70-х гг. XIX века) как одну из характеристик общей картины экономической жизни, путей и глубины проникновения товарно-денежных отношений в казачью среду, степени социального расслоения. Работа представляется значимой, поскольку аспекты темы, связанной с развитием капитализма вширь, остаются недостаточно разработанными.

Важной для нашего исследования является работа С.М. Елсаевой, посвященная анализу источников по социально-экономической, политической и культурной истории Северного Кавказа конца XIX – начала XX вв. К группе источников, в которых раскрываются социально-экономические процессы в регионе, автор относит вышедшую в 1956 году «Хрестоматию по истории Осетии». Здесь содержатся новые сведения по актуальным проблемам истории народов Терской области (осетин, чеченцев, ингушей), в которых отражено историческое развитие края, в том числе в период формирования капиталистических отношений.

Определенный интерес представляют также материалы железнодорожного строительства и эксплуатации линий, сохранившиеся в фондах Центрального государственного исторического архива (ЦГИА СССР), в том числе ф. 219, ф. 231, ф. 268, ф. 273. В частности, нас могут заинтересовать, по всей вероятности, еще неиспользованные документы об истории строительства линии Беслан – Петровск – Владикавказ, а также статистические сведения о грузоперевозках, которые осуществлялись по этой дороге.

Согласно источникам, сбором сведений о социально-экономическом развитии края занимались в прошлом местные статистические органы Терской и Дагестанской областей. Так, Терским статистическим комитетом в конце XIX века были выпущены 2 тома статистических таблиц и карта Терской области. Позже появляются «Терские календари», где наряду с другими сведениями публиковались статистические данные о развитии торговли, а также сведения о вывозе и ввозе товаров со всех железнодорожных станций, находившихся в пределах Терской области.

Кроме того, данные о внутренней торговле, другие сведения о жизни в крае в XIX веке содержатся в «Кавказских календарях», в северокавказской прессе, в том числе в газете «Кавказ» и в официальном органе администрации Терской

области «Терские ведомости», ежемесячных исторических журналах «Русский архив» (Москва), «Русское богатство» и «Русская старина» (Петербург). Кстати, согласно источникам, до 1905 года почти все газеты выходили на русском языке.

В корпус значимых источников входят труды профессора Ш.Б. Ахмадова по вопросам развития экономических процессов в Чечне в XVIII – начале XIX вв. Важной для нашего исследования является работа ученого, в которой представлены источники о социально-экономическом развитии переселенческой деревни Терской области в пореформенный период. В частности, в их числе автор указывает фонды: 11-й «Терского областного правления» и 12-й «Канцелярии начальника Терской области» Центрального Государственного архива Северо-Осетинской АССР, а также ряд фондов Центрального Государственного архива ЧИАССР, в том числе фонды: 22-й «Грозненского отделения Азово-Донского коммерческого банка», 50-й «Грозненского уездного казначейства», 54-й «Грозненского городского общественного банка».

Некоторые сведения о развитии торговли в крепости Грозной во второй половине XIX века (в том числе на основе работ К. Самойлова и А. Зиссермана) приводит Н.П. Гриценко в исследовании о развитии городов Северо-Восточного Кавказа. Так, в его работе содержится интересный статистический материал, который характеризует интенсивность торговых оборотов двух меновых дворов – Амир-Аджиуртовского в Чечне и другого, расположенного в казачьей станице Червленной. По Н.П. Гриценко, только Амир-Аджиуртовский меновой двор обслуживал десятки кумыкских и чеченских аулов, реализуя горцам множество товаров, в том числе российских. Исходя из сведений о позитивных сдвигах в экономической жизни чеченского общества, исследователь приходит к выводу о том, что крепость Грозная постепенно превращалась в административный и экономический центр.

Крупным вкладом в изучение истории возникновения и становления нефтяной промышленности, а также роли банковского капитала в развитии капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии явился капитальный труд Л.Н. Колосова по истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий. Заслуга Л.Н. Колосова, в частности, состоит в проведенном им анализе деятельности Съезда терских нефтепромышленников – организации крупного монополистического капитала, выявлении – на примере Грозненского промышленного района – участия русского и иностранного (захватившего ключевые позиции) капиталов в нефтяной промышленности, повышения роли банковской системы в экономической жизни Чечено-Ингушетии.

По нашему мнению, утверждение исследователя о «загнивании» капитализма, выдвинутое в условиях советской действительности, было вынужденной мерой, поскольку в пореформенный период, как видно из содержания вышеназванного труда, имелись позитивные возможности для развития местной нефтяной промышленности.

Разнообразный фактический материал по вопросам социально-экономического развития Чечни в пореформенный период содержится в работах А.В. Фадеева, Н.П. Гриценко, Н.И. Штанько, Б.А. Калоева, И.Ф. Мужева, Ф.В. Тотоева, Б.Х. Ортабаева, Т.Х. Кумыкова, А.А. Саламова, Г.А. Гантемировой, В.П. Крикунова, Б.Г. Габисова, Л.В. Куприяновой, И.Х. Дамения, З.Х. Ибрагимовой, обобщающем труде – сборнике «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней». Труды этих авторов насыщены некоторыми важными сведениями о становлении предпринимательской деятельности в дореволюционной Чечне.

Особое место в группе важных источников по изучаемой проблеме занимает первый том фундаментального исследования по истории Чечни, написанный известными современными учеными-кавказоведами и исследователями. В данной работе, представляющей собой первую в отечественной историографии Северного Кавказа попытку обобщающего освещения истории чеченцев и

охватывающей хронологический период с древнейших времен до конца XIX века, представлен богатый фактический материал о социально-экономическом развитии Чечни в 60 – 90 гг. XIX века. В этом большая заслуга профессора А.И. Хасбулатова – автора соответствующего раздела вышеназванного академического издания.

Среди целого ряда исследований нам удалось выявить также работу, непосредственно посвященную исследуемой проблеме, – труд Х.С. Ахмадова о капиталистическом предпринимательстве в Терской области в конце XIX – начале XX вв. Безусловно, это содержательное исследование, насыщенное значимыми фактами, способствует изучению вопроса о предпринимательстве в Чечне, однако не может претендовать на широту охвата данной научной проблемы. Во-первых, в работе представлена картина частного предпринимательства в крае в целом, а не в дореволюционной Чечне в отдельности, и, во-вторых, сфера научного интереса автора ограничивается изучением вопроса в рамках горнозаводского дела.

Наконец, серьезным подспорьем для нашего исследования являются труды молодого ученого З.Х. Ибрагимовой. Особый интерес представляет ее работа, в которой впервые в отечественной историографии представлен комплекс сведений, полученных из массовых статистических источников. К примеру, в таблице 42 приведен список местных предпринимателей (среди них и такие владельцы наиболее крупных сельских предприятий, как Селтхан Солтаханов из с. Беной, Янгулбай Алумкажев из с. Энгеной, Бирта Тангаев из с. Мехкеты), которые трудились в Чечне в конце XIX века. Эти важные сведения дополнили формируемый нами банк данных о местных коммерсантах второй половины XIX – начала XX вв. Несомненно, такие источники значительно расширяют наше представление о формировании и развитии предпринимательства в Чечне.

Таким образом, накопленный в отечественной историографии ценный материал при его обобщающем анализе является солидной базой для изучения истории предпринимательства в дореволюционной Чечне. В своих трудах историкам Кавказа удалось показать, что, наряду с процессом вовлечения края в систему экономического развития России, рост товарно-денежных отношений происходил непосредственно в самой Чечне.

Подводя итог краткому историографическому обзору проблемы, отметим, что, к сожалению, неизученным оказался еще целый ряд аспектов темы предпринимательства в Чечне, в том числе и тема социальной трансформации в коммерческой среде. Весомый вклад внесли исследователи в изучение базисных процессов экономического роста (достаточно хорошо разработаны темы формирования рабочего класса, его роли в жизни общества, социальной трансформации сельского общества, что явилось подтверждением роста и развития товарно-денежных отношений). И все же до последнего времени ученым не удалось достаточно глубоко изучить социальную проблематику, провести исследование анализа общественного слоя предпринимателей Чечни и т.д.

Некоторые труды авторов, написанные в советский период, были подвержены влиянию догм, которые предопределили критический подход к предмету исследования, стремление воспринимать буржуазию как «классового врага».

В связи с этим перед нами стоит задача показать объективную историю развития местного предпринимательства, истоки зарождения которого прослеживаются еще в древности.

**Асет Абубакарова,
Мадина Ахмадова**

День Победы приближали, как могли...

Чеченские женщины с первых дней Великой Отечественной войны приняли активное участие в защите нашей Родины, воевали на фронте, самоотверженно трудились в тылу: перевыполняли планы государственных поставок продукции сельского хозяйства, животноводства, промышленности, отправляли нашим воинам теплые вещи, посылки сподарками, сдавали на нужды фронта свои деньги, фамильные украшения, ухаживали за ранеными бойцами, сдавали кровь.

Актриса Тамара Алиева

Чем дальше отдаются раскаты Великой Отечественной войны, тем значительней и полнее раскрывается подвиг советских граждан. Чеченский народ внес существенный вклад в дело победы над фашизмом, однако долгое время тематика героического участия чеченцев в Великой Отечественной войне была под запретом. В настоящее время обнаруживается все больше и больше новых свидетельств о ратных и трудовых подвигах представителей чеченского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Тема эта по-прежнему остается одной из актуальных и малоизученных в чеченской истории. Десятки лет «чеченоведы» всех мастей пытались навязать советской общественности миф о бандитских наклонностях чеченцев, и в доказательство тому всегда вытаскивался либо имевший место единичный случай, либо приписывались измышленные свидетельства и факты.

Чеченцы наравне с представителями других народов Советского Союза яростно сражались за Родину с фашистами, проявляя мужество, героизм и отвагу. Воины из нашей республики сражались в Брестской крепости, на Украине, в Белоруссии, Крыму, под Москвой и на Черном море, защищали Ленинград и Кавказ, участвовали в боях за Сталинград, в Чехословакии, Польше, в боях за взятие Берлина, т.е. на всех фронтах войны. И многие из них добровольцами уходили на фронт, а благословляли и напутствовали их матери.

Руководитель поискового центра «Подвиг» Союза ветеранов войн С.С. Кашурко писал: **«На защиту огромной многонациональной державы маленькая кавказская республика послала более 40 тысяч лучших сынов и дочерей, смотревших на это как на исполнение своего святого долга. Сражаясь, они проявили высшую воинскую доблесть».**

В то самое время, когда их мужья, сыновья и братья бились с врагом, женщины-чеченки, как и все представительницы других наций, проживающих в республике, активно подключились к тыловой работе.

Все тяготы войн веками ложились на женские плечи, и наши чеченки, привыкшие стоически выносить бремя невзгод, готовы были отдать себя и свои силы делу победы.

С первых дней Великой Отечественной войны на всех фронтах существенный вклад в общее дело победы над фашистской Германией внесли труженики тыла Чечено-Ингушетии. Экстремальные условия войны только увеличили социальную и политическую активность женщин. Масштабная работа государственных органов по вовлечению женщин в работу на нужды войны встречала живой отклик и большую инициативу со стороны самих женщин. Впервые в истории женщины-горянки, в частности чеченки, приступили к массовому овладению «мужскими» профессиями слесарей, шоферов, трактористов, комбайнеров, заменяя ушедших на фронт мужчин. Трудящиеся с энтузиазмом участвовали в создании всенародного фонда обороны Родины. В этом процессе активное участие принимали наши женщины, которые сдали 6612 рублей наличными, подписались на 42500 рублей облигаций. Сельские женщины-чеченки собрали и сдали в первые же дни войны 8 кг серебра и других ценностей (фамильные украшения, которые передавались по наследству детям и внукам). Это ли не доказательство высокого патриотизма?! Нуждам фронта ежедневно требовались сельхозпродукты, теплая одежда. Тысячи посылок отправлялись на передовую бойцам с шерстяными вещами, которые вязали по ночам натруженные руки чеченок. А какие бурки, вяленные умелицами из аулов, получали наши кавалеристы на фронтах!

Актриса Ася Исаева

В тяжелых условиях войны народы республики успешно решали ответственные задачи, которые ставила перед страной военная ситуация. В самые сжатые сроки рабочие, труженики сельского хозяйства и интеллигенция осуществили перестройку народного хозяйства на военный лад. Все заводы и фабрики республики с первых же месяцев войны работали на нужды фронта. Перестройка работы обеспечивала четкое выполнение и перевыполнение военных заказов. На заводе «Красный молот» в сентябре 1941 г. выпуск товарной продукции по сравнению с маем того же года возрос на 133 процента. Уже в начале войны 1941 года на предприятия нефтяной промышленности «Грознефть» пришло на работу 200 женщин.

В то время, когда более 6% всего населения республики (до 30-ти тысяч человек) воевали на передовой, около 17 тысяч человек находились в ополчении по защите Грозного и его окрестностей. В санитарные дружины, которые создавались при отрядах ополчения, записывались сотни женщин.

Женщины Чечено-Ингушетии внесли также значительный вклад в создание Северокавказского рубежа, в строительство оборонительных сооружений в районе Грозного, о чем свидетельствуют следующие примеры.

В перечне неполного списка труженников тыла по ЧИАССР 1941–1945 гг., который составлен в Архивном управлении Правительства ЧР, значатся следующие лица:

1. Ойсаева Балаха – с. Хамби-Ирзе
2. Мутугаева Майманад – Хамби-Ирзе
3. Шерипова Луиза – с. Ведено
4. Бибиева Сауна – с. Махкеты
5. Бершигадова Эсита – с. Сельментаузен

6. Алиева Лидия – п. Гикало
7. Керимова Тумиша – с. Горячеисточненское
8. Абуева Тавсари – с. Кень-Юрт
9. Абазова Кели – с. Чишки
10. Оздамирова Куржан – г. Гудермес
11. Кусаева Барят – г. Гудермес
12. Исрапилова Шапаат - с. Ишхой-Юрт
13. Абдулкаримова Петимат – с. Ишхой-Юрт
14. Дукуева Бучу – г. Гудермес
15. Исмаилова Забилат – с. Энгель-Юрт
16. Магомадова Фариза – г. Грозный
17. Даутова Фатима – г. Грозный
18. Мацаева Арубика – г. Грозный
19. Хататаева Асмарт – с. Аллерой
20. Умарова Хозу – с. Бачи-Юрт
21. Эдилсултанова Поллу – с. Гелдаген
22. Токаева Кужан – г. Грозный
23. Абзаева Малика – г. Грозный
24. Ахматова пача – с. Беной
25. Чинаева Бизат – с. Замай-Юрт
26. Эдилова Исану – с. Зандак
27. Айдамирова Яса – с. Ножай-Юрт
28. Албасханова Биги – с. Ножай-Юрт
29. Джарлаева Таита – с. Ножай-Юрт
30. Минкаилова Сайламат – с. Симсир
31. Зелимханова Мату – с. Чурч-Ирзу
32. Махагова Хадишат – г. Грозный
33. Мусаева Хапты – г. Грозный
34. Мержуева Маркаты – г. Грозный
35. Матаева Зайдат – г. Грозный
36. Абкарова Яха – г. Грозный
37. Хасуева Тайбат – г. Грозный
38. Талгаева Яха – г. Грозный
39. Хасьянова Зайда – г. Грозный
40. Тагирова Заба – с. Урус-Мартан
41. Исаева Зина – с. Гойты
42. Яхьяева Асьма – с. Гойты
43. Тембулатова Асьма – с. Гойты
44. Абдуллаева Сацита – с. Шатой
45. Ибаева Хамсат – с. Шатой
46. Эдильгереева Эклима - с. Бурунское
47. Элисолтанова Медиса – ст. Шелковская
48. Тесаева Зайтуна – ст. Шелкозаводская

А вот информация о некоторых из наших героинь, не попавших в упомянутый список.

Тамара Идилова (Насаева), жительница селения Гехи Урус-Мартановского района, награждена медалью «**За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.**». В 1942 году она и сотни других женщин-чеченок рыли противотанковые рвы в Староюртовском районе на участке Толстой-Юрт – Горячеводск.

Маруса Азизова, проживающая в селении Гойты Урус-Мартановского

района, за активное участие в строительстве оборонительных сооружений удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Асиева Салиха из селения Алхан-Юрт Урус-Мартановского района, депутат ЧИАССР в 1938–1944 гг., награждена грамотой руководства ЧИАССР 1943–1944 гг. «За активное участие в деле организации тыловых работ». **Мусаева Залпа**, жительница г. Грозного, была оператором на Старых промыслах. А в 1941 году она работала на Грозненском военном заводе: точила на станке снаряды для «Катюш», трудилась до выселения в 1944 году. И таких примеров сотни...

Созидательным трудом тружеников тыла создавались не только материальные, но и социально-политические, идеологические условия для разгрома врага. Во всех трудовых коллективах республики царил патриотический подъем. Более 28 предприятий Чечено-Ингушетии к осени 1941 года были переведены на выпуск вооружения, и число их с каждым днем увеличивалось. Уже в 1942 году выпускалось более чем 90 названий боеприпасов и вооружения. Все трудящиеся народного хозяйства республики объявили себя мобилизованными до окончательной победы над фашистскими захватчиками.

Колхозы Чечено-Ингушетии в фонд Красной Армии засеяли сверх плана несколько тысяч гектаров сельскохозяйственных культур, тысячи женщин трудилось на этих полях. За самоотверженный труд были награждены работники сельского хозяйства республики У. Хабалова, М. Джабраилова жительницы Староюртовского района и многие другие.

2 декабря 1942 года в нашей республике, по инициативе комсомольцев с. Гатын-Кале Шатойского района, начался сбор средств на постройку бронепоезда имени Асланбека Шерипова. На его постройку к началу января 1943 года было собрано более 13,5 млн. рублей, а уже через месяц эта сумма достигла 15 млн. рублей. По сведениям Сборника документов и материалов по культурному строительству Чечено-Ингушетии (1941–1980 гг.), средства на строительство бронепоезда имени Асланбека Шерипова были собраны по следующим 19-ти районам республики: Сунженский – 226117, Урус-Мартановский – 1036741, Шалинский – 802000, Курчалоевский – 696844, Ачхой-Мартановский – 622680, Шатоевский – 19858, Веденский – 544543, Нижне-Наурский – 335000, Ст. Атагинский – 284694, Назрановский – 276000, Галашкинский – 211755, Гудермесский – 201504, Шароевский – 345143, Чеберлоевский – 441527, Итум-Калинский – 172630, Ножай-Юртовский – 404208, Старо-Юртовский – 156558, Саясановский – 60257, Грозненский сельский – 437984 рублей.

В январе 1943 года лично И.В. Сталин послал благодарственную телеграмму в Чечено-Ингушскую АССР по этому поводу, передавая «... **братский привет и благодарность Красной Армии трудящимся республики**». В это же самое время трудящиеся усердно изучали военное дело, готовясь стать резервом Красной Армии.

В течение 1941–1942 годов Чечено-Ингушетия отправила на фронт 41643 кг мяса, 8319 кг рыбы, 4103 кг жира, 2914 кг сыра, 23599 штук яиц, 3814 кг кондитерских изделий, 85866 кг фруктов и овощей, 6415 кг круп, 17819 литров молока, 11813 пар шерстяных перчаток, 8217 пар шерстяных носков, 828 полушубков. За этот период из Чечено-Ингушской республики было послано коллективных посылок на сумму 807750 рублей, 2417 индивидуальных посылок и собрано на подарки 759 тысяч рублей. На 14 января 1942 года Чечено-Ингушетия внесла в фонд обороны страны 5 млн. 135 тысяч рублей, на 6 миллионов 265 тысяч рублей облигаций государственных займов, золота, серебра и других ценностей. В течение десяти месяцев 1943 года трудящиеся

республики отправили свыше 400 вагонов коллективных подарков для фронта.

Дети Чечено-Ингушетии тоже не оставались в стороне. С августа 1941 года 15 тысяч пионеров и школьников добровольно трудились в народном хозяйстве.

29 сентября 1942 года в Грозном состоялся антифашистский митинг, на котором чеченские женщины и девушки поклялись бороться с фашистами. В том же 1942 году по комсомольским путевкам обкома на войну отправились добровольцами 50 молодых девушек. Одна из них – токарь машиностроительного завода «Красный молот» города Грозного, чеченка **Лиза Муцаева**. Девушка-воин, став дальномерщицей зенитного батальона, исколесила огненные версты войны. Благодаря ее точным расчетам, велся прицельный поражающий огонь по немецким самолетам. Пройдя боевой путь сначала в составе женского батальона 1-го Украинского, затем 2-го Белорусского фронтов, Муцаева Лиза удостоилась правительственных наград. Добровольцем в мае 1942 года на фронт отправилась и жительница селения Старая Сунжа **Совдат Тепсаева**. Вернулась с фронта отважная девушка с боевыми ранениями и заслуженными медалями. Другая наша героическая соотечественница – зенитчица **Човка Бакаева** из чеченского селения Мескер-Юрт Шалинского района сражалась под Смоленском и Харьковом. Жительница села Серноводское **Есимат Мазаева** – сестра легендарного танкиста Маташа Мазаева, в первые дни войны устроилась работать медсестрой в госпитале, а затем попросилась на передовую. Военфельдшер Есимат Мазаева вместе с боевыми подругами под обстрелами и бомбежками спасает жизни советским бойцам до 1943 года. В том же году на железнодорожной станции г. Кропоткина во время очередной бомбежки Есимат получила тяжелое ранение и была комиссована. В звании капитана медицинской службы 22-летняя девушка вернулась в родной Серноводск и продолжала работу в военном госпитале уже в самом селе. Для капитана медицинской службы – кавалера 9 орденов и медалей Есимат Хамзатхановны Мазаевой – испытания войной оказались лишь частью горькой чаши, впереди была бессрочная ссылка с лишением всех прав и заслуг перед Родиной, но она, как и ее боевые соратницы-чеченки, весь чеченский народ – выстояла.

Возвращаясь в недалекое прошлое военных 40-х, убеждаешься, что в самые тяжелые годы в бывшей Чечено-Ингушетии масштабно была развернута культурно-пропагандистская работа, целью которой являлось поднимать патриотический дух советских граждан в тылу и на фронте. Для этого создавались агитбригады, выступавшие во всех уголках республики, на полевых станах и на предприятиях, в госпиталях и в воинских частях. Сам за себя говорит тот факт, что только драматических кружков по республике было 113, в них участвовало 1381 человек. А всего кружковой работой на тот период охвачено до трех тысяч человек, которыми было организовано более 5-ти тысяч концертов. Как свидетельствуют документы, национальный театр обслуживал все районы, пешком добираясь по крутым горным тропам к самым отдаленным аулам. Репертуар его был разнообразен: одноактные пьесы, песни народные и новые, посвященные теме войны с фашистами, народные танцы, музыка, художественное чтение. Коллективом Чечено-Ингушского драмтеатра было дано более 100 концертов. За первое полугодие 1942 года было дано 123 спектакля. Указом Президиума Верховного Совета ЧИАССР от 30 декабря 1942 года Чечено-Ингушскому государственному национальному драмтеатру присвоено имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова. Концертная фронтовая бригада, невзирая на тяжелые условия и непогоду, давала концерты в воинских частях, воодушевляя бойцов и командиров на ратные подвиги. Артисты М.К. Кодзоева, Н.Э.Уликов, З.Исакова, А.Ф.Иримов, А.К.Давыдов,

М.А. Эсамбаев и другие к апрелю 1943 года дали более 700 концертов. Сумма сборов от некоторых концертов и выступлений артистов (для гражданского населения) перечислялась на постройку эскадрильи самолетов «Советский артист» и в фонд госпиталей.

Личный семейный архив ветерана войны Зины Исаковой свидетельствует о том, что Чечня давала фронту не только храбрых воинов, но и способствовала поднятию духа наших солдат. Зина в годы войны была в составе концертной бригады и помнит, как артисты, рискуя жизнью, выезжали с концертами на различные участки фронтов. Многие из них награждены почетными грамотами и медалями. Их заслуги признали тогда же в те суровые годы. Указ Президиума Верховного Совета ЧИАССР от 30 июня 1943 года гласил: **«За образцовое художественное обслуживание частей Красной Армии в дни Великой Отечественной войны и за заслуги в развитии искусства республики присвоить звание заслуженного артиста Исаевой Асе Марцаровне – артистке Чечено-Ингушского драмтеатра и этим же указом наградить почетными грамотами артисток Чечено-Ингушского драмтеатра: Алиеву Тамару Шаиповну, Цемиеву Хулиमत Шамилевну – Преседатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР Ю. Тамбиев и Секретарь Президиума Верховного Совета ЧИАССР М. Комаров».**

В числе заслуженных деятелей культур есть и одна из первых актрис – Ташухаджиева Ася, начинавшая свой путь на сцену в первом драматическом советском театре нашей республики в 1931 году, а в 1938 году ставшая депутатом Верховного Совета ЧИАССР.

Все население республики трудилось под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». За самоотверженный труд на заводах и фабриках медалью «За оборону Кавказа» были награждены 3482 женщины Чечено-Ингушетии.

Несмотря на незаконную ссылку в феврале 1944 года, чеченцы активно продолжали работать на нужды фронта. Подавляющее большинство из них было выселено в Карагандинскую область, на территории которой была создана целая система лагерей и специальных поселков. Чеченцы работали в угольном бассейне, участвовали в жилищном строительстве и строительстве промышленных предприятий, были заняты в сельском хозяйстве, благоустройстве городов и поселков Карагандинской области. Женский труд широко применялся в шахтах на плитах, приводах, когда еще не было автоматики для запуска цепочки приводов, да и в добычных и проходческих забоях. К примеру, **Кусиева Азман**, 1920 года рождения, уроженка села Верхний Наур, освоив мужскую профессию, спускалась, как и многие другие чеченки, на 140 метров под землю и добывала уголь. В бригаде Тагира Генердукаева она прославилась как самая сноровистая горнячка. **Азарсаева Айхант, Элимаева Малика, Исакиева Зайнап, Исакиева Бяги, Тукаева Малика, Султаева Петимат, Арсанова Рихант, Баталова Хава, Джабраилова Хасибика, Халимова Бурсу, Гебертаева Сарсар, Гебертаева Бяги, Нуралиева Залва, Абдразакова Айсет, Азарсаева Моша, Цанаева Пети, Цанаева Есита, Арсаханова Хани, Арсханова Машет, Эпендиева Киса, Эдилсултанова Маруся** и многие другие чеченские женщины участвовали в становлении Караганды как угольного бассейна. А сколько женщин-горянок поднимали безлюдные просторы казахских степей, колхозы, госхозы, строили жилье... Трудно назвать ту сферу, где они не трудились.

В это же время много трудилась и чеченская интеллигенция. Спецпоселенцы, попавшие в ссылку, часто привлекались к своему профилю работы, поскольку на местах не хватало специалистов. Известная чеченская писательница **Исаева Марьям**, выпускница Ростовского госуниверситета, до выселения в 1944 году

– директор Чечено-Ингушского краеведческого музея, работала в поселке Чулак-Тау учительницей.

Свою трудовую деятельность в ссылке заслуженная артистка ЧИАССР **Асет Исаева** начинала в поселке Аурахмат (Узбекистан) на плавикошпатовом комбинате чернорабочей, а затем судьба привела ее в сферу культуры.

Выпускница Московского пединститута **Чентиева Марьям** – ученый-исследователь чеченского языка, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки, с 1939 по 1943 годы возглавлявшая Наркомат просвещения ЧИАССР, трудилась в 1944 году заведующей детским садом в г. Алма-Ате.

Уроженка села Шали **Дугаева Тамара** – первый профессиональный фармацевт-чеченка, отличник здравоохранения СССР, награжденная этим отличием в 1941 году за трудовые достижения, работала управляющей аптеки в городской больнице в Джамбульской области в Чулак-Тау. (В первые же годы ссылки ей тоже довелось трудиться рабочей в совхозе).

Таких примеров не только десятки или сотни, их – тысячи.

В те суровые годы невзгод и жестоких испытаний чеченскому народу удалось выжить и сохранить свою честь, достоинство и самобытность, во многом благодаря чеченским женщинам, которые работали на шахтах и рудниках Казахстана, на полях и стройках, чтобы прокормить своих детей, и в силу своей высокой нравственности, не смешиваясь с другими этносами, спасли полуистребленный народ от ассимиляции (хотя они по Указу от 11 января 1945 года постановлением НКВД СССР «при выходе замуж за местных жителей снимались с учета спецпереселенцев и освобождались от всех режимных ограничений»).

За каждым упомянутым именем своя судьба, свой нелегкий жизненный путь. История чеченского народа изобилует конкретными фактами стойкости, героизма и самопожертвования чеченских женщин. Чеченские женщины и в наши дни несут эту «эстафету стойкости и духа».

Иса Окаров

Светлые дороги Эдильхана

Очерк

Так совпало, что 31 декабря стало вдвойне праздничным днем в жизни Хамзата Саракаева – это и встреча Нового года, и свой восемьдесят пятый день рождения.

Хамзат Саракаев родился в старинном чеченском селении Ведено в 1927 году. Его родители, отец Ибрагим-Бек и мать Мариам Саракаевы, были первыми чеченскими журналистами, публицистами. Мариам Эльмурзаева (в девичестве), дочь родного брата известного на Кавказе и в России нефтепромышленника,

мецената и общественного деятеля Тапы Чермоева, первая из чеченок окончила Грозненскую женскую гимназию. Известный писатель, историк-краевед, Халид Ошаев отмечал: «В 20-х годах, когда в чеченском обществе крепко бытовали законы адата и шариата, которые строго-настрого запрещали женщине участвовать в общественно-политической жизни, Мариам была первой горянкой, ставшей в 1925–26 годах сотрудницей первой чеченской газеты «Серло» (Свет). Она работала в редакции переводчицей...»

Хамзат слишком рано ощутил горький привкус сиротства – мать умерла, когда ему не было и года, а в шесть лет он лишился и отца. Маленькому мальчику навсегда запомнились похороны отца. В тот день к ним нагрянули чекисты: арестовывать бывшего белого офицера и Георгиевского кавалера Ибрагим-Бека Саракаева. Проявляя «пролетарскую

бдительность», они приказали развернуть саван...

Воспитывал Хамзата дядя Азиз, которого он любил не меньше отца. Бабушка, старшие братья Азамат и Юсуп окружили его вниманием и заботой, чтобы как-то скрасить ему отсутствие родительского тепла.

В мальчике рано проявились способности к учебе, любознательность, желание поскорей познакомиться с окружающим его миром: с людьми, богатой и разнообразной природой своей родины. Старая царская крепость Ведено, с ее высокими и уже обветшавшими стенами, напоминала ребятам о не очень еще далеких временах Кавказской войны, имаме Шамиле... К тому же бабушка Хамзата по матери была внучкой одного из самых талантливых наибов-полководцев – Талхига Шалинского. Она любила вспоминать, как после очередной схватки с царскими войсками к ним приходил отдыхать знаменитый Хаджи-Мурат. Как она поливала ему из кумгана, а он, умывая окровавленные в бою руки, приговаривал удовлетворенно: «Немало мы сегодня порубали кафиров...»

Примечательно, что Хамзат перевел знаменитую повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат» на чеченский язык, и она издавалась в 60-х годах прошлого века в Чечено-Ингушском книжном издательстве. Кроме этого, он перевел на родной язык из Толстого повесть «Кзаки», рассказы «Набег», «Рубка леса» и другие.

Детским годам посвящены повести Хамзата Саракоева «Крепость в горах» и «Дороги Эдилхана». «Крепость в горах» знакома и русскоязычному читателю – в замечательном переводе Галины Яблоковой она вышла в Чечено-Ингушском книжном издательстве в 1983 году.

Одинаково хорошо владея родным чеченским и русским языками, писатель, однако, предпочитает писать на «языке матери» (так называют на чеченском любой родной язык). Много в воспитательном и образовательном плане дала в раннем детстве Хамзату его няня-дворянка. Ее муж, белый офицер и друг Ибрагим-Бека, был расстрелян большевиками. Из дворянской гордости, она отказалась от безвозмездной помощи, и тогда он предложил ей стать няней своему сыну. Это произошло в Темир-Хан-Шуре, где отец Хамзата служил в начале 30-х годов.

Няня, кроме колыбельных, часто напевала ему и «взрослые» гусарские песни и романсы, с грустью вспоминая прошлое. Хамзат до сих пор помнит некоторые из них. У него есть даже стихотворение, навеянное воспоминаниями об этих песнях, которое так и называется – «Гусарская песня». Уже в одиннадцатилетнем возрасте он увидел его опубликованным в республиканской газете «Ленинский путь», а в 1940-м году его стихи были включены в коллективный поэтический сборник молодых чеченских авторов под общим названием «Наши песни». Правда, вместо его фамилии было написано: «Мальчик двенадцати лет».

Всюду, куда бы ни приводили Эдилхана-Хамзата непредсказуемые дороги детства и юности, он встречал добрых и отзывчивых людей. В станице Червленной, в довоенном городе Грозном, в опорной школе на территории бывшей царской крепости Ведено, в военном госпитале в горном ауле Чишки или в санатории поселка Катаяма Старопромысловского района Грозного – всюду у Эдилхана верные, неразлучные друзья, ребята со всех концов страны и всех национальностей. Ему всегда свойственно видеть в людях только положительное и, наверное, поэтому в жизни ему встречалось больше людей хороших, чем плохих.

Верность своему народу, друзьям, любовь к своей прекрасной родине Эдилхан несет по всем страницам повестей. Одно из этих положительных качеств его характера ярко иллюстрирует следующая сцена из повести «Неведомыми тропами».

Майор Куракин, с которым дружит Эдилхан, предлагает ему помощь в получении нового паспорта через своего друга, паспортиста. Нужно добавить, что только Куракин знал о национальной принадлежности Эдилхана. Но для благополучного завершения учебы и дальнейшей службы нужно будет изменить в паспорте запись о национальности – например, стать азербайджанцем или узбеком.

«Тысяча мыслей пробудилось в моей голове: «Как? Разве не предательство это по отношению к своей нации, народу? В трудную минуту... А как я посмотрю завтра ему в глаза? Что скажут мои братья, друзья? Если бы я сделал это, что бы сказал отец, если бы был жив? Разве бы он позволил это мне?... Нет, не позволил бы. Ведь все, кто знал его, говорили, что он настоящий мужчина. Как же... Неужели я должен был говорить, что я не чеченец ради того, чтобы мне позволили здесь учиться? Он, наверное, – незаметно взглянул я на майора – предлагает мне от чистого сердца, желая мне добра...»

Это эпизод повторяет реальный случай из периода учебы Хамзата Саракаева в училище речного и морского плавания в городе Чарджоу Туркменской ССР, куда нелегально от властей и старшего брата Юсупа, он поступил в 1947 году. В то время, как известно, переход из одного населенного пункта в другой наказывался двадцатилетним заключением в лагеря ГУЛАГА.

Его забрали прямо с занятий, в начале второго курса, и свирепый майор НКВД кричал на него и оскорблял при всех, припоминая пресловутого «белого коня под золотым седлом» для Гитлера. Поразительный по смелости и дерзости пример для тех лет тотального сталинского террора, – когда весь состав штурманского отделения мореходного училища пришел к зданию управления НКВД г. Чарджоу вызволять своего товарища! И снова, то ли невероятное везение, то ли Божья милость, почти всюду сопровождавшие Хамзата, спасли его от беды.

В отчаянии он написал письмо трем членам Политбюро ЦК КПСС – Калинину, Булганину и Ворошилову – с просьбой разрешить ему продолжить учебу. И вскоре пришел ответ, позволивший курсанту Саракаеву дальнейшую учебу и службу по специальности.

Ветеран труда, член Союза писателей и Союза журналистов СССР, заслуженный журналист Чеченской Республики Хамзат Ибрагим-Бекович Саракаев, будучи долгие годы заведующим отделом художественной литературы Чечено-Ингушского книжного издательства, много сделал для начинающих литераторов, помогая им в издании своих первых трудов, делясь своим богатым жизненным и творческим опытом. И не только.

В своей домашней книге он прописывал многих, начинавших тогда свой творческий путь, а теперь уже известных писателей, поэтов и журналистов. Гостеприимный дом Хамзата и Тамары Саракаевых всегда был полон гостей.

Сам он в молодости, в начале своего творческого пути, плодотворно общался и дружил с такими людьми, как Халид Ошаев, Магомет Сулаев, Магомет Мамакаев и многими другими, являющимися ныне классиками чеченской литературы.

Замечательный человек, талантливый писатель и поэт Шима Окуев, у которого часто бывал в Шатое Хамзат, рассказал ему еще в начале 60-х годов старинное предание о трагической любви двух молодых людей, передававшееся в этих горах из поколения в поколение. Под впечатлением от услышанного Хамзат написал рассказ «Нихларский мост», полный национального колорита и трагического, романтического обаяния.

В том, что роман Абузара Айдамирова «Долгие ночи» все же вышел в начале семидесятых годов прошлого века, была и большая заслуга редактировавшего рукопись Хамзата Саракаева. Ему предоставлен был полугодовой творческий отпуск для этой работы, хотя Чечено-Ингушский обком партии всячески препятствовал изданию этого «националистического произведения». Много времени Абузар и Хамзат провели вместе над рукописью, стараясь, как можно меньшими потерями, провести через коммунистические идеологически-цензурные заслоны это столь важное для нации произведение.

Выход романа «Долгие ночи» буквально встряхнул национальное самосознание чеченского народа, раскрыл многим глаза на малоизвестные страницы Кавказской войны и последующее выселение части народа в Турцию, о которой писал еще отец Хамзата, Ибрагим-Бек, в своей яркой, обличительной статье «По трущобам Чечни», с подзаголовком «Жгучий и наболевший вопрос». В ней первый чеченский журналист и правозащитник обличает самодержавие в нарушении прав и свобод, щедро дарованных народу в прокламациях после

окончания многолетней Кавказской войны. Он утверждает в статье, что Чечня, отойдя от Шамиля, добровольно вошла в состав Российской империи.

В 1991 году, когда уже не стали выплачиваться пенсии и зарплаты, когда впереди уже явственно вырисовывалась перспектива разрухи и, в лучшем случае, полуголодного существования, Хамзат нашел силы и средства для издания за свой счет этого, столь ценного для исторического наследия нации, труда.

«Дороги Эдильхана», «Счастье трудных дорог», «Вслед за солнцем»... Примечательно, что образ дороги, став лейтмотивом творчества Хамзата Саракаева, звучит основной, подсознательной целью жизни главного героя Эдильхана. Светлая, романтическая мечта познать мир, увидеть дальние страны, быть полезным стране и своему народу – это юношеская жизненная установка Эдильхана.

Бить фашистских захватчиков без пощады, храбро сражаться с врагом, помня всегда, что ты в своем лице представляешь весь чеченский народ – таково моральное кредо воина-артиллериста Салаха Садыкова из повести «С верой в победу».

«Я много ездил по стране, – говорит Эдильхан – но, куда бы ни забрасывала меня жизнь, всюду – и в далеких казахстанских степях, и в опаленных солнцем песках Туркмении, и на берегах свирепого Арала, и на волнах воспетого в песнях Иртыша – я помнил и никогда не забывал родных сердцу мест...»

Об этом же говорят стихи Хамзата Ибрагим-Бековича Саракаева, которые хотелось бы привести в завершении повествования:

Мы путями легкими не шли,
Но повсюду, с кем бы мы ни знались,
Берегла нас горсть родной земли,
Только ей мы всюду поклонялись.

Кажется, под грушей мы вдвоем,
Многих нам уже не досчитаться.

Мы уже без матерей живем,
Но без родины нельзя остаться.

Мы уйдем или падем в бою,
Но за нас не будет стыдно людям.
А забывших родину свою
Мы судили и сегодня судим.

Перед сильным не клоня главы,
На добро чужое не прельщаясь,
Были безупречно мы правы,
К отчету порогу возвращаясь...

Лиза Адмисиева

«О Кавказской линии...» И. Дебу

Интерес к изучению истории Азово-Моздокской (Кавказской) линии отчетливо проявился еще у ее современников в первой половине XIX столетия. Один из крупных региональных чиновников того времени Иосиф Дебу посвятил этому вопросу довольно объемное издание. Эта книга в наши дни вряд ли может быть названа монографией, учитывая сумбурность и нелогичность изложения. Однако работа И. Дебу является одной из немногочисленных публикаций, посвященных непосредственно Азово-Моздокской линии, и содержит ценный материал о жизни на Кавказской военной линии с 1816 по 1826 годы.

Иосиф Львович Дебу родился 19 декабря 1774 в Италии, городе Ливорно. Переехав с отцом, доктором Пизанского университета, в Россию, он учится в кадетском корпусе, по окончании которого поступает на военную службу.

В 1809 году Дебу назначен шефом Казанского пехотного полка на Кавказ. Уже в 1813 году Дебу – командир левого фланга Кавказской линии. В 1816 году произведен в чин генерал-майора и назначен командиром 1-й бригады 22-й пехотной дивизии и начальником правого фланга Кавказской линии. Будучи в отставке, Дебу – тайный советник, сенатор, Оренбургский гражданский губернатор.

Во время пребывания на Кавказе Иосиф Дебу написал книгу, которую назвал «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, о соседственных горских народах», изданную им в 1829 году в Москве. Работа эта – результат личных наблюдений и изучения Кавказского края и заключает в себе сведения о Кавказе, малоизученном до этого времени.

В продолжение шестнадцатилетней службы на Кавказской линии Дебу собирал сведения об этом малоизвестном (для него и россиян) крае. В основном это были сведения по военной части, однако он уделил немало внимания и местным народам, населявшим прилегающие к линии территории, Их истории, традициям, обычаям.

В первой главе автор дает историко-географическое описание Кавказского края. Жители области – это не только русские переселенцы, но и «*армяне, грузины, кабардинцы, осетинцы, кистенцы, кумыки, ногайцы, трухменцы и абазинцы*»¹. Жители уездных городов и окрестностей занимались, по утверждению Дебу, земледелием, шелководством, виноградарством. Жители Кизляра, например, занимались виноградарством и спиртокурением, а также торговали с Персией и кавказскими народами.

В планах Петра I, как напоминает нам И. Дебу, было «учредить сухопутную и безопасную дорогу, способствующую торговым связям между Руссиею и Индиею». Это должно было «послужить к скорому и беспрепятственному обогащению России». Кавказская линия должна была отделять завоеванные территории от земель горских народов и ограждать от набегов «немирных» горцев.

Описание Кавказской линии Дебу начинает с основания Моздокской кордонной линии, после того как была построена крепость Моздок. «...Начиная от Сладкоречной пристани при заливе Каспийского моря, она простиралась до кордона Моздока, построенного уже в 1763 году»³. Описывая жизнь казаков, Дебу отмечает, что взаимоотношения последних с чеченцами изначально были миролюбивыми. «По переходе гребенских казаков внутрь линии чеченцы обращались с ними по-соседски и, по правилам здесь известной баранты, заключающейся в дружелюбном расчете, т.е. во взаимном отгоне скота, который, в случае несправедливости, возвращался обиженному с помощью посредников,

кунаками... Гребенское войско, по переселении своем, держась прежних с чеченцами в горах навыков, отличается от прочих поселенных казаков не только в одежде обоего пола и в образе жизни, но и в действителности оружием»³.

Автор приводит данные о том, откуда появились те или иные казаки на Северном Кавказе. Даны довольно отрывочные сведения о хозяйственных занятиях казаков, тем не менее и эти сведения представляют интерес для изучения истории края, так как история казачества является неотъемлемой частью истории Чечни в определенный период.

Вторая глава посвящена историческим замечаниям «относительно соседственных с линией народов». Это – кумыки, аксаевцы, костюковцы, андреевцы – народы, проживавшие напротив терских и семейных казаков. А также чеченцы – их земли находились напротив гребенских и части моздокских казаков, о которых Дебу пишет, что «во время жительства своего за Терреком защищаемы были чеченцами, коим вспомоществовали в разбоях...»⁴.

О чеченцах сказано, что «союз с ними почитается важным как соседственными, так и отдаленными народами...» Сквозь неприязненное отношение к горцам и прежде всего к чеченцам, которое сквозит при каждом упоминании последних, можно проследить, как чеченцев вытесняли с их исконных земель, обвиняя в нападениях и наказывая при каждом удобном случае. Хотя никто с уверенностью не может сказать, кто же начал первый: горцы или казаки? И что было раньше: «разбой», нападения на казачьи станицы и угон скота или карательные экспедиции, «репрессалии» и наказание аманатов?

Третья глава книги посвящена командующим Кавказской военной линией, каждый из которых оставил свой след в истории формирования и функционирования линии.

В 1791 году на Линию прибыл новый командующий – генерал-аншеф Гудович. Вступление его в должность было ознаменовано взятием турецкой крепости Анапа. А «по возвращении оттуда принудил он все горские народы, Кавказскую линию окружающие, дать присягу в том, что они впредь будут оставаться спокойными».

С именем генерал-поручика Потемкина связано появление новых крепостей, активное заселение Линии переселенцами из России и создание собственно Азово-Моздокской линии, протянувшейся от Каспийского до Черного моря, после чего эта линия стала называться Кавказской военной линией.

В 1816 году Главнокомандующим на Кавказ был назначен А.П. Ермолов. Свою основную деятельность генерал начал с покорения Чечни. План покорения народов Северного Кавказа, представленный им Александру I, предполагал перенос укрепленной линии с Терека на Сунжу, выселение чеченцев с Терской и части Сунженской низменности, с последующим заселением этой территории казаками, и установление военно-экономической блокады горной Чечни, чтобы заставить чеченцев покориться. Дебу, конечно же, описывает со-

(91)

ихъ, защитники сіи сдѣлались пришельцами какъ Козаковъ, шакъ и сосѣдственныхъ народовъ.

§ 65. Чеченцы неимѣютъ владѣльцевъ, а управляются семейственно, подѣ малою по наружности зависимоію отъ духовныхъ; впрочемъ личная храбрость и ловкость какой либо семьи, имѣетъ немалое вліяніе на расположеніе всего ихъ народа. Частые и удачные разбои суиъ между *Горцами* удобнѣйшія средства, коими можно прославиться.

§ 66. Хопы Чеченцы неимѣютъ болѣе семи деревень съ выселками; но, по выгодному ихъ положенію и по общей склонности къ разбою, союзъ съ ними почитается важнымъ, какъ сосѣдственными, шакъ и отдаленными народами; по сей близкой съ ними связи, въ случаѣ нападенія сильнаго непріятеля, содѣйствуютъ Чеченцамъ всеми возможными средствами. До населенія *Моздока* и учрежденія Грузинской дороги, Чеченцы исучинили важныхъ грабежей въ нашихъ предѣлахъ; но въ 1784 году обратили они всѣ свои силы по извѣстному выше сего причинамъ (§ 12), чтобы воспрепятствовать предполагаемому и споль для нихъ невыгод-

бытия с позиции царского чиновника и военного, призванного защищать российские государственные интересы. Он считает, что все меры, предпринимаемые против горцев, были необходимы вследствие «неоднократных вторжений хищников» и других действий горцев. Однако внимательный читатель сможет отличить субъективность изложения от фактического материала, который присутствует в работе И. Дебу. В книге описаны многочисленные экспедиции, предпринятые против горцев Северного Кавказа. Несмотря на ненаучность изложения материала, работа И. Дебу представляет интерес для изучения не только истории Чечни, но и всего Северного Кавказа.

Словарь

Кавказская военная линия. Кавказская кордонная линия проходила по рекам Кубани, Малке и Тереку, передовые линии по Лабе и Сунже, передовые пункты и все занятые русскими части края — по северную сторону Главного Кавказского и Андийского хребтов. Основанием Кавказской линии послужили русские поселения, в XVI–XVII веках появившиеся на Тереке и Кубани.

Репрессалии. По международному праву — принудительные меры, предпринимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства с целью заставить его прекратить эти действия и возместить ущерб. В широком значении — карательные действия.

Аманат (уст.) — заложник. Историческое название заложников на Северном Кавказе во время Кавказской войны и в Башкирии во время Башкирских восстаний и Крестьянской войны 1773–1775 годов.

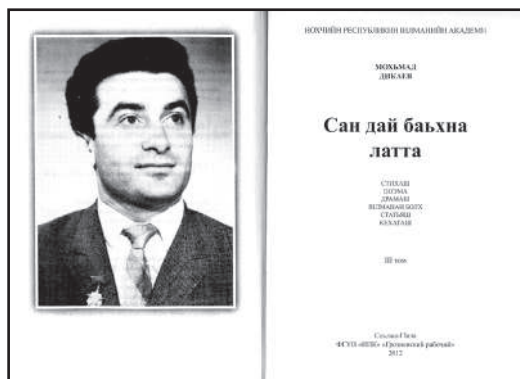
Баранга — захват скота как способ мести за обиду или вознаграждения за причиненный ущерб.

¹ Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, о соседственных горских народах. — Спб., 1829. С. 23.

² Там же. С. 30-31.

³ Там же. С. 55-56.

⁴ Там же. С. 90.

Книжные новинки**Земля отцов**

Академией наук Чеченской Республики, при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, в рамках Федеральной целевой программы «Культура России», издан третий том (в серии «Духовное наследие народов Чеченской Республики») стихов, поэм, драм, научных работ, статей и писем известного чеченского поэта Магомеда Дикаева «Сан дай баъхна латта» – «Земля отцов». Многим, наверняка, будет интересно узнать о творческом пути Дикаева «из первых уст», много лет назад искренне и проникновенно поведенном поэтом поклонникам своего творчества. Также в настоящей книге

достаточно широко представлено не только поэтическое творчество, но и исследовательские работы М. Дикаева о жанрах и видах дореволюционной чечено-ингушской лирики (на чеченском и русском языках). Как отмечает в предисловии к разделу, посвященному научным работам М. Дикаева, ученый-фольклорист, кандидат филологических наук Исмаил Мунаев, несмотря на богатое дикаевское наследие, творчество его слабо изучено. До сих пор в крайне неудовлетворительном состоянии находилось и издание поэтического и научного наследия, что ученый напрямую связывает с отсутствием чеченского литературоведения и слабым уровнем развития чеченской литературной критики. «С этим связано и то обстоятельство, что поэзия М. Дикаева очень слабо представлена в школьных учебниках чеченской литературы. Поэтому настоящее издание художественного и научного наследия М. Дикаева явится большим подспорьем в деле сохранения и развития чеченского языка и культуры его народа».

Р. Берсанова

К нашим иллюстрациям**Искусство вне времени**

Известный чеченский художник и скульптор Дарчи Хасаханов последние 11 лет проживает в Германии. На родине Дарчи хорошо помнят не только деятели искусства, но и многие любители живописи. В 2001 г. Дарчи уехал в Германию (Баварию). С большим успехом прошли его выставки в Италии, в Австрии (г. Инсбрук). В германском Мюнхене местными властями были организованы 5 персональных выставок Дарчи, а в городе Шондан – 15 раз. В Германии он преподавал живопись и занесен в книгу «Искусство художников всех времен и народов» (Allgemeine Künstler Lexikon), 18 том. Сегодня через свою живопись Дарчи пропагандирует в Европе культуру чеченского народа.

Дарчи Хасаханов родился 30 декабря 1944 года в Ачхой-Мартане. Увлечение лепкой с детства стало определяющим в выборе его будущей профессии. Отучившись в Художественном училище им. Грекова в Ростове-на-Дону, он поступил в Московскую государственную художественно-промышленную академию имени С. Г. Строганова – одно из старейших в России художественных учебных заведений в области промышленного, монументально-декоративного и прикладного искусства и искусства интерьера – которую с отличием окончил в 1977 году. Вернувшись в 1978 г. в Грозный, до первой военной кампании в 1994 г. он работал в Художественном фонде скульптором малой формы, занимался изготовлением медалей, значков. Ему также принадлежат несколько панорамных рельефов, один из них раньше украшал здание Дома печати. Основной материал в работе у скульптора – бронза и медь. Работал Дарчи и с камнем (мрамором), и с керамикой. Для него как художника малая пластика притягательна широкими возможностями импровизации и эксперимента.

Дарчи принимал участие во всесоюзных, республиканских, региональных выставках в разные годы. В 1980 году был принят в члены Союза художников СССР, а в 1981 стал лауреатом ЦК ВЛКСМ Союза художников РСФСР и премии Министерства культуры РСФСР.

На обложке журнала представлены работы Дарчи Хасаханова.

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики литературно-художественного журнала «Вайнах», историк, журналист, психолог. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Публиковаться начала в школьные годы (стихи в газете «Комсомольское племя»). Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор рассказов и поэтических подборок в журналах «Вайнах», «Нана», «Дон» (2006) и в журнале «Эльбрус Минги Тау» (2009) в переводе на балкарский язык.

Марьям Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская», «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», газете «Вести республики».

Шамсуддин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Исраил Горский (Муртазов) родился 29 марта 1949 года в с. Ворошиловка Чуйского района Джамбульской области Каз. ССР. Окончил в 1973 исторический факультет ЧИГУ. Работает преподавателем общественных дисциплин Серноводского аграрно-технического колледжа. Публиковался в «Голосе Чеченской Республики», «Сердало». В 2007 г. стал лауреатом первой премии международного конкурса «Золотое Перо».

Хава Гагаева (1987). Окончила среднюю школу в селе Ванавара Красноярского края РФ. Студентка отделения инструментального исполнительства (фортепьяно) Чеченского государственного колледжа искусств. Пишет стихи с пятнадцати лет. В журнале публикуется с 2012 г. Участница 5-го Совещания молодых писателей Северного Кавказа в Махачкале в 2012 г.

Элора Эльжаева (1989). Родилась в г. Талды-Курган Казахской ССР. В 2011 году окончила ЧГУ (факультет журналистики). Учится (заочно на историческом факультете ЧГУ. Редактор информационных программ радио ГТРК «Вайнах».

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом литературного объединения «Прометей». Работал в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Яхья Усумов (1950). Родился в городе Балхаш Казахской ССР. Живет в селе Ойсахара Гудермесского района. Первые стихи опубликованы в Ножай-Юртовской районной газете «Маяк коммунизма» (1983). Его стихи и рассказы публиковались на страницах журналов «Орга», «Заманхо», в республиканских газетах, в сборнике «Первый президент».

Малика Гортикова. Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия (2005), заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2009). Окончила филологический факультет ЧИГУ в 1974 году. Участница первого Всесоюзного совещания молодых журналистов (г. Москва). Многие годы возглавляла один из ведущих отделов Чечено-Ингушской молодежной газеты «Комсомольское племя». В середине 90-х годов выпустила два номера женского журнала «Малика», посвященного духовным ценностям чеченского народа (московское издательство «Некос», печать – Финляндия). С 2007 года – заведующая отделом древней, средневековой и новой истории Национального музея ЧР. Соискатель ученой степени кандидата исторических наук. Автор ряда научных работ (Грозный, Ростов-на-Дону, Краснодар).

Асет Абубакарова. Окончила филологический факультет в 1978 году. С 1993 года работает в Госархиве ЧР (ныне Архивное управление Правительства ЧР). Пишет статьи публицистического характера, публикуется с 1993 года в местной и российской печати.

Мадина Ахмадова. В 2005 году окончила исторический факультет ЧГУ. С того же года работает на кафедре истории мировой культуры и музееведения ЧГУ. В настоящее время является старшим преподавателем данной кафедры. Публикуется с 2007 г. как в местной печати, так и за пределами республики. Пишет научные статьи на историческую тему.

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1990 г. окончил Литературный институт им. Горького (семинар «Художественный перевод»). Член Союза журналистов СССР (РФ). Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «СтелаИад».

Лиза Адмисиева. Окончила исторический факультет ЧИГУ. Преподаватель кафедры «История народов Чечни», научный сотрудник сектора «История народов Чечни» Академии наук ЧР. Автор научных публикаций: «Борьба горцев Кавказа конца XVIII-XIX вв. в свете основоположников марксизма-ленинизма» (в книге «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» Махачкала, 1994); «К вопросу о формировании Кавказской военной линии (1711-1785)» (Вестник АН ЧР Грозный, 2007 г.); «К вопросу о хозяйственных занятиях на Кавказской военной линии. (Конец XVIII – первая треть XIX в.)» («Таллам», Грозный, 2009) и др.